

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

ГОД ИЗДАНИЯ

V

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1956

С О Д Е Р Ж А Н И Е

В. Н. Ярцева (Москва). Проблема выделения заимствованных элементов при реконструкции сравнительно-исторического синтаксиса родственных языков.	3
А. Л. Трахтеров (Москва). Основные вопросы теории слога и его определение	15

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. С. Попов (Москва). Значение слова и понятие	33
В. Г. Адмони (Ленинград). Развитие синтаксической теории на Западе в XX в. и структурализм	48
О. С. Ахманова и Е. А. Бокарев (Москва). Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема	65

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Н. А. Баскаков (Москва). Типы атрибутивных словосочетаний в каракалпакском языке	79
И. П. Мучник (Москва). О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке	92
И. Р. Гальперин (Москва). О термине «слэнг»	107
Я. А. Спричак (Днепропетровск). К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV—XV вв.	115

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Т. Я. Елизаренкова (Москва). Языкознание в Индии за последние годы	123
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. В. Булыгина, О. Н. Мораховская, Б. С. Шварцкопф, Д. Н. Шмелев (Москва). Обзор зарубежных славистических журналов	141
Ю. К. Лекомцев (Москва). Работы вьетнамских языковедов	151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. П. Зверковская (Москва). В Институте языкознания АН СССР	155
Указатель статей, напечатанных в журнале «Вопросы языкознания» в 1956 г.	158

Редколлегия

О. С. Ахманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор), В. П. Григорьев (и. о. отв. секретаря редакции), А. И. Ефимов, В. В. Иванов (и. о. зам. главного редактора), Н. А. Кондратьев, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова

Подписано к печати 18.XII 1956 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 5 Печ. л. 13,7
 Уч.-изд. 14,6 Тираж 11850 Зак. 866 Т-12116

2-я тип. Издательства АН СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

В. Н. ЯРЦЕВА

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В статьях, посвященных вопросам сравнительно-исторического языкознания, неоднократно отмечалась слабая разработанность сравнительного синтаксиса и специфические трудности, связанные с исследованием этой области сравнительной грамматики. Большинство авторов признает, что методы сравнения в области синтаксиса все еще остаются неясными¹.

Тем не менее объективно существующие трудности, обусловленные спецификой синтаксиса как особой части грамматического строя языка, не должны приводить к отказу от реконструкции синтаксических моделей. Как правильно замечает проф. П. С. Кузнецов, «отказ от такой реконструкции приведет нас к агностицизму, т. е. к установлению одних лишь соответствий между словами и формами родственных языков без ответа на вопрос, каким же образом эти соответствия возникли»².

При наличии четкой методики анализа, гарантирующей объективность исследования и достоверность реконструкции, восстановление синтаксических моделей оказывается вполне возможным.

Какими же материалами располагает лингвист, когда он подходит к необходимости реконструировать модели языка-основы, не зафиксированного письменностью? Очевидно, лишь письменными памятниками древнейшего исторического прошлого засвидетельствованных языков, данными живых диалектов, некоторыми косвенными историческими свидетельствами. И здесь неизменно встает задача выделения исконных синтаксических конструкций среди того, что появляется в каком-либо из родственных языков в результате более позднего самостоятельного развития в каждом языке унаследованных образцов. Вместе с тем необходимо выявить в синтаксисе и то, что может оказаться заимствованным из синтаксических моделей языков другого строя.

Важность отделения «своего» от «чужого» с тем, чтобы на основе этого «своего» проводить реконструкцию синтаксического строя языка-основы, самоочевидна. Менее очевидны, однако, те трудности, с которыми сталкивается исследователь, приступивший к выполнению этой задачи. Кажется бы, слой «чужих», заимствованных конструкций должен с легкостью отделяться от исконного материала грамматики данного языка. Однако

¹ См., например, следующие статьи: С. Б. Б е р н ш т е й н, Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков», ВЯ, 1954, № 2, стр. 51; Р. А. Б у д а г о в, Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса романских языков, ВЯ, 1955, № 3, стр. 4; Г. С. К н а б е, О применении сравнительно-исторического метода в синтаксисе, ВЯ, 1956, № 1, стр. 77.

² См. П. С. К у з н е ц о в, Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков, ВЯ, 1952, № 5, стр. 39.

большие трудности для решения указанной проблемы создаются именно «мотивированностью» синтаксических построений и тем, что слова в словосочетаниях (а тем более в предложении) обладают меньшей степенью «сцепляемости», чем морфемы слова. В результате этих объективно существующих трудностей исследования в лингвистике XIX—XX вв. появилась тенденция чрезмерно преувеличивать возможности иноязычных воздействий на синтаксический строй языка (что объяснялось еще и представлением о синтаксисе, как о наиболее легко «проницаемой» области языка) и вообще ставить под сомнение целесообразность реконструкции синтаксиса языка-основы.

Не могли, естественно, выделить в синтаксисе «свое» и «чужое» те из лингвистов, которые полагали (недалеко уходя в этом от идеи универсальной грамматики XVII в.), что синтаксис только отражает общечеловеческую логику, так как они не обращали внимания на исторически сложившуюся специфику грамматического строя изучаемых ими языков.

Некоторые представители структурального направления, интересовавшиеся главным образом выражением отношений и значений в языке и не учитывавшие исторической эволюции формы и содержания этих отношений и значений, недооценивали единства грамматической системы языка и допускали соединение в каком-либо языке унаследованной морфологии и целиком заимствованного синтаксиса¹. На деле оказывается, однако, что именно синтаксические явления, пограничные с областью морфологии, наименее подвержены иноязычным влияниям и поддаются реконструкции с наибольшей степенью достоверности.

Как известно, специальные работы по сравнительно-историческому синтаксису родственных языков весьма немногочисленны. Исследуя происхождение конструкций, по своей структуре как бы не укладывающихся в синтаксические нормы данного языка (что может быть верным или кажущимся), авторы исторических грамматик отдельных языков часто поднимают вопрос об иноязычном влиянии на синтаксис; однако никаких четких критериев для выделения заимствованных синтаксических моделей обычно не дается, а сами сведения о заимствовании тех или иных синтаксических образцов приводятся от случая к случаю. Объяснения происхождения иноязычных синтаксических конструкций в том или ином языке сводятся в основном к следующему. Некоторые лингвисты усматривают в заимствовании синтаксических моделей влияние языка-субстрата, в большей или меньшей степени уточняя характер и этническую принадлежность последнего. Для подкрепления объяснений подобного рода нередко указываются исторические вехи контакта двух языков (хотя и без хронологического уточнения). Иногда более неопределенно говорят о культурном воздействии при столкновении двух языков, но мало связывают это с анализом истории развития исследуемого языка и его особенностей. Наконец, в некоторых работах ссылаются на влияние переводов с одного языка на другой и на проникновение из языка оригинала тех синтаксических оборотов, которые не имеют адекватных параллелей в языке перевода. Согласно этой точке зрения, переводчик бывает вынужден дать синтаксическую кальку или просто заимствовать синтаксическую схему, наполняя ее лексическим материалом своего языка².

Нельзя сказать, чтобы все три указанных выше типа объяснений были полностью неверны. В истории языков бесспорно встречаются случаи иноязычного воздействия на синтаксис. Однако чаще всего толкова-

¹ См. L. Tesnière, *Phonologie et mélange de langues*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939, стр. 85.

² Следует оговорить, что мы проводим разницу между заимствованием синтаксической модели и синтаксической калькой как частным ее случаем.

ния, дававшиеся по поводу фактов иноязычного влияния на синтаксис того или иного древнего языка, были мало убедительны, трудно доказуемы и в целом носили случайный характер. Это объясняется не столько расхождением во мнениях, сколько субъективизмом, характерным для спорящих сторон при оценке данного синтаксического явления. Вполне понятно, что подобный подход к языковым фактам исключал возможность разработки таких критериев, которые могли бы дать твердую почву для спора.

Из сказанного вытекает необходимость разработки строгой методики научного анализа для определения границ возможного иноязычного влияния в области синтаксиса и для выделения иноязычных синтаксических моделей. Нам могут возразить, что сами исторические условия контакта народов, состояние их языков (письменные или бесписьменные языки), строй этих языков и прочие данные неодинаковы в разных случаях. С этим нельзя не согласиться. Но хотя все указанные условия приходится учитывать, есть все же некоторые общие, отправные принципы исследования, несоблюдение которых, как нам кажется, приводило к неубедительности дававшихся объяснений или уводило саму дискуссию на боковые пути. Поэтому хотелось бы прежде всего остановиться на этой стороне дела

*

Подлинно исторический анализ синтаксиса одного языка и выделение в нем заимствованных конструкций очень важны для сравнительно-исторического синтаксиса группы родственных языков. Учет фактов истории отдельных языков позволяет нам не только исследовать их строй в наиболее отдаленные эпохи, но и выявить тенденции развития, которые могут оказаться проявлением и развертыванием исконных элементов, заложенных в грамматической структуре праязыка¹.

Чтобы избежать опасности принять частное явление за закономерность и приписать ее «своему» или, наоборот, «чужому» материалу, необходимо выявить тенденции, действующие на большом историческом отрезке времени. Не останавливаемся сейчас на вопросе о том, что сама тенденция может быть исторически изменчивой².

Итак, одним из условий правильного отделения «своего» от «чужого» является изучение тенденций синтаксического развития в данном языке, ибо они могут быть очень устойчивыми и иметь свои истоки в глубокой древности. Совокупность этих тенденций развития языка создает известную «непроницаемость» синтаксиса для чужеродных влияний; именно благодаря этой «непроницаемости» в синтаксическую систему данного языка как бы «пропускается» только то, что ее восполняет в деталях или с ней контаминируется. Эти свойства синтаксической системы языка легче выявить, рассматривая историю языка в более близкие к нам периоды, когда оба сталкивающиеся языка в равной мере известны. Например, несмотря на длительный период двуязычия, в английском языке обнаруживается очень мало синтаксических конструкций, появление которых можно было бы объяснить влиянием французского языка во время нормандского завоевания Англии. Неправы те англисты, которые, как, на-

¹ В качестве примера можно указать на работу проф. В. Т. Адмони «О некоторых закономерностях развития синтаксического строя» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», V, М., 1953). На основе данных из истории немецкого языка автор устанавливает в этом языке тенденцию к перерастанию глагольно-сказуемостной рамки в такую, которая охватывает все предложение в целом.

² См. об этом, например, В. Г. Адмони, указ. соч., стр. 41—42.

пример, Э. Эйненкель¹, стремятся возводить любую аналитическую форму к французским образцам. Использование предложных конструкций, словосочетаний с полуслужебными глаголами и других словосочетаний, могущих идти по пути грамматизации, в достаточной степени обнаруживается уже в древнеанглийском языке. Можно показать, что синтаксические конструкции современного английского языка являются непосредственным развитием тех форм, зародыши которых (при всем их качественном отличии от современных оборотов) уже имели место в строе древнеанглийского языка.

Отдельные синтаксические обороты, источники которых можно усмотреть в заимствованных синтаксических моделях французского языка (как, например, постановка определения после определяемого), немногочисленны и в подавляющем большинстве случаев не противоречили в момент их появления тенденциям развития грамматического строя английского языка. Примером может служить также использование заимствованных из французского языка глаголов с переходным и непереходным значениями. Глаголы эти в большом количестве проникли в английский язык в XIII—XV вв. и способствовали преобразованию глагольно-объектных отношений, характерных для древнеанглийского периода. Отметим, однако, что синтаксическая форма выражения категории переходности-непереходности в принципе не была чужда древнеанглийскому языку. Заимствованная из французского языка модель глагольного словосочетания контаминировалась с синтаксическим оборотом, возможным в отдельных случаях и в древнеанглийском языке. Дальнейшее развитие английского языка определило именно эту форму связи глагола с субъектом и с объектом, как типичную и нормативную.

Следовательно, при анализе исторического развития строя данного языка особенно важно выявление ведущих тенденций для определения форм взаимодействия «своих» и заимствованных моделей и случаев их контаминации. Заимствование синтаксического образца, как бы накладываемого на структурно близкую к нему исконно «свою» конструкцию, нередко приводит к более интенсивному развитию последней². Необходимо подчеркнуть, что та или иная синтаксическая конструкция языка-основы, послужившая материалом для развертывания и проявления тех или иных тенденций в отдельных исторически-засвидетельствованных языках, сама могла быть полисемантической. Поэтому в группе родственных языков различные стороны ее значения могли быть реализованы по-разному. Следует, однако, ответить и на другой, легко возникающий вопрос. Может ли сама эта тенденция быть порождена некогда заимствованным образцом? Думаем, что может.

Конечно, единичная, частная заимствованная модель (если она не контаминирована с исконной для данного языка моделью) вряд ли может вызвать нечто принципиально новое и серьезно повлиять на развитие грамматического строя заимствующего языка. Однако воздействие языка-субстрата может отразиться на дальнейшем развитии данного языка. Не вдаваясь здесь в подробный разбор этого сложного вопроса³, отметим лишь, что если действительно подобное явление имеет место в том или ином языке, «чужая» синтаксическая конструкция становится «своей»,

¹ См. E i n e n k e l, *Geschichte der englischen Sprache*, II³—*Historische Syntax*, 3-e Aufl., Strassburg, 1916.

² На это указывали различные исследователи. См., например, Р. А. Б у д а г о в, *указ. соч.*, стр. 11.

³ Эта проблема скорее относится к истории дальнейшего развития языка, подвергнувшегося воздействию субстрата, чем к вопросу реконструкции исконных синтаксических моделей.

поскольку она органически входит в заимствовавший ее язык и определяет дальнейший ход его развития.

Очень существенна для разбираемых нами вопросов относительная хронология появления иноязычных синтаксических моделей. Только в том случае, если удастся установить такую хронологию, тенденции развития языка могут быть констатированы как реальность, а не как плод фантазии исследователя. Ясно, что относительная хронология легче устанавливается для звуковых изменений в пределах морфем, чем для изменения структуры синтаксического оборота. Особенную сложность представляет выяснение хронологической преемственности развития значений того или иного синтаксического оборота. Как и в других случаях применения сравнительно-исторического метода, необходимо бывает отличать момент диалектальной дифференциации языка-основы от более древнего этапа его развития до распада на отдельные языки. Это в равной мере важно как для определения инноваций, так и для выяснения роли ранних заимствований в целях реконструкции свободного от заимствований образца. Следует указать, что А. А. Потебня, работы которого в области исторического и сравнительно-исторического синтаксиса являются, с нашей точки зрения, непревзойденными в мировой науке, всегда отмечал различия в этапах развития обнаруженных им тенденций в синтаксисе славянских языков.

Прослеживание дописменной истории синтаксических явлений, несомненно, представляет большие трудности. Вместе с тем важность подобного хронологически членимого анализа трудно переоценить, так как сопоставление в языках внешне сходных черт без учета их истории может привести к совершенно неверным выводам¹.

Относительная хронология появления тех или иных синтаксических закономерностей весьма существенна для определения исторической последовательности включения заимствованных моделей в грамматическую систему заимствующего языка. Важен такой анализ и для выявления степени участия заимствованных синтаксических моделей в разрыве тенденций, направляющих развитие синтаксиса данного языка. Наконец, указанный метод исследования дает возможность обнаружить случаи контаминации заимствованных синтаксических конструкций с автохтонными. Между тем, несмотря на то, что в специальных работах по исторической грамматике различных языков часто ссылаются на всевозможные «влияния», вопросы исторических рамок этих влияний обычно не рассматриваются, причем относительная хронология (в целом более важная для сравнительно-исторического исследования, чем абсолютная) отсутствует. Неопределенность исторических границ особенно ощущается в теориях, относящих отклонения от предполагаемого праязыкового типа за счет влияния языка-субстрата. Правда, трудности в этом случае усугубляются не только отдаленностью времен, когда для данного языка могли создаваться условия подобного влияния, но и тем, что сами структурные черты языка-субстрата часто совершенно неизвестны лингвистам. В. Брэндалл предлагает следующие пути определения типа языка-суб-

¹ Это прекрасно показал, например, С. Б. Бернштейн в своем разборе гипотезы о балто-славянском происхождении творительного предикативного в славянских и балтийских языках. Критика этой гипотезы С. Б. Бернштейном основана на том, что творительный предикативный отсутствовал в старославянском языке и вообще появился в славянских языках довольно поздно, в то время как, наоборот, архаический для латышского языка творительный предикативный был вытеснен там вторым именительным (см. С. Б. Б е р н ш т е й н, указ. соч., стр. 52).

страта: 1) выделение в данном языке всего того, что сходно с родственными языками, и отнесение остального за счет субстрата; 2) проверка этого «остатка» по материалам тех языков, для которых можно предполагать один общий субстрат¹. Сходной точки зрения на методику выявления субстратных элементов придерживается Ж. Вандриес в работе «Лингвистическое положение кельтского языка»².

При подобной методике анализа за счет субстрата относятся известные «выпадения» из системы, черты, не характерные для данной группы родственных языков. Повидимому, этот прием Ж. Вандриес предлагает для выявления заимствованных элементов потому, что главную опасность он видит в возможности отнесения за счет генетической общности того, что на самом деле является лишь результатом случайного совпадения. «Лингвистические возможности ограничены в своем числе, — пишет Вандриес, — одинаковые причины развития, приводящие к одинаковым результатам, встречаются в различных языках, не имеющих между собой никакой исторической близости»³. Следовательно, многое может в языках просто совпадать, вовсе не имея исторически единого источника.

Некоторой гарантией от ошибок в этих случаях может служить то, что подобные случайные совпадения при более внимательном анализе всегда будут иметь несистематический характер. Поэтому явления, заимствованные из языка-субстрата, могут рассматриваться как «выпадения» из системы, в то время как генетически исконные черты составят систему соответствий. «Язык представляет собой целостную систему, — пишет Вандриес, — и не составлен из разрозненных кусков. Пракельтский — это целое, составляемое совокупностью черт кельтских языков, относимых к их индоевропейскому прошлому»⁴.

Приведенные положения Вандриеса носят общий характер и не имеют в виду именно синтаксическую сторону языка. Нельзя, однако, не учитывать того, что ввиду «мотивированности» синтаксиса сходство генетически нетождественных конструкций вполне возможно, так как основания для того или иного построения действительно могут оказаться одинаковыми в разных языках. С другой стороны, как нам кажется, Вандриес не прав, усматривая в исследуемом языке проявление субстрата в виде каких-то отдельных «выпадений» из системы. Такой характер скорее имеют заимствования, появившиеся под влиянием переводов письменных памятников. Трудности выделения элементов субстрата (в такой же мере, как и доказательства его дальнейшего влияния) как раз и проистекают от того, что он весьма прочно сливается с системой языка, на который данный субстрат оказывает свое воздействие. В этом отношении интересный представляется попытка Ю. Покорного объяснить основные черты синтаксиса древнеирландского языка как проявление семито-хамитского субстрата⁵. Придерживаясь той точки зрения, что при смешении языков лексику и морфологию сохраняют «победители», а фонетику и синтаксис привносят «побежденные», Ю. Покорный все своеобразные синтаксические черты древнеирландского языка возводит к субстрату. Для него не может быть речи о случайном совпадении синтаксических конструкций. И это

¹ V. Brøndal, Substrat et emprunt en roman et en germanique, Copenhague — Bucaresti, 1948.

² J. Vendryes, La position linguistique du celtique, «Proceedings of the British Academy», London, 1937.

³ Там же, стр. 345.

⁴ Там же, стр. 346.

⁵ См. J. Pokorny, Das nicht-indogermanische Substrat im Irischen, «Zeitschrift für celtische Philologie», Halle (Saale): Bd. XVI, Heft 1, 2—1927 (обл.: 1926); Bd. XVII, Heft 3 — 1928.

не только потому, что резкое расхождение индоевропейского и хамитского типа языковой структуры облегчает разделение указанных двух слоев в ирландском языке, но в первую очередь потому, что все отдельные частные отклонения от индоевропейского образца объясняются Ю. Покорным как связанные с одной общей причиной, как бы являющиеся ее производными. Так, Ю. Покорный говорит о том, что для древнеирландского языка, как и для берберского, был характерен так называемый «нанизывающий» строй (тип «*anreihende Sprachen*»).

Ю. Покорный пробует доказать, что все синтаксические черты древнеирландского языка, не находящие себе параллелей в других индоевропейских языках, должны расцениваться как наследие от неиндоевропейского населения Ирландии, сходного по своему языку с берберами¹.

Аргументация Ю. Покорного в пользу наличия неиндоевропейского субстрата в ирландском языке представляется во многом убедительной именно благодаря стремлению подвести отдельные частности под общие правила синтаксических построений, заимствованных из какого-то семито-хамитского языка. Вместе с тем стремление все объяснять заимствованием синтаксических моделей из языка-субстрата приводит Ю. Покорного к известной односторонности в трактовке рассматриваемого им вопроса и к игнорированию трудностей проблемы отделения «чужого» в языке.

Мимо этой проблемы прошел и Ж. Вандриес, который, как и Ю. Покорный, придерживается принципа «остаточности» при выделении «чужого» в языке. Однако «остаточные» конструкции, как бы выпадающие из общего синтаксического типа анализируемого языка, часто могут быть не результатом заимствования, а своеобразными архаизмами, удержавшимися (и даже в дальнейшем развивающимися) в одних языках (или в одном) и исчезнувшими в других. Так, широкое развитие именного предложения без глагола-связки в древнеирландском языке Ю. Покорный объясняет как результат воздействия субстрата. Однако, как показал А. Мейе², в древних индоевропейских языках именное предложение было гораздо больше распространено, чем в новых, и ирландский лишь сохранил его в такой мере, в какой это уже стало невозможным в других индоевропейских языках. Поэтому в связи с «выпадениями» из некоей синтаксической схемы, устанавливаемой для данной семьи языков, возникает не только проблема заимствований, но и проблема пережитков, своеобразных архаизмов автохтонного происхождения. Следует, разумеется, учитывать, что тот или иной оборот может считаться архаизмом, если его рассматривать по отношению к какой-то абстрактной схеме общих черт данной группы родственных языков. Для отдельного же языка это может быть вовсе не исключением, а нормой, что, например, мы имеем в приведенном выше случае именного предложения в древнеирландском языке.

Все высказанные здесь соображения приводят к следующим выводам. Столкновение языков в условиях вытеснения одного языка другим может приводить к появлению в победившем языке ряда заимствованных конструкций. Они существуют в языке в целом и не ограничиваются каким-либо одним стилем речи. Определение и выделение их сопряжено с большими трудностями, обусловливаемыми в первую очередь тем, что поберж-

¹ Изложение концепции Ю. Покорного по этому вопросу см. в статье В. Н. Я р ц е в о й «Теория субстрата в истории языкознания» («Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», IX, М., 1956, стр. 26—27). Мысли общего характера о сходстве ирландского языка с африканскими высказывались и раньше, до работы Ю. Покорного. См. J. B y r n e, *General principles of the structure of language*, London, 1885.

² A. M e i l l e t, *La phrase nominal en indo-européen*, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XIV, fasc. 1, 1906.

депный язык исчезает и, следовательно, один из элементов сравнения отсутствует. Второе затруднение состоит в том, что воздействие субстрата часто относится к дописанным периодам и установление внутренней хронологии явлений очень осложняется.

Для преодоления первого из указанных затруднений в ряде случаев можно воспользоваться языком, родственным предполагаемому языку-субстрату (если этот последний полностью исчез). Следует указать, что как раз по отношению к синтаксису подобная замена может быть более оправдана, чем в какой-либо другой области языка. Синтаксические модели в родственных языках могут оказаться тождественными скорее, чем звуковой состав или словарь. Более сложным представляется вопрос определения той или иной конструкции, выпадающей из норм данной группы родственных языков; это объясняется тем, что такая конструкция может оказаться заимствованной или, наоборот, быть результатом индивидуального развития и преобразования синтаксического типа, имевшего частный характер в языке-основе. Хорошей иллюстрацией затруднений, возникающих в таком случае, может служить спор по поводу происхождения своеобразного порядка слов в ирландском и валлийском языках (последовательность: глагол — подлежащее — дополнение). Ю. Покорный утверждает, что это — заимствование из языка-субстрата; Ж. Вандриес¹ и отчасти Баудиш² полагают, что здесь имеет место развитие и обобщение эмфатической инверсии, возможной как частное явление в индоевропейском языке.

Подобный спор можно решить только при рассмотрении изучаемой конструкции в синтаксисе данного языка в целом. И здесь мы подходим к важному пункту методики сравнения для случаев, связанных с явлениями субстрата. Как явствует из сказанного выше, для выяснения вопроса о заимствованном или унаследованном характере какого-либо синтаксического явления его приходится изучать, с одной стороны, в «дающем» языке, а с другой — во всей группе языков, родственных тому, который служит объектом анализа. Иначе обстоит дело в отношении заимствований из литературного языка через письменность (что бывает чаще) или через устную речь (что наблюдается реже). В этих случаях достаточно двух языков: источника заимствований и языка заимствующего. Учтем при этом, что язык, являющийся источником заимствования, очень часто известен, и даже могут быть известны те памятники, при переводе которых появились заимствованные синтаксические обороты. Основная опасность в этом случае — преувеличение роли заимствований. Однако поскольку заимствования этого типа обычно встречаются в определенных стилях речи (хотя бы в своем генезисе для данного языка), то открывается возможность проводить сравнение употребления той или иной конструкции, выделяемой как заимствование внутри самого заимствующего языка.

В качестве примера уместно рассмотреть вопрос заимствования древними германскими языками отдельных синтаксических моделей из латинского языка. Вопрос этот не раз служил предметом спора среди исследователей. Нас, однако, здесь интересует не столько его положительное или отрицательное решение, сколько выяснение той системы доказательств, к которой прибегали сторонники теории латинского влияния. Ученые, занимавшиеся исторической грамматикой германских языков, утверждали, что ряд синтаксических оборотов в древнегерманских языках появился под непосредственным воздействием латыни.

¹ J. V e n d r y e s, La place du verbe en celtique, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XVII, fasc. 5, 1912.

² J. B a u d i š, On the character of the celtic languages, «Revue celtique», vol. XL, № 1—2, Paris, 1923.

*

Хорошо известен факт появления в германских языках сложной формы прошедшего времени глагола, состоящей из вспомогательного глагола «быть»(или «иметь») + причастие II, и постепенного вытеснения этой формой простого прошедшего времени. Вытеснение простого прошедшего в германских языках объясняли как чисто фонетическими причинами¹, так и непосредственным влиянием латинских образцов. А. Мейе, например, указывает на то, что сложная форма перфекта создается в ряде языков, впоследствии часто приобретая значение прошедшего времени. Считая это общей морфологической тенденцией индоевропейской семьи языков, А. Мейе вместе с тем полагает, что германские сложные формы являются конструктивной калькой латинских образцов, так как германские языки включаются в этот процесс с некоторым запозданием (в готском языке данные описательные формы отсутствуют)².

Точка зрения, согласно которой сложные формы перфекта возникли в результате латинского влияния, укрепилась и по отношению к отдельным германским языкам, например древнеанглийскому. Однако, высказанная в общей форме, эта точка зрения вызвала ряд возражений со стороны исследователей древнеанглийского глагола. Так, например, Г. Каро³ отрицает возможность латинского влияния на древнеанглийский язык (речь идет об описательных формах с *habere*), указывая на наличие описательных форм с причастием II в очень древних памятниках английского языка и наличие в них несклоняемых форм причастий. Он полагает, что эти описательные формы возникли в дописьменный период и имеют своим источником живую разговорную речь. Сравнивая в древнеанглийских памятниках (как оригинальных, так и переводных) употребление простого прошедшего и описательной формы (глагол «иметь» + причастие II), Г. Каро приходит к заключению, что в поэзии описательный перфект встречается исключительно в прямой речи. В прозаических памятниках описательный перфект также в большинстве случаев встречается в прямой речи. Таким образом, анализ памятников древнеанглийской письменности не подтверждает теории латинского влияния на возникновение данной глагольной конструкции, поскольку результаты подражания латинским формам, как замечает автор, должны были бы скорее отразиться в косвенной речи прозаических документов.

Аналогичные споры возникали и по поводу употребления в древнеанглийском сочетания глагола «быть»+причастие I (типа *wæron feohtende*, буквально: *были воюющими*). В специальных работах, посвященных этому вопросу, мы находим две прямо противоположные точки зрения. Ф. Аронштейн указывает на то, что сочетание глагола «быть» с причастием I встречается во всех индоевропейских языках⁴.

Г. Суит полагает, что данные формы были созданы по аналогии с сочетанием глагола «быть» и прилагательного. Г. Козиол, полемизируя с О. Есперсеном, считавшим, что указанная конструкция чужда духу англо-саксов, утверждает, что глагольные словосочетания подобного типа

¹ Библиографию по этому вопросу см. в статье: A. J. F. Z i e g l s c h m i d, Der Untergang des einfachen Präteritums in verschiedenen indogermanischen Sprachen, «Language Monographs» («Suppl. to „Language“»), № VII, Baltimore, 1930.

² А. Мейе, Sur la disparition des formes simples du prétérit, в сб. статей автора «Linguistique historique et linguistique générale», 2-e éd., Paris, 1926.

³ См. G. C a r o, Zur Lehre vom altenglischen Perfectum, «Anglia», Bd. XVIII, N. F. Bd. VI, Heft 3 und 4, Halle a. S., 1896, его же, Das englische Perfectum und Praeteritum..., там же, Bd. XXI, N. F. Bd. IX, Heft 1 und 2, 1898 (1899).

⁴ См. Ph. A r o n s t e i n, Die periphrastische Form im Englischen, «Anglia», N. F. Bd. XXX, 1918, стр. 5.

возникли в германских языках (в том числе и в древнеанглийском) естественным путем, хотя примеров их употребления в оригинальных древнеанглийских памятниках не много¹.

В противоположность указанным авторам, А. Окерлунд², А. Пюттман³ и К. Пессельс⁴ считают, что сочетания «быть» + причастие I в древнеанглийском языке появились как калька перфекта отложительных глаголов латинского языка. Действительно, если в древнеанглийской летописи, оригинальном памятнике больших размеров, встречается только 24 случая употребления сочетания «быть» + причастие I, то в переводе с латинского языка произведений епископа Беды обнаруживается 285 подобных случаев. Выяснено, что из этих 285 примеров разбираемая конструкция в 127 случаях соответствует отложительным глаголам латинского подлинника. Примерно такое же соотношение можно обнаружить при исследовании и других переводных памятников. Отметим, однако, что в самом типе сочетания глагола «быть» + причастие I нет ничего необычного для структуры древнегерманских языков. Различные типы составного глагольного сказуемого с предикативным членом, выраженным разными частями речи (в том числе и именными формами глагола), были свойственны древнеанглийскому языку, причем некоторые из этих конструкций могли встречаться чаще, а другие реже. Следует учитывать также и то, что в оригинальных памятниках эта конструкция встречается, хотя и реже, чем в памятниках переводных. Поэтому безоговорочно принять теорию латинского влияния на возникновение этой формы глагольного словосочетания трудно. Относительно большее число указанных форм в переводах с латинского языка можно объяснить также следующим. Ввиду бедности глагольных форм в древнеанглийском языке для точной передачи семантических оттенков латинских глагольных форм переводчикам часто приходилось прибегать к разнообразным типам составного сказуемого. Бесспорно, что необходимость употреблять те или иные структурные типы составного сказуемого, увеличивая их частотность, тем самым способствовала распространению и закреплению их в письменном литературном языке. С этой точки зрения влияние переводов с латинского языка могло отразиться на дальнейшей истории этих синтаксических конструкций в английском языке.

*

Как уже говорилось, необходимо очень точно различать двоякий род иноязычных влияний: 1) когда синтаксическое заимствование усиливает употребление аналогичной конструкции, возможной по типу своей структуры и для языка, подвергнувшегося влиянию; 2) когда само появление данной синтаксической модели обязано влиянию иноязычного образца. Последнее, может быть, станет яснее при анализе еще одного синтаксического оборота в древнегерманских языках. Речь идет об абсолютной причастной конструкции, появление которой большинство германистов относит за счет латинского *ablatus absolutus*. Если обратиться к истории этого оборота в древнеанглийском языке, то на первый взгляд положение вещей напоминает указанные случаи с глагольными словосочетаниями. С одной стороны, в переводной литературе действительно встречаются

¹ См. Н. К о з и о л, Zum Gebrauch der englischen Tempora, «Englische Studien», Bd. 71, Heft 3, Leipzig, 1937, стр. 385.

² А. А к е р л у н д, On the history of the definite tenses in English, Lund, 1911.

³ А. П ү т т м а н н, Die Syntax der sogenannten progressiven Form im Alt- und Frühmittelenglischen, «Anglia», Bd. XXXI, N. F. Bd. XIX, Heft 3, 1908.

⁴ С. П е с с е л с, The present and past periphrastic tenses in Anglo-Saxon, Strassburg, 1896.

случаи, когда лат. *ablativus absolutus* передается древнеанглийским оборотом с причастием в дательном падеже. Вместе с тем далеко не все латинские абсолютные обороты переводятся именно таким образом. Так, в древнеанглийском переводе «Орозия» из 318 случаев латинского *ablativus absolutus*, употребленных в подлиннике, только 5 переведено абсолютным причастным оборотом. Сравнивая перевод с латинским оригиналом, мы находим, что чаще всего лат. *ablativus absolutus* передается в древнеанглийском придаточным предложением. При этом союз в древнеанглийском придаточном предложении указывает на содержание связи латинской абсолютной конструкции с глаголом главного состава предложения.

Очень часто латинская абсолютная конструкция переводится не придаточным предложением, а при помощи сочинения. К тому же причастие I в функции обстоятельства не употреблялось в древних германских языках и, выступая чаще всего как приименное определение, синтаксически не могло быть связано с глаголом-сказуемым предложения. Анализ его синтаксических функций показывает, что употребление, подобное латинскому *ablativus absolutus*, было нетипично для причастия древнегерманских языков. Можно поэтому полагать, что именно под влиянием переводов с латинского причастие начало использоваться в не свойственных ему раньше синтаксических функциях. Таким образом, для решения вопроса о наличии или отсутствии иноязычного влияния приходится учитывать не только результаты сопоставления частотности употребления исследуемого оборота в оригинальных и переводных произведениях, но и грамматико-семантические черты, характеризующие данную часть речи (или данное словосочетание) в системе грамматики изучаемого языка. Материалы, подготовленные таким образом при историческом исследовании отдельных языков, помогут выявить те напластования, которые могли появиться в языке в результате иноязычного влияния. При этом так же, как и в случаях воздействия языка-субстрата, приходится по возможности учитывать относительную хронологию языковых явлений.

Ясно, что факт иноязычного влияния в отдельных родственных языках можно установить в процессе сравнения этих языков скорее, чем более древнее по времени воздействие, сказавшееся на самом языке-основе. Следует, однако, учесть, что последнее — весьма редкий случай, поскольку тот круг заимствований, о которых речь шла выше, более типичен для периода разделения языка-основы на ряд самостоятельных языков.

Подведем некоторые итоги.

Задачи сравнительно-исторического исследования, проводимого не только в целях сравнения, но и для реконструкции генетически общих структур, требуют при изучении синтаксиса родственных языков выделения тех конструкций, которые могли явиться результатом заимствования синтаксических моделей.

Широко распространенная точка зрения, согласно которой синтаксис представляется как легко «проницаемая» область языка, приводила иногда к некритическому отнесению за счет заимствования таких конструкций, которые на самом деле представляют собой в данном языке своеобразное развитие старого, унаследованного явления. Лингвисты, придерживающиеся такой точки зрения, не учитывают единства грамматической системы языка, проявляющегося, в частности, в тесной связи синтаксиса и морфологии. Синтаксические явления, пограничные с областью морфологии, оказываются наименее подверженными иноязычным влияниям.

Появление конструкций, кажущихся чужеродными для строя данного языка или группы родственных языков, объясняется обычно либо как заимствование синтаксических моделей в результате действия иноязычного субстрата, либо как калька синтаксических оборотов при пере-

воде памятников с одного языка на другой. Необходимо установить четкие критерии и выработать строгую методику исследования для определения границ возможного иноязычного влияния в области синтаксиса.

Работа по сравнительно-историческому синтаксису родственных языков должна сочетаться с исследованием в области исторической грамматики отдельных языков. В процессе этого исследования необходимо выявить заимствованные синтаксические модели, выяснить условия и причины их появления. Установление факта заимствования синтаксических моделей из вытесненного языка-субстрата осложняется обычно существующей неясностью хронологических рамок воздействия побежденного языка на язык победивший. Сложность исследования в этой области усугубляется тем обстоятельством, что черты структуры языка-субстрата иногда вообще остаются неизвестными лингвистам. Для проведения исследований в этой области возможно применение следующих методов:

1. Сравнение синтаксических черт группы родственных языков для первоначального выделения тех особенностей отдельных языков, которые представляются «выпадающими» из данной системы.

2. Сопоставление выявленных таким образом конструкций со структурными чертами языка, предполагаемого в качестве языка-субстрата (в случае наличия материалов по этому языку).

3. При отсутствии непосредственных материалов по языку-субстрату — выявление структуры синтаксических моделей в языках, родственных этому последнему, и, с другой стороны, анализ параллелей в синтаксисе исследуемого языка с языками, с которыми у него имеются более далекие генетические связи.

Отдельные случаи заимствования синтаксических моделей (синтаксические кальки), появляющиеся при различных формах контакта народов (устная или письменная речь), не носят обычно системного характера, часто представляют собой неразложимые идиоматические выражения, и их влияние не надо преувеличивать.

Методы установления возможного влияния одного языка на другой при переводе письменных памятников следующие:

1. Сличение синтаксических единиц в переводных и оригинальных памятниках исследуемого языка в целом.

2. Сличение синтаксических единиц перевода единичного документа с его оригиналом.

3. Учет хронологии появления синтаксических конструкций, могущих быть результатом иноязычного влияния, и степени их частотности как в памятниках разного жанра, так и в различных стилях речи.

4. Учет возможных случаев контаминации синтаксических моделей исследуемого языка и заимствованных синтаксических конструкций. Такая контаминация может привести к интенсивному распространению тех оборотов, которые, будучи малочисленными, структурно были возможны и в собственной системе заимствующего языка. В последнем случае особенно полезным может оказаться анализ диалектных памятников и сопоставление синтаксических оборотов в литературном языке и в диалекте.

Особенности морфологической и синтаксической системы заимствующего языка по-разному сказываются на возможностях калькирования иноязычных конструкций. Поэтому при некоторых общих принципах методики исследования заимствований в области синтаксиса конкретный анализ должен проводиться в каждом случае с учетом особенностей грамматического строя данного языка. Чрезвычайно важным является при этом определение семантико-грамматических свойств тех частей речи, из которых складываются данные синтаксические обороты, а также выяснение их исходных и производных значений.

А. Л. ТРАХТЕРОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СЛОГА И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Авторы различных исследований, имеющих прямое или косвенное отношение к слогу, в основном занимаются описанием особенностей строения слога в изучаемом языке и изложением свойственного данному языку слогового членения. При этом существо слога и его роль в языке остаются невыясненными, общие признаки слога не выделяются, а определение обычно опускается.

Можно предполагать, что в древнейшие периоды развития человеческой речи в основе слухового распознавания слов лежали **к о н с о н а н т н ы е** признаки. Системы согласных отличались большей изопренностью, в то время как голосовой тон обладал лишь недифференцированным тембровым оформлением в надгортанных полостях и мог служить преимущественно **о с н о в о й** **з в у ч а н и я** каждого слога. Аналогичное явление можно наблюдать в абхазском и абазинском языках, фонетический строй которых характеризуется богатейшим консонантизмом и, по существу, всего двумя гласными, из которых только [a] обладает устойчивым фонемным тембром, а второй в различных оттенках [ə] или [ы] служит лишь «иррациональной» **в о к а л и ч е с к о й** **о с н о в о й** консонантного слога. Утрата подобного гласного вела к выпадению слога и образованию новых консонантных групп. Голосовая основа слога всегда обеспечивала ту акустическую эффективность, без которой язык не мог бы выполнять свою основную социальную функцию устного общения. Из этого следует, что голос человека, развившийся в результате совершенствования гортани, является древнейшей специфической чертой языка слов, а шумные фонемы не способны к образованию материальной оболочки значимых слов без помощи гласных или сонантов. Именно к этим категориям звуков речи, содержащим звук голоса в наиболее чистой, т. е. относительно свободной от шума форме, и принадлежат «слоговые» фонемы современных языков. Так как способность таких фонем к слогообразованию не является их неизменным свойством, следует считать, что они лишь обладают слоговым потенциалом. В дальнейшем изложении мы объединим гласные и устойчивые¹ сонанты общим термином: **т о н а л ь н ы е** **э л е м е н т ы**. Под слоговым потенциалом имеется в виду особая способность этих звуков речи, при их достаточной длительности и интенсивности колебаний связок, достигать определенной степени активности заложенного в них голосового тона, который своим акустическим эффектом и вызывает образование слоговой вершины. Физические преимущества тонального элемента слога обеспечивают акцентное и мелодическое строение устной речи, а также ее полноценное распространение в воздушной среде.

При сопоставлении с фонемой слог обнаруживает свои особенности — как в материальном, так и в функциональном отношениях. Фонемы яв-

¹ Устойчивые, или стабильные, в отличие от «скользящих» [j], [w].

ляются простейшими, лингвистически неделимыми материальными единицами языка, обладающими общей функцией образования звуковой оболочки слов. При этом фонемы отличаются крайне пестрыми, нерасценными и физико-акустическими свойствами. Слоги, в отличие от фонем, представляют собой, как правило, более сложные фонетические образования, свойственные данному языку, разнородные по составу, но неизменно обладающие общностью физико-акустических свойств. Эта общность и определяет основную лингвистическую функцию слога: служить кратчайшим звеном акцентно-тонического строя речи.

Если полная потеря активности тонального элемента ведет к утрате слоговости, то дополнительное усиление этой активности должно неизбежно вести к такому приросту слогового потенциала, который будет выделять данный слог из ряда других, т. е. сделает его «ударным». Эта связь устанавливает единство основных физических средств слогиобразования и слоговыделения. Таким образом, физические средства выделения слога должны быть в какой-то минимальной доле заложены в нем независимо от ударности, ибо они обеспечивают языковую специфику слога.

Материальными средствами выделения слога, т. е. компонентами ударения, могут служить при той или иной степени активности все физические свойства звуков речи, а именно: сила, высота, долгота и тембр. Слог как кратчайший отрезок звуковой речи, способный выделяться, должен характеризоваться всеми перечисленными качествами, выступающими в разных языках в различных отношениях.

Итак, акцентная функция слога заключается в том, что в оптимальной фазе его тонального элемента реализуются все свойственные данному языку градации акцентного веса: от «максимальных» вариантов эмфатического ударения до нуля, т. е. до полной «безударности». Из этого также следует, что всякий слог обладает однократностью акустического эффекта, а слоговые вершины в живой звучащей речи воспринимаются на слух в их взаимосвязи по разделяющим их промежуткам времени. Закономерности чередования интервалов, разнообразные в системе каждого языка, обычно рассматриваются как ритм. Таким образом, слог в совокупности своих акцентных вершин представляет собой кратчайшие звенья ритмической организации речи.

Мелодическая функция слога применительно к связной речи заключается в том, что благодаря обязательному наличию в нем тонального элемента каждый слог обладает какой-либо высотной характеристикой. При последовательном звучании в слоговой цепи тональные элементы сливаются и в слуховом восприятии образуют непрерывное движение голоса. Возникающий при этом мелодический рисунок представляет собой фонетическое оформление синтагмы или предложения, которое в совокупности с акцентуацией уточняет смысл и направленность синтаксического целого. Мелодический компонент слога был во многих языках тесно связан с его акцентной функцией. Мелодика тонального элемента слога в таких языках, как китайский, вьетнамский и другие, используется как дополнительное к фонемному составу средство семантической дифференциации, ограничивающее возможности омонимии.

Правильное понимание природы слога и его функций в языке дает возможность оценить особую роль слога в стихотворной речи, которая по своему существу как бы предназначена для живого звучания. В полноценной интерпретации стихотворное произведение не только сообщает, призывает или побуждает, но и самим характером своего звучания производит на слушателя особое эстетическое впечатление, воздействует на его чувства. Здесь фонетическая специфика слога, заложенная в его тональном

элементе, действует особенно эффективно. Если в обычной прозаической речи ритмические закономерности подчинены акцентной организации выделенных слов, то в стихосложении ритм является внутренней динамической силой, заранее определенной творческим замыслом автора и обуславливающей как лексику, так и характер синтаксического построения каждого стиха. При этом тональные элементы конечных слогов своими тембральными созвучиями гласных и согласных образуют рифмующиеся соответствия, которые используются как особый резерв эффатического выделения слова.

Таковы основные функциональные особенности слога, характеризующие его роль в языке и дающие возможность подойти к определению его сущности.

*

Итак, наличие тонального элемента является первичным условием, необходимым для образования слога. Однако для того чтобы это условие было достаточным, тональный элемент должен отвечать некоторым физическим требованиям, которые в каждом отдельном случае обеспечивают необходимую для возникновения оптимальной фазы голосового тона акустическую эффективность. Эта оптимальная фаза тонального элемента и является так называемой «вершиной» слога. В процессе фонетического исследования необходимо различать три таких физических фактора, обычно действующих в совокупности, хотя и в различных соотношениях, которые объясняют закономерности слогообразования в различных языках, причины его непостоянства, особенности возникновения и исчезновения слоговости.

Основным и в наибольшей степени зависимым от фонемного строя языка фактором слоговой активности является общая ширина протока. Этим определяется степень чистоты голосового тона, т. е. отсутствие или наличие в нем примеси шума, вызываемого торможением воздуха, которая способна снижать или уничтожать силлабические свойства тонального элемента. От ширины протока непосредственно зависит настройка системы резонаторов, определяющая качественные противоположения фонем данного языка, чем объясняется особая ее устойчивость для каждой фонемы. В силу этого ширина протока воздушной струи не может служить средством независимого усиления активности слогового потенциала фонемы, но является минимальной основой ее слогообразующей способности. Иллюстрацией пассивности этого фактора служат гласные с наиболее узким протоком, типа [y], [i], которые обычно теряют силлабичность при ослаблении действия других факторов.

Два других фактора — интенсивность колебаний голосовых связок и длительность оптимальной фазы — отличаются меньшей зависимостью от фонемной системы и, в силу этого, в большей степени подвержены позиционным изменениям. С другой стороны, при произвольном стремлении к сохранению отчетливости слога эти факторы поддаются свободной регулировке, хотя и сохраняют тесную взаимозависимость. Сложные особенности действия этих факторов требуют более подробного изучения.

Зависимость рассматриваемых факторов друг от друга объясняется тем, что усиление интенсивности всегда вызывает некоторый прирост длительности тонального элемента, сдерживаемый лишь какими-либо фонологическими особенностями системы языка. С другой стороны, продление тонального элемента физически немыслимо без какого-либо усиления начальной интенсивности колебаний связок. Таким образом, интенсивность колебаний голосовых связок, легко регулируемая их мышечным

напряжением и усилением подсвязочного давления воздуха, является самым важным фактором, обеспечивающим активность слогового потенциала при сохранении качества слогаобразующей фонемы.

Первичными условиями образования голоса являются: обеспечиваемое работой мышц гортани напряжение связок и наличие определенного, минимального давления воздуха в трахее. Для того чтобы привести в действие голосовой аппарат, требуется определенный мышечный тонус, обеспечивающий воздушной струе пневматическую напряженность, достаточную для преодоления эластичного натяжения связок. Усиление же интенсивности колебаний, взаимодействующее с вызываемым им продлением, является основным средством образования слоговых вершин смежных гласных, расположенных без промежуточных пауз или слогоразделяющих сужений протока. Эта силлабическая функция подсвязочного давления отчетливо проявляется в случаях «зияния», вызываемого примыканием однородных по тембру слоговых гласных. Примерами могут служить слова и сочетания слов типа *зоология, сообщение, двууглекислый, два артиста, шли и искали* и т. п. Действие подсвязочного давления и вызываемого им продления сказывается во всех случаях «зияний», однако при разнородных тембрах и переменных условиях удара наблюдения этого действия значительно осложняется. Так, в словах *аист, пауза* действие описываемого фактора является единственным средством сохранения слоговости безударных [и, у]. В словах же *Аида, наука, Каир, аул* при наличии ударности [и, у] слоговость [а] в полном стиле сохраняется благодаря максимальной звучности, обеспечиваемой шириной протока. Лишь в беглой речи при резком сокращении и качественной редукции гласный [а] может терять силлабичность. Утрата активности слогового потенциала у одного из примыкающих гласных часто приводит к возникновению дифтонгов.

Таким образом, границей слога в случаях «зияния» является ослабление активности голосового тона непосредственно перед новым усилением подсвязочного давления в приступе примыкающего гласного. В случаях однородных гласных отсутствие такого усиления может приводить к исчезновению «зияния» и стяжению гласных в пределах одного слога.

Ослабление подсвязочного давления, сокращающее амплитуду колебаний связок, может приводить к полному прекращению их вибраций. В качестве примеров, иллюстрирующих это явление в области слогаобразования, можно привести многочисленные русские слова с так называемым п о б о ч н ы м слогом, образуемым конечным сонантом, например *корабль, жизнь, кадр, зубр* и др. Такие сонанты с предшествующим шумным в положении перед паузой подвергаются в беглом стиле частичному или полному оглушению и, следовательно, предрасположены к утрате слогового потенциала и превращению в глухой шумный придаток предшествующего слога. Для изучения силлабической функции подсвязочного давления следует рассматривать описываемое явление в условиях «полного стиля», когда тщательность артикуляции ведет к сохранению побочного слога, которое достигается усилением подсвязочного давления, активизирующим колебания голосовых связок. При этом полезно различать два случая: с предшествующим звонким (*тигр, жезл, рознь, сидр, тембр, мавр, сентябрь, афоризм*) и с предшествующим глухим (*метр, литр, флажр, вопль, мысль, пиастр, вепрь*). Сонантные слоги примеров первой группы обладают большей устойчивостью и требуют сравнительно небольшого экспираторного усилия для продления вибраций, в словах же второй серии, при их тщательном произношении, можно легко заметить произвольный толчок воздуха, возобновляющий только что прекратившиеся вибрации голосовых связок. В подобных случаях произвольное усиление

подсвязочного давления противодействует двум тенденциям — конечному оглушению и прогрессивной ассимиляции, вызываемой предшествующим глухим.

Изучение сонантного слогообразования в различных фонетических системах показывает, что для некоторых языков, подобно английскому, характерна устойчивость конечного побочного слога, в отличие от русского. С другой стороны, в русском, английском и многих других языках слог сонантного образования может быть только побочным. В чешском же, сербском и некоторых других славянских языках встречаются не только отдельные односложные слова сонантного образования: *krk* «шея», *vrch* «гора», *pln* «полон», *grd* «гордый», но и многосложные, где сонантный слог сохраняет свою активность рядом со слогами, образованными гласными звуками, и даже может являться носителем ударения, например: *vlna*, *slza*, *vrba*, *grlo*, *mrvi*, *dva* и пр. Во всех подобных случаях активность слогового потенциала сонантов обеспечивается усилением подсвязочного давления, привычным и незаметным для говорящих на родном языке и всегда отчетливо наблюдаемым иностранцами. В определенной эпоху развития общеславянского языка сонанты [r, l] имели слоговую активность даже при наличии предшествующего гласного, являвшегося неслоговым. Тем не менее силлабический приоритет гласных перед сонантами неизменно проявлялся в дальнейшем фонетическом развитии. Слоговая активность рассматриваемых сонантов была утрачена фонетической системой болгарского, а также всех восточнославянских языков. Она компенсировалась силлабичностью развившихся при сонантах гласных звуков.

Несмотря на то, что долгота звучания тона физически обусловлена наличием подгортанного давления, в фонетическом анализе необходимо различать специфические особенности силлабического действия каждого из этих двух взаимосвязанных факторов. Таким образом, в качестве третьего фактора усиления активности слогового потенциала мы выделяем длительность тонального элемента. Основной особенностью этого фактора является то, что он в своем минимальном проявлении обеспечивает физическую возможность слухового ощущения, возникающего в результате раздражения нервных волокон слухового органа. Для нормальных по звонкости гласных средней интенсивности длительность должна выражаться по крайней мере сотыми долями секунды. Если длительность приближается к тысячным долям, гласный при известных условиях может оказаться за пределами восприятия. При наращивании долготы возрастает акустическая эффективность оптимальной фазы, создающая во взаимодействии с интенсивностью относительное преимущество активности, образующее слог. Дальнейшее увеличение длительности слогообразующего звука перерастает в долготный (или квантитативный) компонент ударения. Действие длительности как средства активизации слогового потенциала во многих языках сталкивается с наличием в их звуковых системах к р а т к и х гласных фонем и в таких случаях проявляется лишь в ограниченной степени, компенсируясь усилением подсвязочного давления. При неизменности степени чистоты голосового тона в каждой тональной фонеме можно устанавливать закономерности взаимной компенсации всех трех факторов как в слогообразовании, так и в слоговыделении. Их взаимодействие обусловлено объективной разнородностью физических свойств фонем и единством внутренней, функциональной общности слога, составляющей его языковую специфику.

Противоречие между материальными свойствами звука речи и его слоговой способностью тем заметнее, чем ярче физическая разнородность двух образующих слог фонем. Так, при крайней разнородности глухих

смычных и открытых гласных, например в сочетаниях [ка, па, ат], слоговой потенциал принадлежит безраздельно и неизменно гласному звуку. Несколько смягчая остроту противоречия в сочетаниях [га, ба], можно при помощи искусственных артикуляционных приемов вызвать ослабление слогового потенциала гласных и усиление активности согласных. Экспериментируя со звонкими фрикативными, можно в тех же условиях искусственной артикуляции получить еще более заметный эффект слоговости согласных. Однако в естественных языковых условиях подобные явления возможны лишь в случаях смежности гласных с сонантами, силлабичность которых может сочетаться с неслоговым произношением гласных. При этом активность сонантов вызывается усилением подвязочного давления и некоторым приростом длительности, а утрата слоговости гласных — ослаблением действия этих факторов, что может приводить и к качественной редукции. Именно такими, вероятно, были неслоговые *э* и *ь* в праславянском языке в сочетаниях с плавными, которые являлись носителями слога.

Из всех этих рассуждений следует, что наиболее сложными для локализации «вершины» слога должны являться различные соединения *н а и м е н е е р а з н о р о д н ы х* звуков речи, т. е. гласных. Действительно, силлабическое соотношение гласных в составе полифтонга или зияния крайне осложняется многообразием различно действующих факторов и не может быть достаточно освещено в условиях обзорной статьи. Отметим лишь в отношении дифтонгов, что в основе активизации слогового потенциала одного из двух гласных, образующих слог, лежит приоритет интенсивности колебаний связок, обычно связанный и с преимуществом в длительности. Однако это положение, как правило, осложняется тем обстоятельством, что скользящая артикуляция дифтонгов связана с расширением или сужением резонирующих полостей, т. е. с действием первого фактора (см. выше, стр. 17). В случаях сужения протока, как в дифтонгах типа [eɪ, aɪ, oɪ, aʊ, oʊ] и т. п., наблюдается ослабление активности тона, совпадающее со снижением интенсивности колебаний связок («затуханием») и относительной краткостью второго элемента.

Таким образом, в подобных случаях все три фактора действуют не противореча друг другу. Именно этим обстоятельством объясняется особая устойчивость дифтонгов этого типа, известных под названием «падающих». Подавляющее преимущество активности «ядра» таких дифтонгов может сочетаться с долгой неслоговой частью, значительно превышающей по длительности первый элемент. В падающих дифтонгах с расширением протока, как, например, в английских [ɪə, uə], наблюдается несоответствие между действием первого фактора, ведущим к активизации тона вместо ослабления его, и спадом интенсивности, вызывающим относительную краткость второго элемента. В подобных дифтонгах падающий характер обеспечивается большей интенсивностью «ядра». Ослабление действия этого фактора приводит дифтонги такого типа к различным модификациям. Так, первый элемент дифтонга [ɪə] часто утрачивает слоговость, уступая активности более широкого второго и превращая дифтонг из падающего в «восходящий». Этот вид дифтонгов отличается крайней неустойчивостью, ибо первый элемент обычно сокращается и сужается, превращаясь в скользящий сонант. При этом второй элемент, получая прирост интенсивности и долготы, активизируется и становится слоговым, например: *hear* [hɪə — hɪjə:], *period* ['piəriəd — 'pɜːriəd].

Так как один и тот же импульс интенсивности колебаний связок может быть затрачен как на кратком, так и на долгом участке звучания, преимущественное действие долготы выступает в целом ряде случаев как особый фактор активизации слогового потенциала. Это действие легко обнаружить

в некоторых случаях сонантного слогообразования. Так, например, в английском слове *finely* ['faɪnlɪ] (от *fine*) боковой сонант не является слоговым, а в *finally* ['faɪ-nl-ɪ] (от *final*) ['faɪnl] его потенциал сохраняет активность благодаря продлению, вызывающему расщепление [l] на слогообразующую выдержку и отходящий к третьему слогу отступ. В конечной доле выдержки подобных сонантов, относящихся к категории геминат, наблюдается спад интенсивности колебаний связок, совпадающий с ослаблением мышц языка перед самым отступом. В этой доле выдержки и локализуется слогораздел. Аналогичное явление наблюдается в нем. *berittenen*, произносимом в беглой речи [bə 'rɪtɐ-n]. Здесь после ослабления интенсивности колебаний в исходе слога [tɐ] появляется новое усиление подвязочного давления, возобновляющее слоговую активность сонанта и обеспечивающее ему длительность, соответствующую ритмическому строению трехсложного слова. В английских словах *middling*, *gardener*, *pardonable*, *listening* слоговой потенциал сонантов сохраняется только при известной длительности их звучания. Как и в других подобных случаях, это сопровождается появлением сильноконечности предшествующего шумного и образованием сонантной геминаты. Сохранение таких слогов обычно наблюдается лишь в умеренном и полном стилях. В беглом произношении рассматриваемые сонанты утрачивают слоговость и отходят в качестве консонантного зачина ко второму слогу. Утрата сонантного слога неизбежно модифицирует ритмическую схему слова и иллюстрирует один из многочисленных случаев изменения слогового строения в разных стилях произношения.

В русском языке действие длительности, активизирующей слоговой потенциал сонантов, можно наблюдать в начальных побочных слогах слов *лбы*, *леун*, *льгота*, *мгла*, *ржавый*, *рты* и пр. В обычном употреблении, не связанном с нарочитой отчетливостью, тональный элемент утрачивает необходимую интенсивность и длительность. Примыкая к последующему шумному, он образует с ним компактный консонантный зачин сложного состава. Наглядной иллюстрацией утраты слоговой активности таких сонантов может служить подсчет слогов в стихотворной строке, например у Тютчева: «Вечер мгlistый и ненастный...» или «В жизни есть мгновенья, их трудно передать...»; у Некрасова: «Ржавые петли уныло запели...». При этом часто наблюдаются ассимилятивные упрощения консонантных групп, ведущие к выпадению отдельных согласных.

Рассмотренные здесь — насколько позволяет объем статьи — примеры дают общее представление о взаимодействии факторов, определяющих активность слогового потенциала. Потеря активности, возникающая при оглушении тонального элемента, засорении его примесью шума, ослаблении интенсивности вибраций связок, редукции и других явлениях живой речи, приводит к различным видам компенсации слога или к его утрате и перестройке слоговой структуры слова.

Поскольку само наличие слога определяется возникновением «вершины» тонального элемента, количество слогов в фонетическом слове, его акцентное и мелодическое строение, а также вопросы речевого ритма и интонации могут изучаться главным образом по оптимальным фазам и их последовательности в слоговой цепи. Однако для полноценной характеристики слога, одной из основных черт которого является его артикуляционно-акустическая выделяемость, необходимо исследование вопроса о его границах. Изучение вопросов слогоделения неразрывно связано с исследованием целостности слога, при всем многообразии

строения его начала и конца. Рассматривая слог (в его наиболее комплексной форме) как монолитное образование, состоящее из тяготеющих друг к другу звуков, можно заключить, что слогораздел должен проходить в пункте минимальной слитности. Таким образом, принадлежность тех или иных звуков к предшествующему или последующему слогу определяется степенью их слитности со смежными звуками.

Если общелингвистическая специфика слога всегда заложена в оптимальной фазе его тонального элемента, образуемой лишь гласными и некоторыми сонантами, то все особенности слогораздела сосредоточены на периферии слога, где встречаются в сущности все категории звуков речи. Это звуковое многообразие на стыках слогов вызывает сложные взаимоотношения по степени слитности: от звуков, отделяющихся друг от друга в соответствии с особенностями фаз приступа и отступа, до сочетаний звуков, обладающих свойствами максимальной спайки, ведущей к ассимиляции, появлению комбинаторных вариантов фонем и возникновению чередований. Способность смежных звуков к образованию слитных комплексов, определяемая работой артикулирующих органов и природными свойствами звуковой материи, значительно варьируется позиционными модификациями и специфическими особенностями разных языковых систем.

Основными принципами, положенными в основу объяснения слоγοделения в отечественной специальной литературе, являются: мышечное напряжение в фазах артикуляции согласных (Л. В. Щерба) и характер нарастания и ослабления звучности (Р. И. Аванесов). Принципы эти в сущности не противоречат друг другу и представляют собой артикуляторный и акустический факторы, обуславливающие соотношения смежных фонем по слитности. Слогораздел проходит через пункт минимальной спайки звуков. Положения Л. В. Щербы о «сильном» и «слабом» произношении начала и конца согласных должны быть дополнены другими важнейшими факторами слитности: характеристикой приступа и отступа гласных; признаками артикуляторной однородности или разнородности смежных фонем, нарастания или спада звучности и, наконец, системности начальных и конечных звуко сочетаний в лексических единицах языка. Общелингвистическая теория слоγοделения требует не только учета всех этих факторов, свойственных различным языковым системам, но и выяснения некоторых общефизиологических свойств речевой артикуляции человека, которые вызывают ту или иную меру слитности смежных звуков во всех языках, независимо от национальных особенностей их артикуляционных баз, по-разному использующих эти природные свойства.

Рассмотрим в первую очередь основное из этих свойств, общее для всех языков земного шара и наблюдаемое при всяком сочетании согласного с последующим гласным. Общая физико-физиологическая характеристика сочетаний этого типа, который мы условимся называть предвокальным примыканием, основана на том, что согласный звук по своей природе связан с образованием преград. Всякая преграда неизбежно вызывает какую-либо степень торможения или полную приостановку движения выходящего воздуха. В результате этого возникает разностное давление, которое, по законам физики, должно стремиться к равновесию. Таким образом, в момент удаления как полной, так и частичной преграды воздух, в той или иной мере сжатый внутри полости, освобождается и, вырываясь наружу, связывает пневматически отступ согласного с приступом гласного. Эта артикуляторная спайка дает в акустическом восприятии различные по степени слитности комплексы в зависимости от фонетических особенностей согласных звуков.

Соотношение между согласными и гласными звуками по степени их фонетического родства, воздействующее на степень их слитности, также являет-

ся общелингвистическим свойством. Так, соединения скользящих сонантов с гласными, равно как и неслоговые элементы «восходящих» дифтонгов, дают максимальную спайку в предвокальном примыкании. Затем следуют согласные, характеризующиеся близким родством с гласными по наличию голоса и относительной слабости шума. Из шумных согласных звонкие образуют с гласными более тесные сочетания, объединяемые непрерывным звучанием связок. Глухие шумные этим преимуществом не обладают; взрывные же, особенно аспирированные, образуют с гласными наименее слитные соединения. Тем не менее все случаи предвокального примыкания характеризуются наибольшей спаянностью, которая сопровождается так называемой сильноконечностью согласных, т. е. мышечным напряжением органов, производящих предвокальный отступ и вызывающих артикуляционное тяготение согласных к последующему гласному.

Результаты исследований напряженности мышц гортани, воздушного давления и интенсивности колебаний связок при произношении гласных сводятся к тому, что начальный этап выдержки (оптимальная фаза) обладает максимальной интенсивностью. К концу выдержки наблюдается затухание колебаний, обусловленное потерей энергии колебательной системой. Из этого следует, что долгие гласные и дифтонги отличаются значительно большей потерей интенсивности отступа, чем короткие. Ослабление амплитуды колебаний в конце гласных может варьироваться в различных типах и позициях, но остается неизбежной природной особенностью этих звуков речи. Уже в силу этого обстоятельства второй тип сочетаний: «гласный + согласный», который мы будем называть поствокальным примыканием, всегда отличается более слабой слитностью. Иначе говоря, артикуляционное тяготение согласного к последующему гласному сильнее, чем к предшествующему. Физическое обоснование этого различия, помимо указанных выше особенностей отступа гласных, заключается в том, что в поствокальном примыкании пневматический эффект не обладает такой же связывающей силой, как в сочетаниях «согласный + гласный». При поствокальном примыкании преграды не освобождают скопившийся воздух, а лишь сдерживают его струю, значительно ослабленную сужением голосовой щели. В силу этих особенностей поствокального примыкания образуемый им «закрытый» слог встречается преимущественно при наличии паузы после консонантного завершения, т. е. при отсутствии гласного, вызывающего предвокальное тяготение. Такой позицией согласного обычно является конец слова. Внутри же слова поствокальное примыкание создает разнообразные возможности слогоделения, в проявлении которых особенно ярко сказываются специфические черты различных языковых систем.

В тех языках, где имеются устойчивые краткие гласные фонемы или комбинаторная краткость, вызываемая наличием закрепившихся в системе гемипат (как, например, в итал. *cassa, anno, legge*), можно наблюдать «двустороннее» примыкание согласного. В таких случаях интенсивность колебаний связок при произнесении гласного не успевает ослабеть, а затвор или сужение резким мышечным усилием преграждает или ограничивает проток, вызывая довольно высокую степень слитности гласного с последующим согласным. При этом артикуляторное тяготение как бы уравнивается, а пункт минимальной слитности локализуется в фазе выдержки, между приступом и отступом, где образуется мгновенное ослабление мышечного напряжения.

Таковы, в самом кратком изложении, те общефизиологические свойства звуков речи, которые определяют их артикуляторное тяготение, т. е. способность к образованию различных по степени слитности сочетаний. Изучение двух основных типов примыкания в разных языковых систе-

мах должно быть положено в основу исследования границ слога, ибо оно раскрывает перед нами причины сложности и изменчивости слогораздела. Согласные на стыке слогов неизбежно являются участниками поствокального и предвокального примыкания одновременно. Здесь часто скрещиваются их противоречивые тенденции, осложняемые различными соотношениями акцентного веса слогов и многообразием возможных для данной системы сочетаний согласных. Особой областью исследования артикуляторного тяготения должно являться изучение межконсонантных связей и их специфики в каждом языке.

Выдвигая слитность как основной критерий фонетической целостности слога, мы объединяем все факторы слоговой принадлежности звуков по признакам их артикуляторно-акустического примыкания, определяющего монолитность слога. Термин «монолитность» должен пониматься не только как «единство однородного», т. е. как простейший слог, образуемый гласным звуком, но и как «максимальная слитность разнородных элементов». Об этом говорит и сама сущность старинных терминов «склад» и «слог», подчеркивающих, что существо слога заключается в слитности разнородного, в том, что он складывается из более простых единиц. Именно в таком обобщающем значении термин «монолитность» должен войти в определение слога.

*

Зависимость слогоделения и слогового состава слова от стиля произношения, упоминаемая в работах Л. В. Щербы, не стала еще предметом специальных исследований. В основе этой зависимости лежит ведущий признак «полного» стиля, который, по словам Л. В. Щербы, употребляется, когда мы «...по каким-либо причинам хотим сделать нашу речь особо отчетливой, для чего мы ясно артикулируем все слоги каждого слова...»¹. Отметив попутно, что такая характеристика применима, с нашей точки зрения, лишь к самой крайней разновидности полного стиля, мы будем рассматривать подобное произношение как наиболее четкую форму артикуляции слога и примем ее за основу для изучения стилистических модификаций в слоговой структуре фонетического слова.

Естественно, что звуковая оболочка слова в различных видах разговорного и беглого стилей характеризуется радикальными ассимилятивными изменениями, количественной и качественной редукцией, образованием сонантных вершин при падении гласных и возникновением протетических и промежуточных гласных в структуре слога. Для каждого члена общества слово существует как произносимая, слышимая и видимая единица языка; оно должно сохранять свою общность вопреки тем модификациям звукового образа, которые неизбежно вызываются его социальным использованием. Для членоводного язычного коллектива существенна не абсолютная тождественность звучания слова, а его лингвистическая распознаваемость, обеспечиваемая лишь относительной общностью материальной оболочки.

Изучение произносительной изменчивости, связанной с различными функциями и сферами устного общения, приводит к рассмотрению стилистических модификаций звуковой оболочки слова и выяснению характера ее видоизменений. Вопреки различным влияниям, подтачивающим звуковой состав слова в конкретных условиях устного общения, всеобщее стремление к сохранению акустического стереотипа так велико, что оно всегда сохраняет какую-то привычно распознаваемую нами звучащую основу.

¹ Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, 2-е изд., Л., 1939, § 24.

Звуковая оболочка слова воспринимается комплексно: закрепляется не только сложное соединение фонем, но и их силлабическая организация. Отражение ритмической структуры фонетического слова запечатлевается в нашем сознании на ранних этапах развития речи как организация слогового ряда во времени. Реальное существование (в произносительном и слуховом аспектах) ритмически тождественных, но различных по полноте и беглости произносительных вариантов подкрепляется в современном обществе графическим образом слова, постоянно поддерживающим его полнозвучную оболочку. Таким образом, ритмическая схема слова, организующая и скрепляющая фонемный ряд, представляет собою максимально устойчивую основу стереотипа, его слоговую структуру. Устойчивость слогового стереотипа основана на закрепляемом нами с самого раннего детства акустико-моторном чувстве ритма слова или словосочетания. Ритмическая схема не может противостоять качественным изменениям фонем, но обладает свойством сохранять темпоральные соотношения слогов. В качестве иллюстрации можно привести наблюдения С. К. Булича, который дает примеры сонантного слога в словах *холодно* [холддн^а], *домом* [домм^а]¹, а затем добавляет: «...слогообразующее [т] можно слышать в форме *сватать*, произносимой нередко: [сватт^ь]...»². Однако примеры Булича даны без объяснений с очевидной целью распространить способность слогообразования на все звуки языка. Подобным же образом примеры О. Брока: *в самом деле* [фсаммдел^е], *нового* [новв^а] — даются рядом с уникальным *те!*, чтобы показать, что всякий звук может стать слоговым³. Г. П. Торсуев, приводя примеры сонантного слогообразования *делала* [делл^а], *Мария Ивановна* [маривавн^а] рядом со словами *жизнь*, *ритм*⁴, не указывает на различия, существующие между этими двумя группами примеров, и не замечает тех речевых условий, которые вызывают активность слогового потенциала в каждом из двух случаев. Между тем совершенно бесспорно, что для слоговости конечного сонанта в словах типа *казнь*, *мысль*, *ритм* необходима произвольная отчетливая произношение, соответствующая полному стилю. Сохранение же второго слога в словах типа *делала* и других путем компенсации протяженности выпадающего гласного наблюдается в совершенно иных условиях, а именно, в беглом разговорном стиле, где только и возможна подобная редукция гласных. При таком спонтанном замещении, лишь темпорально отражающем ритмический стереотип, наличие сонантов необязательно. Выпадающий гласный компенсируется ритмической поддержкой, а степень «звучности» такого слога уже не является существенным признаком его наличия; конкретная возможность замещения определяется способностью фонем к продлению, т. е. физической возможностью удлинения выдержки согласных. Понятно, что в этом отношении первое место занимают стойкие сонанты, за ними следуют фрикативные и, наконец, шумные смычные. В упрощенной транскрипции приводимых ниже примеров, иллюстрирующих различные стилистические оттенки умеренного и беглого произношения, темпоральная компенсация слога обозначена удвоением согласных.

Сонантное замещение: *соловей* [сллавей], *голоса* [глласа], *долото* [дллато], *фонари* [фннари], *золото* [золлтэ], *хорошо* [хррашо], *воробей* [вррабей], *дорогой* [дррагой]; англ. *ordinary* [ʔ:dnəri], *pardonable* [ʔpɑ:dnəbl], *they will come* [ðei!l'kɒm].

¹ Все примеры даются в транскрипции автора статьи.

² С. К. Булич, Лекции по сравнительно-исторической фонетике старославянского и русского языков, СПб., 1904, стр. 34.

³ О. Брок, Очерк физиологии славянской речи, СПб., 1910, стр. 172 и далее.

⁴ Г. П. Торсуев, Фонетика английского языка, М., 1950, стр. 177.

Замещение шумными щелевыми: *посмотри* [пс̣матри], *пассажир* [пс̣сажир], *сапоги* [с̣спаги], *почести* [пч̣ссти], *нахота* [п̣аххта], *захохотал* [з̣аххатал], *пляшешь* [п̣ляшш], *пишешь* [п̣ишш], *красивого* [к̣расивв̣а], *правого* [п̣равв̣а]; англ. *necessary* ['neɪsəri], *suppose* [ṣsprouz], *they have done it* [ð̣ei yu'dʌnit].

Замещение шумными смычными: *прятать* [пр̣ятт̣^б], *работать* [р̣аботт̣^б], *спасибо большое* [сп̣асиб̣бал̣^бшо^б], *методы* [мет̣тд̣^б]; англ. *opera* ['ɒprə], *utterance* ['ʌṭtrəns], *representative* [ṛepri'zenṭṭiv], *that would be better* ['ð̣æṭḍbi:'beṭə].

Если в дальнейшем фонетическом развитии редукция гласного закрепляется, т. е. беглое произношение слова становится обычным и для «полного» стиля, ритмическая схема «образца» ослабевает. При этом темпоральная компенсация редуцируемого слога со временем отмирает, а слово приобретает новую ритмическую структуру. Таково, например, развитие слова *длина* из *долина* (через [д̣лина])¹.

Таким образом, стилистические модификации слогового стереотипа могут являться этапами развития звуковой оболочки слова и тесно связаны с комбинаторными особенностями фонемной системы языка. Так, например, стяжение однородных согласных при редукции промежуточного гласного может способствовать его выпадению. В том же направлении действует способность стягиваемых согласных к образованию слитных сочетаний, привычных в данной фонетической системе. Очевидно, темпоральная компенсация слога является также промежуточной стадией при выпадении одного из двух одинаковых слогов, т. е. в процессе гаплогонии.

Рассмотренные здесь явления не возникают самостоятельно, они всегда представляют собою лишь модификации полнозвучного слогаобразования. Следовательно, они не опровергают тональную теорию слога, а подтверждают и подкрепляют ее, ибо сама возможность ритмической компенсации обусловлена наличием полнозвучных фонетических форм слов, все слоги которых содержат тональный элемент.

Всестороннее изучение условий слогаобразования требует рассмотрения давно назревшего, но совсем неисследованного вопроса о шепотной речи. Модификации слога при произношении шепотом настолько значительны, что вызывают целый ряд сомнений по поводу основных физических признаков слогаобразования.

В обычном понимании говорить шепотом — значит произносить тихо, почти беззвучно, «без участия голосовых связок». Механизм шепотной речи заключается в том, что при особом положении черпаловидных хрящей открывается межхрящевая щель (дыхательная часть голосовой щели), а голосовые связки сближаются. При прохождении струи воздуха возникает легкое торможение, которое и вызывает своеобразный шепотный шум. Никаких вибраций голосовых связок не наблюдается, хотя шумовые колебания частиц воздуха, поступая в надгортанные резонаторы, подвергаются обычному для нормального произношения тембральному отбору. Отсутствие голосового тона не только резко сокращает радиус слышимости и ограничивает сферу устной коммуникации, но и производит «опустошительное» действие в фонемном составе слова. Нормальное звучание сохраняют лишь глухие согласные; звонкие шумные настолько ослабляют-

¹ Аналогичные случаи наблюдаются в абазинском языке, где компенсация гласного [ы] шумными приводит к утрате слога. См. А. Н. Генко, Абазинский язык, М., 1955, стр. 57—58.

ся, что при слабом шепоте могут акустически отождествляться с глухими. Резкие модификации звукового образа слова вызываются шепотным произношением гласных, которые, сохраняя качественные различия, теряют акустическую эффективность, становятся трудно уловимыми и обычно требуют усиления напряженности воздушной струи для более четкой дифференциации.

Таким образом, шепотная речь представляет собою своеобразную форму устного общения, преднамеренно рассчитанную на ограничение сферы коммуникации или особое эмоциональное воздействие. Из этого следует, что фонетические модификации, наблюдаемые в шепотной речи, должны рассматриваться как характерные особенности одной из социально обусловленных форм «говoreния», как один из стилистических вариантов произношения. Анализируя модификации слогового строения слова в шепотном произношении, необходимо иметь в виду, что все упомянутые изменения в звучании фонем, отнюдь не способствующие отчетливости и ясности понимания, нейтрализуются благодаря автоматическому отождествлению модифицированного варианта с закрепленным повседневной языковой практикой коллектива стереотипом слов и словосочетаний.

Громкость как речевое средство, максимально расширяющее радиус устной коммуникации, вызывается интенсивностью и частотой вибраций голосовых связок и регулируется их мышечной напряженностью и усилением подсвязочного давления. При шепоте громкость не может выступать в своей обычной функции; это было бы несовместимо с назначением шепотной речи. В силу этого акустическая эффективность шумных в шепотном произношении доминирует над тональными элементами, которые утрачивают здесь свою нормальную, «ведущую» роль. Шумные согласные в шепотном произношении резко выделяются и образуют своеобразные «каркасы» или «скелеты» слов, а слогообразующие превращаются в почти беззвучные пустоты по контрасту с ограничивающими их шумовыми контурами. Таким образом, в шепотной речи слоговой стереотип воспринимается не по тональным вершинам, а по консонантному шумовому контуру при одной и той же ритмической схеме. При восприятии шепотной речи гласные и сонанты восстанавливаются на основе шумового каркаса синтагмы, по ритмическому соответствию с полноразличным стереотипом. Чем меньше шумных согласных содержит слово, тем менее эффективно для восприятия его шепотное произношение, тем больше напряжения подсвязочного давления требуется, чтобы обеспечить его акустическую отчетливость. Шумовые контуры высказывания выступают в шепотном произношении подобно негативным отражениям полноразличного произношения, без которого шепот не мог бы возникнуть и закрепиться в человеческом коллективе.

В силу этого в шепотной речи слоги утрачивают свою фонетическую специфику, а приобретаемые ими своеобразные особенности не могут рассматриваться как коренные признаки исследуемой категории. Приводить потерю приоритета гласных и сонантов в шепотном произношении как довод против тональной теории — значит не учитывать социальной роли шепотной речи, не понимать ее подчиненности, ее постоянной и неизбежной зависимости от полноразличного произношения, являющегося основой для всех стилистических модификаций.

*

Объем статьи не позволяет привести здесь подробный анализ различных теорий слога и вынуждает автора ограничиться кратким обзором наиболее существенных вопросов этой области исследования. Общая при-

чина неудовлетворительности существующих теорий заключается в том, что они обычно основываются на каком-либо одном факторе слогообразования и стремятся истолковать его как существо изучаемого явления. При этом ни одна из существующих теорий не учитывает того, что ведущим моментом в структуре слога является фонетический приоритет человеческого голоса, подчиняющий себе разнородные факторы слогообразования.

Обращаясь к теории «выдыхательного толчка», следует прежде всего указать на то, что слог как явление живой звучащей речи может быть удовлетворительно объяснен только на основании специфических для него фонетических признаков, а отнюдь не общей, энергетической функцией выдыхаемого воздуха, вызывающего все разновидности звуко-речевых колебаний. Выдыхаемый ток воздуха может рассматриваться как первичная основа возникновения слога только в качестве источника пневматической энергии, которая приводит голосовые связки в колебательное состояние, производящее голосовой тон. Лингвистическое исследование звуковой материи, привлекающее все данные из области физиологии речи, требует, чтобы в конечном счете все фонетические категории рассматривались как явления акустические, т. е. непосредственно связанные с их разнообразными функциями в языке.

Ошибочным следует признать утверждение, что одним выдохом можно произнести только один слог. Совпадение границ слога с пределами выдыхательного толчка наблюдается лишь в определенных случаях, вообще же один фонационный период может обеспечивать ток воздуха для целого ряда слогов, отделенных друг от друга сонантами или звонкими шумными. Слоговое образование при этом осуществляется посредством пульсирующих сужений и расширений протока, то ослабляющих, то усиливающих активность слогового потенциала.

Таким образом, несмотря на бесспорную значимость общей для всего артикуляционного процесса энергетической функции выдыхаемого воздуха, экспираторный аспект слоговоеобразования, рассматриваемый вне связи с прочими условиями, не может служить удовлетворительным основанием для построения лингвистической теории слога.

Основной погрешностью сторонников теории сонорности является неправильное понимание ими термина сонорность. Под этим лингвистическим термином надо понимать различные степени преобладания голоса над шумом. Из этого следует, что сопоставлению по сонорности подлежат только те звуки речи, которые содержат голосовой тон, глухие же не могут рассматриваться в шкале сонорности, как не обладающие этим свойством ни в какой степени. Несмотря на это авторы, пользуясь теорией сонорности, сопоставляют все без исключения категории звуков речи и, располагая их в один ряд, создают иллюзию непрерывного убывания сонорности. В действительности сонорность как особое фонетическое свойство, присущее только человеческой речи, проявляется исключительно в категориях гласных, сонантов и звонких шумных, причем последние настолько обременены примесью шума, что в нормальных условиях существующих систем способностью слоговоеобразования не обладают.

Включая в шкалу сонорности глухие согласные, авторы антропофонических исследований прошлого столетия не замечали той особой роли человеческого голоса, которая выработалась в процессе возникновения и развития речи. Сопоставляя одни глухие с другими и пытаясь определить их мнимую способность к слоговоеобразованию, они отрывались от языка и подменяли лингвистическое свойство звуков речи, именуемое сонорностью и неотделимое от человеческого голоса, другим — не языковым, а чисто физическим свойством примитивных звуковых сигналов,

всегда обладающих той или иной степенью акустической интенсивности. Отсутствие определения лингвистической функции слога и непонимание того, что шумные не могут быть носителями элементов акцентно-тонического строя языка, приводило к утверждению, что слогообразующей может быть любая фонема¹. Для оправдания этого положения Э. Зиверс и другие авторы были вынуждены признавать наличие «глухих» побочных слогов в сочетаниях *спа, ста, анс, атс*². Сознывая в то же время, что они никогда не воспринимаются как слоги, авторы оправдывают это их «ничтожной» сонорностью, над которой «доминирует» главный слог.

Стараясь смягчить свой нелингвистический подход, сторонники глухого слогообразования приводят в качестве примеров примитивные междометия и сигналы типа *Тсс!*, *Чшш!* или *Псс!*. К ним иногда добавляют различные звукоподражания и шумовые комплексы вроде *Кшш!*, *Ксс!*, используемые человеком при обращении к животным. От таких примеров недалеко и до «чмоканья», «сопения» или «звука проглатываемой слюны».

Понятно, что подобные звукоиспускания не могут служить убедительным доказательством безголосной силлабичности и неспособны отразить свойства слоговой структуры языка слов; они лишь усугубляют отрыв от лингвистической специфики слога и дискредитируют всю теорию сонорности.

Большинство ранних работ, использующих в трактовке слога принцип сонорности, отличается стремлением объяснить слогообразование одним лишь фактором преобладания звучности (Есперсен, Фиетор, Ллойд, Траутман). Другие авторы, подобно Зиверсу, Техмеру, Пасси, Броку, Томсону, Абеле, учитывают действие прочих факторов, но считают сонорность преобладающим моментом. Однако, поскольку они распространяют способность слогообразования на глухие согласные, их рассуждения неизбежно наталкиваются на противоречия. Так, принимаемое Ф. де Соссюром положение о мнимом наличии трех слогов в таком, например, слове, как англ. *speaks* [spi:ks], противоречит его ценному указанию о расширении и сужении протока («эксплозии» и «имплозии») как признаках границ слога³.

Авторы, избравшие основой своих теорий артикуляционный аспект, пытаются распространить мышечное напряжение согласных на ведущее ядро слога, которое, как известно, сопровождается рассредоточенной напряженностью, разливающейся по всему аппарату, с относительным ослаблением мышц. Существенным фактором в исследовании границ слога является мускульное напряжение в зоне гортани, где оно, взаимодействуя с подвздошным давлением, приводит в действие голосовые связки. Напряжение же мышц органов полости рта наблюдается при *с у ж е н и я х* протока, усиливающих интенсивность шума и, следовательно, ослабляющих активность голоса, т. е. действующих противоположно образованию вершины слога. Экспериментальные исследования мускульного напряжения гортани были проведены Граммоном и Фуше⁴ и использованы ими для изучения вариативности слогораздела. Полученные ими кривые отнюдь не отражают сущности образования слоговых вершин, так как, достигая необходимого для вибраций тонуса, мышцы гортани тотчас же теряют напряженность. Таким образом, вершина слога, образуемая, как правило, гласным зву-

¹ См., например: А. А б е л е, К вопросу о слове, «Slavia», гоѡн. III, 1924—1925, стр. 22; Р. О. Ш о р и Н. С. Ч е м о д а н о в, Введение в языковедение, М., 1945, стр. 46 и др.

² E. S i e v e r s, Grundzüge der Phonetik, Leipzig, 1901, §§ 489—498.

³ F. d e S a u s s u r e, Cours de linguistique générale, Paris, 1922, стр. 77—79.

⁴ M. G r a m m o n t, Traité de phonétique, Paris, 1950, стр. 97—104; P. F o u c h é, Études de phonétique générale, Paris, 1927, стр. 3—14.

ком, сопровождается ослаблением напряженности мышц гортани. Называя слог «дугой мышечного напряжения», сторонники этой теории закономерно обобщают работу различных групп мышц и пытаются рассматривать этот физиологический аспект как основной признак слогообразования. Все их рассуждения ведутся в отрыве от реального звучания слога, от его лингвистических признаков и не приводят к какому-либо определению его языковой сущности.

Более ценными для изучения проблемы слога являются исследования Леонса Рудэ¹, обосновавшего соотношение воздушного давления и артикуляционного напряжения. Рудэ подчеркивает противоположность некоторых особенностей произношения гласных и согласных. Он считает, что гласный в центре слога произносится при минимуме давления в трахее и минимуме артикуляционного усилия, в то время как согласным, ограничивающим слог, соответствует максимум давления и артикуляционной напряженности.

Сторонники большинства теорий, ограничивая себя избранным ими признаком, просто перечисляют другие условия слогообразования как взаимодействующие. При этом попытка установить закономерность взаимодействия перечисляемых факторов не дает удовлетворительных результатов вследствие лингвистической необоснованности выбора основного, ведущего фактора. Таковы, например, «ритмические» теории Мейера и де Гроота², подчинивших свои толкования метрическим закономерностям чередования слогов, т. е. тому внешнему аспекту акцентуации, который не может считаться органической чертой языка. Очень характерной в этом отношении является работа Стетсона, который, рассматривая слог как основную фонетическую единицу, старается доказать, что ведущим признаком слога является движение органов речи. Стетсон пересматривает всю фонетику, пытаясь подчинить ее «моторной» специфике и создать на этой основе новое направление, о котором говорит само название книги³.

Вопреки распространенному мнению о слоге как единице «фонетической», т. е. функционально незначимой, в литературе предмета имеется немало высказываний, подчеркивающих необходимость объяснения природы слога для фонологических исследований⁴. Примером может служить статья А. Sommerfeldt, опубликованная в трудах пражского кружка, в которой автор убедительно показывает на материале ирландского языка необходимость понимания слогостроения и слогоделения для изучения фонологических систем. В своем толковании слога Sommerfeldt примыкает к теории мускульной напряженности М. Граммона, а звуковую специфику слога отодвигает на второй план, не давая при этом никакого определения этой фонетической категории⁵.

Существенное значение для разработки теории слога имеет работа Э. Кошмидера⁶, показавшего на материале польского языка несостоятельность старой шкалы сонорности и необходимость учета особенностей

¹ L. Roudet, *Éléments de phonétique générale*, Paris, 1910, стр. 96 и далее.

² См. A. W. de Groot, *La syllabe: essai de synthèse*, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XXVII, fasc. 1, 1926.

³ R. H. Stetson, *Motor phonetics*, Amsterdam, 1951. См. также: M. Durand, *La syllabe. Ses définitions. Sa nature*, «Orbis», t. III, № 2, 1954; B. Hala, *Slabica, její podstata a vývoj*, Praha, 1956.

⁴ См. перечисление работ, посвященных анализу фонологической функции слога (начиная с трудов проф. Е. Д. Поливанова), в книге: R. Jakobson and M. Halle, *Fundamental of language*, 's-Cravenhage, 1956, стр. 20, примеч. 17.

⁵ A. Sommerfeldt, *Sur l'importance générale de la syllabe*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931.

⁶ E. Koschmieder, *Zur Silbentheorie*, «Indogerm. Forschungen», Bd. 60, Heft 3, 1952.

языкового восприятия того или иного коллектива. Привлекаемый им социальный фактор играет важную роль в изучении фонологического аспекта слога и способствует выяснению его роли в языке.

Советское языкознание рассматривает фонетику как науку о звуковой стороне речи. Из этого следует, что предметом фонетики должна являться сама звуковая материя речи в ее лингвистической функции, а не те механизмы, которые ее производят. В процессе исследования изучаются все закономерно связанные детали сложного механизма, но они не должны заслонять от нас специфику предмета и подменять звуковую материю речи различными элементами работы речевого аппарата.

В основе излагаемой теории слога лежит роль голоса¹. Наличием голоса обусловлена акцентно-тоническая функция слога в различных языках. Физические преимущества тонального ядра слога квалифицируют его как минимальную динамическую единицу поступательного движения речевой материи во времени, как кратчайший полноценный артикуляторно-слуховой элемент живой ткани языка, связывающий его фонемы, способные формировать материальную оболочку звуковой речи только при условии их слоговой организации.

На этой тонической основе и строится закономерное взаимодействие факторов, обеспечивающих силлабическую активность тональных фонем каждого языка, при всем многообразии форм слога в языках земного шара.

Итак, слоговая активность тонального элемента зависит от трех различных, но связанных в системе языка и действующих совместно факторов. Этими рассмотренными выше факторами являются:

1. Чистота голосового тона, определяемая минимальной шириной потока в системе резонаторов артикуляционного уклада, от которой и зависит доля шумовой примеси в составе тонального элемента каждой обладающей слоговым потенциалом фонемы языка.

2. Подгортанное давление воздуха на голосовые связки, регулирующее амплитуду их колебаний и способное производить оптимальные вершины громкости без существенных для качественной характеристики фонемы изменений тембра.

3. Длительность оптимальной фазы, обеспечивающая возможность и усугубляющая четкость восприятия звукового раздражения нервным механизмом слухового анализатора, а также регулирующая ритмическую протяженность слога во времени.

Наличие этих факторов, обуславливающих активность слогового потенциала, так же бесспорно, как артикуляторная разнородность тональных фонем языка. Их неравноценные физико-акустические свойства уравновешиваются в слогообразовании дифференцированным действием трех факторов, регулирующих слоговую способность гласных и сонантов.

Отсутствие ясного представления о лингвистической функции слога лишило исследователей возможности объединить действие этих факторов и подойти к определению его сущности. Обобщая рассмотренные здесь положения, можно сформулировать следующее рабочее определение:

¹ После того как рукопись предлагаемой статьи поступила в редакцию, в печати появилась статья проф. Й. Форхгаммера (J. Forchhammer, Zur Silbentheorie, «Indogerm. Forschungen», Bd. 62, Heft 2, 1956), который, как и автор настоящей работы, рассматривает голосовой тон (Maxima und Minima des Stimmtons) как основу слогообразования. Однако проф. Форхгаммер склонен считать эту теорию действительной только для обычной, полновозвучной речи, не видя возможности применить ее и при объяснении слогообразования в шепотной речи. Проф. Форхгаммер не связывает голосовую основу слога с его ролью в языке и не выясняет его лингвистической специфики. Этим, в частности, объясняется и отсутствие в его статье какого-либо определения слога.

слогами называются ограниченные перерывами голосового тона или ослаблениями его активности монолитные отрезки речи, которые служат кратчайшими носителями акцентно-тонических средств языка и состоят из отдельных гласных или разнородных звуков, объединенных ведущим тональным элементом.

Дальнейшая углубленная работа по изучению роли слога и исследованию его физической природы в языках различных систем приблизит науку к решению проблемы слога, представляющей собою один из наиболее сложных и актуальных вопросов общей фонетики.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. С. ПОПОВ

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И ПОНЯТИЕ

Настоящая статья имеет целью вскрыть тесную зависимость и связь значений слов того или иного языка как национального явления, с понятиями, имеющими универсальный характер, и попытаться показать, каким образом язык, будучи национальным, общественно-историческим явлением, соотносится с общечеловеческими закономерностями мышления.

1

Вопрос о значении слова представляет особый интерес как для языковеда, так и для логика. В прошлом языковеды (особенно когда касались специально вопросов семасиологии) неизменно пользовались термином «значение слова», однако они не выявляли в своих определениях того, что собственно под этим подразумевается. За последнее же время советские лингвисты дали ряд уточняющих формулировок.

В статье покойного А. И. Смирницкого «Значение слова», очень интересной и для логиков, значение слова определяется как «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития»¹. В этом определении мы имеем наиболее полное раскрытие основных сторон изучаемого явления, в связи с чем большинство языковедов берут именно его за основу².

Без определения и изучения значения слова могут обходиться лишь языковеды, стоящие на ошибочных идеалистических позициях — у них термин «значение слова» теряет свой устойчивый смысл, в силу чего утрачивается всякая связь слова с действительностью. Так, для Фосслера о значении слова вообще нельзя говорить, ибо с его точки зрения мы каждый раз вкладываем новое значение в одно и то же слово³. При таком подходе теряется различие между значением слова как определенной языковой единицей и его употреблением. Еще более нигилистично к вопросу о значении слова подходит Леонард Блумфилд. Для его понимания вопросов семасиологии определяющим является тяготение

¹ А. И. Смирницкий, Значение слова, ВЯ, 1955, № 2, стр. 89.

² См., например, Л. С. Ковтун, О значении слова, ВЯ, 1955, № 5, стр. 69.

³ См. K. Vossler, Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie, München, 1923. (Über grammatische und psychologische Sprachformen).

в сторону бихевиоризма. Отсюда его парадоксальное утверждение, согласно которому значение слова — это та ситуация, при которой говорящий произносит языковую единицу, и та реакция, которую она вызывает у слушателей¹.

Разумеется, при таком понимании бессмысленна самая постановка вопроса о взаимоотношении значения слова и понятия.

Для советского языкознания важнейшим является положение о том, что значение слова никогда не может быть сведено к простому знаку. Знаковость слова относится к другой его стороне, значение же слова может быть истолковано лишь как отражение действительности. На эту сторону дела обращает внимание Е. М. Галкина-Федорук: «Слово со стороны смысла, содержания не может быть знаком объективного мира, так как своим содержанием слово о т р а ж а е т действительность, но звуковая сторона слова может пониматься как знак, закрепленный за предметом, вещью, действием, т. е. содержанием слова»². И в самом деле, название вещи, раскрываемое тем или иным словом, еще не является значением слова. Как указывал еще К. Маркс, название вещи не имеет ничего общего с ее природой.

Если иные языковеды и не подчеркивают эту сторону вопроса, то во всяком случае они ее не исключают и в своем понимании не расходятся с точным определением А. И. Смирницкого. Так, Л. А. Булаховский пишет: «Значение слова... — то содержание его, обнаруживаемое по отношению к действительности, которое о своем реальном существовании заявляет наличием в основном одинакового понимания у того, кто произносит слово, и у того, кто его слышит»³.

При разработке вопросов лексики и семасиологии языковедам приходится говорить и о понятиях. Правда, останавливаясь на определении значения слова, лингвисты редко дают свое определение понятия, тем не менее они учитывают важность этого фактора. Как отмечает Р. А. Будагов, «старая наука о языке рассматривала все эти явления (полисемии, „переноса“ значения и т. п. — *II. II.*) только как логические категории... Старое языкознание верно улавливало устойчивый формально-логический характер этих категорий, но неправильно истолковывало их, считая, что сами эти категории непосредственного отношения к языку как историческому и общественному явлению не имеют»⁴.

Вопрос, однако, не сводится только к тому, чтобы вскрыть взаимоотношение терминов; необходимо показать, каким образом сосуществуют значение слова, понятие, логическая категория. Мы исходим из того, что действительность всякой мысли — это язык. Значения слов входят в ту или иную языковую систему. Вполне понятно, что они имеют национальный характер, их национальное своеобразие несомненно⁵. Между тем и понятия возникают на базе языкового материала, т. е. такого общественного явления, которое имеет национальный характер. Сказать, что понятия имеют чисто национальный характер, никто не отважится. Формы и законы мышления одного народа не расходятся с логическими формами и законами другого; категории, формы мышления не национальны. Но

¹ См. L. Bloomfield, *Language*, New York, 1933, стр. 139.

² Е. М. Галкина-Федорук, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Ин. яз. в шк.», 1952, № 2, стр. 9.

³ Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, М., 1953, стр. 13.

⁴ Р. А. Будагов, К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике, ИАН ОЛЯ, вып. 2, стр. 110—111.

⁵ См. В. А. Звегинцев, О принципах семасиологических исследований. Автореф. докт. дисс., М., 1954, стр. 17.

откуда же берется этот вненациональный момент? Ведь все понятия имеют языковую оболочку, а оболочка эта имеет национальный характер.

Подобную же постановку вопроса мы находим у некоторых зарубежных ученых. Так, Лео Вейсгербер в докладе «Язык и образование понятий», прочитанном в 1936 г. на Международном конгрессе языковедов в Копенгагене, выдвинул правильный тезис: «Определительная для рода человеческого речевая способность является основой образования понятий». Там же он говорит: «Мыслимые средствами языка содержания находятся не вне языка, но принадлежат языку. Мало того, являются самым существенным в языке». «Каждый язык поднимает всех говорящих на данном языке на высоту понятийного осмысления и овладения миром, чего люди не могли бы достигнуть, предоставленные самим себе»¹.

С наибольшей ясностью проблема раскрывается в связи со следующими соображениями акад. В. В. Виноградова. В системе значений, выражаемых словарным составом языка, он выделяет прямые значения, которые как бы непосредственно направлены на предметы, явления, действия и качества действительности. Такое номинативное значение слова образует фундамент всех других значений и применений. В. В. Виноградов подчеркивает устойчивость этих основных значений слов; он предлагает называть их свободными по сравнению со всеми другими значениями, поскольку те являются производными². Для простоты назовем эти основные значения изначальными, или непроизводными³.

Установив несколько типов лексических значений слова в связи с приведенным разграничением различных видов значений слов, В. В. Виноградов переходит к вопросу о понятии. Понятие может стать основным номинативным значением слова (по терминологии В. В. Виноградова, «свободным»), но если взять семантику слова в целом, рассматривая его в аспекте системы языка, то она не может ограничиться выражением только этого понятия. В. В. Виноградов заключает так: «Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обростает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа»⁴.

Весь вопрос сводится к тому, каким образом общечеловеческое понятийное содержание может оказаться обросшим такими смысловыми оттенками, которые имеют чисто национальный характер. Если иметь в виду, что понятия возникают на базе языкового материала, являясь в этом отношении образованиями, аналогичными значению слова, то при таком понимании неприемлема мысль о том, что понятия как бы извне привходят в слова и получают свое выражение в значениях слова (как это истолковывалось еще со времен Буслаева). Скорее наоборот — слово (как указывал в свое время Потебня) как раз и является средством изменения образа в понятие, слово направляет мысль к обобщению, в этом отношении имен-

¹ L. Weisgerber, *Sprache und Begriffsbildung*, «Actes du Quatrième congrès international de linguistes», Copenhagen, 1938, стр. 35, 39.

² См. В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5, стр. 12.

³ Дело здесь не в термине. Некоторые лингвисты называют эти значения общими (но так их можно назвать только в том смысле, что они фиксируют какой-то признак, который явно или скрыто можно найти у всех производных значений, а не в смысле его применения к той или иной предметной области), Р. О. Якобсон употребляет термин «основное значение» («Grundbedeutung»), которое он отличает от главного значения («Hauptbedeutung»); французы отличают собственное значение («sens propre») от переносного («sens figuré»); Е. Р. Курилович ввел термины «первичная» и «вторичная» (семантическая) функция (см. ВЯ, 1955, № 3, стр. 73).

⁴ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 29 (разрядка наша. — П. П.).

но язык и формирует понятия. Вспомним высказывания Потебни: «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее»; «Слово есть средство образования понятия, и притом не внешнее, не такое, каковы избретенные человеком средства писать, рубить дрова и проч.»; «Слово есть выражение мысли лишь на столько, на сколько служит средством к ее созданию»¹. Может быть, самым существенным в мыслях Потебни о слове является то, что именно благодаря слову образ может превратиться в понятие.

Можно дополнить основной тезис Потебни характеристикой, которую дает современный автор созиданию мысли в слове: «В речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы... ее формируем. Речь здесь нечто большее, чем внешнее орудие мысли; она включается в самый процесс мышления как форма, связанная с его содержанием. Формируя свою речевую форму, мышление само формируется»². Поэтому нельзя согласиться с М. А. Булаховским, когда он пишет: «Слова являются важнейшим средством для нормального (говорящего) человека сформировать и закрепить звуковыми знаками добытое из действительности обобщенное знание предметов, явлений и т. д.»³ В самом деле, прежде чем закреплять «звуковыми знаками», т. е. словами, обобщенное знание, надо его добыть, а добывается оно при наличии орудия, являющегося носителем общего, т. е. при наличии слов, языка. Процесс прямо обратный: самое обобщение формируется средствами языка — в этом как раз и состоит главная роль второй сигнальной системы.

М. Д. Бланк в опубликованной в 1955 г. статье формулирует, не поясняя: «Значение и понятие в слове диалектически связаны». Далее, приводя определения значения слова Е. М. Галкиной-Федорук и других авторов, он замечает: «Нам представляется, что эти определения недостаточно четко и ясно оттеняют различие между значением и понятием...». Однако вразрез с этим там же сказано: «Под значением слова мы понимаем совокупность понятий». Наконец, один из выводов (четвертый) изложен в статье следующим образом: «Значение слова тесно и неразрывно связано с понятием. Чем шире понятие, выраженное словом, тем шире значение»⁴. Все это по меньшей мере загадочно и противоречно. Для последнего вывода следовало бы хоть на одном примере показать, чем объем понятия по существу может отличаться от объема значения соответствующего слова, а также, чем содержание значения слова отличается от соответствующего понятия. В противном случае кажется, что здесь простая тавтология $A=A$, ибо, разумеется, объем значения слова *прихоть* просто совпадает с объемом понятия «прихоть». Никак нельзя согласиться и с теми авторами⁵, которые считают, будто значение слова есть реализация понятия средствами определенной языковой системы, или что слова не отражают действительность, а выражают понятия, или же, наконец, как говорит один автор, что обмен мыслями в человеческом обществе возможен лишь потому, что в значении слов разных языков закреплены, отражены соответствующие понятия, общие для всех людей.

¹ А. Потебня, Мысль и язык, Харьков, 1913, стр. 141, 136, 154.

² С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1946, стр. 416.

³ Л. А. Булаховский, указ. соч., стр. 19.

⁴ М. Д. Бланк, К вопросу о слове, понятии и значении, «Ученые записки [Орехово-Зуевского гос. пед. ин-та]», т. II, Факт русск. языка и лит-ры, вып. 1, М., 1955, стр. 239—243, 251 и др. (разрядка в цитатах наша. — П. П.).

⁵ См. например: Л. С. Ковтун, указ. соч., стр. 77; Б. В. Беляев, О слове и понятии, «Ученые записки [1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков]», т. VIII, 1954, стр. 209; Р. Гинзбург, Проблема значения слова в свете сталинского учения о языке, «Ин. яз. в шк.», 1952, № 4, стр. 41.

При таких формулировках выявляется точка зрения, прямо противоположная ленинской теории отражения. Ведь средством образования понятия является слово, которое так или иначе всегда есть нечто общее. Именно в связи с этим понятия и могут отражать общие связи и отношения действительности; таким образом и возникают понятия на базе языкового материала через посредство значения слов. Обратная же точка зрения будет заключаться в том, что не предметный мир, а понятия отражаются в значении слов, что значение слова закрепляет в нем то или иное понятие — это, по существу, идеалистическая концепция.

Возникает и другой радикальный вопрос: можно ли отмежевывать понятие от значения слова? Мы сейчас будем говорить не о научных понятиях, а о самых простых бытовых или общенародных понятиях¹. В своей прежней статье о понятии слова я писал: «Следует различать понятие в широком смысле и в специально научном смысле. Первое можно назвать значением слова. Слово обычно складывается в связи с тем, что оно оказывается средоточием значения, прочно фиксирующим то или иное содержание. Значение слова может и не отражать всех необходимых и существенных признаков фиксируемого явления, но оно является носителем устоявшегося смысла в результате многомиллиардной человеческой практики, пусть и не отражающего всех существенных признаков, но все же отражающего признаки определяющие»².

Намечающееся несогласие некоторых авторов с предложенным определением сводится к тому, что значение слова — это одно, а общенародное бытовое понятие — это совсем другое, оно существует как бы само по себе и только выражается в значении слова³.

Чтобы конкретно подойти к решению поставленного вопроса, нужно точно учесть, чем оперируют лингвисты, имея дело со значениями слов, и что имеет в виду логик, когда анализирует понятия с их формальной стороны. Действительно ли материалом анализа лингвистов является что-то одно, а перед умственным взором логика находится нечто совсем другое — то, что только выражается в значении слова, а вовсе не совпадает с самим этим значением.

Посмотрим, как анализировал значение слова Л. В. Щерба. «Словом *стол* в русском языке, — писал он, — называется всякий предмет, который состоит из более или менее горизонтальной поверхности, поднятой приблизительно на один метр и служащий для деятельности человека в сидячем положении. Это обобщение является, таким образом, лексическим правилом употребления русского слова *стол*... Многим кажется, что это нельзя считать языковыми правилами, так как в основе нашего словоупотребления лежат понятия (здесь, без сомнения, Л. В. Щерба пользуется логическим термином „понятия“.— П. П.), которые, будучи для всех очевидными, не нуждаются якобы ни в каких правилах, ни в каких определениях. Однако такое мнение исходит из неправильного предположения о неподвижности наших понятий и даже об их исконности»⁴.

Л. В. Щерба называет используемое обобщение лексическим правилом, применяемым при обучении языку. И в самом деле, здесь идет речь о лексическом правиле, поскольку для знания языка необходимо твердое фиксирование определенного значения или даже целого пучка значений,

¹ См. Л. С. Ковтун, указ. соч., стр. 72.

² П. С. Попов, Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления, «Вестник Моск. ун-та», 1954, № 4, стр. 77.

³ См., например, Л. С. Ковтун, указ. соч., стр. 72 (разрядка наша.— П. П.).

⁴ Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, М.—Л., 1947, стр. 67 (разрядка наша.— П. П.).

имеющегося у того или иного слова. Фиксируя свою логическую норму, Л. В. Щерба при этом совершенно правильно руководствовался и соответствующим логическим правилом. Разница лишь в том, что формальная логика отвлекается от всякого конкретного содержания, связанного с тем или иным словом, и не учитывает всех его сторон, между тем как слово в целом представляет собой сложное общественно-историческое явление, включающее многообразные ингредиенты: фонему, морфему, лексему, семему.

2

Состав правил, выдвигаемых логикой в отделе «понятия», очень прост. Эти правила касаются прежде всего точного разграничения различных видов понятий: единичных, общих, разделительных, собирательных, положительных, отрицательных; различных видов абстракций: генерализирующей, изолирующей и т. п. Затем идет очень важный отдел отличия совместимых и несовместимых понятий. Мы должны строго отличать тождественные понятия, понятия подчинения, перекрестные понятия; уметь оперировать соподчиненными понятиями и их видами, каковы понятия противоположные, противоречащие. Есть и более общие закономерности оперирования понятиями: таков закон обратного отношения объема и содержания понятий. Наконец, к этому аппарату, весьма элементарному, но вместе с тем очень строгому, нужно присоединить операции определения и деления с соответствующими деривативными правилами. Вот, в сущности говоря, и все содержание отдела о понятии. Но ведь как раз всем этим аппаратом неизменно пользуется и лексикология, и морфология, когда данные науки оперируют словом и его значениями. Л. В. Щерба дал в плане лексики то самое, о чем говорит логика: он сформулировал определение понятия «стол». Правила оперирования понятиями формальной логики так общи, что грань между тем, что логика называет понятием, и тем, что языковед называет значением слова, абсолютно стирается; пример Л. В. Щербы («стол»), иллюстрирующий, как нужно оперировать значениями слов, полностью совпадает с теми примерами, которые даются школьникам или студентам, когда проводятся практические занятия по основным отделам логики. Разница лишь в том, что на таких практических занятиях нас не интересует вопрос о специальных приемах обучения иностранному языку и т. п.

Разберемся в этом конкретно. Предположим, составляется лексикологическое пособие, скажем параллельный словарь двух или трех языков или толковый словарь. Здесь лексиколог оперирует значениями слов, но он оперирует этими значениями по тем же правилам, которые выдвигает логика в отделе «понятия». Понятия синонимов — это и есть то, что называется в логике тождественными понятиями. Так, в толковых словарях русского и других языков мы находим следующие истолкования значения слова: *вина* — «проступок»; *впрямь* — «действительно»; *жилой* — «обитаемый»; *заносчивый* — «высокомерный»; *Стамбул* — Константинополь; *domaine* — «propriété»; *gêne* — «serré»; *sommaire* — «abrégé». В параллельных словарях: *извлечение* — «extractum»; *Geduld* — «терпение»; *Gegenwart* — «присутствие». Все это полноценные примеры для логики, когда она оперирует тождественными или равнозначными «бытовыми» понятиями. При этом как раз очень важен анализ того, имеется ли тут совпадение и по объему, и по содержанию, или же палицо расхождение; тогда нужно пополнить данное истолкование указанием на другое, близкое по значению слово. Но никакого различия между объемом и содержанием понятия, с одной стороны, и объемом и содержанием значения слова, с другой, нет и быть не может.

Совершенно так же мы оперируем и правилами подчинения понятий вне всякой зависимости от того, будем ли мы говорить при этом о «значении» слова или о «понятии».

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова читаем: «Вилка... предмет из столового прибора в виде ручки с двумя, тремя или четырьмя зубьями, которым берут и кладут в рот куски пищи». Перед нами не что иное, как пример родо-видовых отношений, а в конечном счете — определение. Род в данном примере — «предмет из столового прибора», вид — «вилка». Здесь подводится вид под род, т. е. дана схема определения.

Наиболее интересны случаи точного применения правил определения понятий, когда речь идет о словах, которые в различных языках относятся к одному кругу явлений, но значения которых по объему не совпадают, так что приходится прибегать к словесным ухищрениям — в конечном счете к тому, что логика называет перекрестными понятиями.

Возьмем такой пример. Конечно, чаще всего мы немецкое *Baum* переводим через *дерево*, но понятия здесь перекрестные. Под деревом мы разумеем не только самое растение, но и материал. Мы говорим: мебель *черного дерева*. По-немецки же соответствующее выражение переводится через *schwarzes Holz*. В русском языке имеется соответствующее слово *дрова*, но опять-таки по объему слово *дрова* уже немецкого *Holz*. Стройматериалы мы дровами не назовем, а в немецком языке есть слово *Baumholz* — «строевое дерево».

Значение английского слова *number* распадается в русском языке по значениям двух слов и одного словосочетания. *Number* — значит и «номер», и «число», и «большое количество». Подобные взаимоотношения мы имеем и в следующих рядах: *poem* — «стихотворение», «поэма»; *line* — «линия», «черта», «шпур», «строка»; *student* — «студент», «ученый (изучающий)»; *figure* — «фигура», «изображение», «статуя», «чертеж», «диаграмма», «цифра»¹.

Приведем еще более сложный пример. Л. В. Щерба вкратце упоминает об одном гнезде слов², которые целесообразно проанализировать, выходя за пределы раскрытых Л. В. Щербой значений. Речь идет об очень прозаической одежде. Французское слово *pantalon* лишь до некоторой степени соответствует русскому слову *штаны*: тут целый ряд перекрестных понятий и рядов. Вопрос логически весьма осложняется, если к русскому словарю привлечь и немецкий. С одной стороны, объем понятия «штаны» выходит за пределы понятия «*pantalon*», ибо могут быть короткие штаны, а у французов для последнего понятия есть специальное слово *culotte*. С другой стороны, объем понятия «*pantalon*» гораздо шире, чем у понятия «штаны». Во-первых, *pantalon* может быть и верхней, и нижней одеждой, и французы могли бы обходиться без слова *caleçon*; во-вторых, *pantalon* могут быть и мужской, и женской одеждой. У нас же *штаны* являются частью лишь мужского туалета, а для обозначения нижнего женского белья используется слово *трико*. Немецкое *Hose* (ср. тождественное *Beinkleid*) больше соответствует французскому *pantalon*, будучи шире по объему соответствующего русского слова. И все же значе-

¹ См. А. П. Мордвилов, Лексические сопоставления как средство семантизации иностранных слов, «Ин. яз. в шк.», 1948, № 2, стр. 100.

По поводу последнего ряда автор замечает: «Из этой схемы видно и то, что слово может иметь (в разных контекстах) разные значения, а также и то, ...что, как правило, все эти значения имеют между собой внутреннюю логическую связь и поэтому их можно объединить вокруг одного общего понятия (в данном случае — *изображение*)» (там же, стр. 101). В своем объяснении автор безразлично (и совершенно закономерно) употребляет термины «понятие» и «значение».

² См. Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 68.

ния слов *pantalon* и *Hose* образуют перекрестные понятия. Если мы скажем просто *Hosen*, то это может означать принадлежность чисто мужского костюма, в противоположность *Damenhose*. Наряду с этим есть также слово *Badenhose* «купальные штаны» (по-русски *трусы* или *плавки*), которое нельзя перевести французским *pantalon* (есть специальное название *cachesexe*). Здесь анализ полностью совпадает с аппаратом логических понятий, поскольку он охватывает связи перекрестных и подчиненных понятий в их отношении к подчиняющим.

Многие термины, принятые в морфологии, полностью отображают те взаимоотношения и связи, которые составляют содержание отдела о понятии в формальной логике. Принятое в грамматике определение существительных нарицательных как «обобщенных названий однородных лиц, животных, вещей, событий и отвлеченных понятий»¹ ничем не отличается от формально-логического определения общего понятия. Совершенно правильно в грамматике наряду с названиями лиц, животных, вещей и событий указываются названия отвлеченных понятий. Здесь мы имеем дело с тем, что в логике называется понятиями о понятиях. Логика, далее, отличает собирательные понятия от общих; об этом трактует и морфология, которая устанавливает различия между существительными собирательными, отвлеченными и вещественными. С логической точки зрения, можно добавить, что в данном случае речь идет об отвлеченных именах, как продукте *и з о л и р у ю щ е й а б с т р а к ц и и* (например, «белизна», «борьба»). Вещественные же имена или понятия вопли в обиход логики лишь в нескольких английских пособиях, например у Минто, который, кстати сказать, по примеру других английских логиков вместо термина «понятие» использует термин «имя». Природа изолирующей абстракции раскрывается в грамматике на примерах существительных, образующих отвлеченные понятия. Очень важного раздела грамматики о субстантивации прилагательных не понять, если не мыслить логически, а следовательно, не фиксировать различие понятий, которые являются продуктом изолирующей абстракции и абстракции генерализующей. Наконец, когда в учении о союзах речь идет об однородных членах предложения, структура сочинительных и сложносочинительных предложений соответствует тому самому логическому аппарату, на котором держится все учение о соподчиненных понятиях.

Опять-таки, когда мы говорим о понятиях или о значениях слов, никаких различий в применении правил, выдвигаемых логикой в разделе о понятиях, при этом не обнаруживается. Да иначе и не могло бы быть, если признать основной тезис Маркса, писавшего, что действительность мысли — это язык. Более сложное понятие развивается при использовании различных сочетаний значений слов, и неправильным является обратное утверждение, будто значения слов представляют собой *в ы р а ж е н и е* понятий в слове. Самодовлеющего царства понятий не существует.

Характер и применение тех правил, которыми регулируется оперирование понятиями, о чем и идет речь в логике, вполне соответствуют тому лексическому материалу, который разрабатывается в определенных отделах языкознания; если перебрать все правила, то в них не найдутся такие закономерности, которые бы предполагали существование понятий, якобы развивающихся самостоятельно, вне языкового материала, и не были бы приложимы к тем значениям слов, которыми оперирует семасиология. Поэтому неправильно говорить, что в основе значения слова лежит закрепленное в нем понятие, ибо значение слова и есть понятие. Нельзя далее утверждать, будто «нет оснований сомневаться в адек-

¹ «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 104.

ватности значения слова понятию», ибо тут нет двух явлений, которые могут оказаться адекватными, а могут и не быть таковыми. Говорят также, что неправильная постановка вопроса может «увести» значение слова (предмет семасиологии) из области языкознания в область логики. Этим некоторые лингвисты хотят как бы поделить имущество: логика пусть занимается понятиями, а семасиология — значениями слов. Но ничего не поделаешь — имущество тут общее, только изучается это достояние с разных сторон, и изучение это таково, что языковед не может не пользоваться тем аппаратом мысли, который свойствен сфере понятий. В связи с этим вполне правильным будет положение, что всякое слово является носителем понятия (в широком, не специально научном смысле), что любому слову соответствует понятие.

Формулировка «п о н я т и я выражаются в з н а ч е н и я х слов» правильна лишь в том случае, когда мы говорим о понятиях и значениях слов в порядке индивидуального опыта, когда понятия уже вполне сформировались на базе значения слов. Мы действительно «выражаем понятия в значениях слов», когда имеется в виду то, что мы п о д б и р а е м нужные слова, необходимые, вполне адекватные выражения для задуманной мысли, которая уже осмыслена нами на базе того или иного языкового материала, но мы ищем наиболее подходящее слово. В таком чисто индивидуальном плане мы имеем право говорить, что выражаем понятия через значения слов. Прав Ф. Травничек, утверждая: «Слова... общепонятны потому, что они выражают одну из форм мышления, а именно — понятия. Известное положение В. И. Ленин: „Всякое слово (речь) уже *обобщает*“, на наш взгляд, и указывает на природу общепонятности слов»¹.

Разумеется, внутренние законы развития языка никак не могут быть сведены к каким-нибудь логическим закономерностям. Отдельная смысловая ячейка пучка значений, которыми исчерпывается содержание слова, подчиняется всем нормам оперирования понятиями, но различные слои значений, которые охватываются тем или иным словом, есть продукт развития языка, что отражается неизбежно и на системе лексических значений. Производные значения слова, конечно, не могут дедуцироваться из основных исходных значений. Мы имеем дело с такими производными, переносными значениями того или иного слова, развитие которых логическим закономерностям и схемам не подчинено. Здесь действуют специфические языковые законы, определяющие своеобразие полисемии или многозначности слова. Слово обладает потенциальным свойством употребляться в нескольких значениях. Если мы возьмем слова разных языков, обозначающие один и тот же предмет или явление, то такие слова никогда не оказываются функционирующими в однозначном виде; неизменно нарастают целые слои побочных значений, и поэтому всякое слово представляет собой индивидуальность, т. е. нечто неповторимое. Поэтому-то лексика любого языка есть явление национальное.

Никогда нет полной синонимичности двух слов различных языков, всегда есть побочные значения, и эти побочные значения того или иного слова в одном языке никогда не могут полностью совпасть с побочными значениями соответствующего слова в другом языке. Отсюда идиомы, собственные всем языкам.

На ряде примеров мы видели, какое несовпадение может наблюдаться в основных, производных значениях слов, когда мы обращаемся к разным языкам; если же брать побочные или переносные смыслы тех же слов, то разнообразие окажется прямо неисчерпаемым. По-русски мы говорим

¹ Ф. Т р а в н и ч е к, Некоторые замечания о значении слова и понятии, ВЯ, 1956, № 1, стр. 74.

у него душа ушла в пятки, а по-немецки *das Herz ist ihm in die Hosen gefallen*. По-русски мы скажем *если бы ты был в моей шкуре*, по-немецки — *wenn du in meinen Hosen stecktest*. Идиоме *amaman-baba* в значении «она всем командует» в немецком языке соответствует *sie hat die Hose an*, русской пословице *два сапога (пара — немецкая поговорка *zwei Hosen eines Tuchs**. Французскую пословицу *à la barbe de pantalon* по-русски можно передать лишь описательно: «в присутствии лица, наиболее заинтересованного в деле, и назло ему». Слово *pantalon* используется в качестве термина в неожиданной области — в танцах: так называлась одна из фигур во французской кадрили. Разумеется, если бы на старом балу, описанном, например, Толстым в «Анне Карениной», дирижер танцев Корсунский выкрикнул «штаны!», то это вызвало бы полный переполох, и никто бы ничего не понял; пельзя было бы произнести и «пantalоны!», а только по-французски «pantalon!» У нас школьники называют чертеж, при помощи которого проводится доказательство теоремы Пифагора, пифагоровыми штанами.

Если учитывать все своеобразие выражений в каждом отдельном языке, то возникает важный вопрос, почему же при этом пестром и даже почти неуловимом разнообразии мысль оказывается неизменно единой, почему мысль обладает такой универсальностью, общечеловеческим характером? Для ответа на этот вопрос нужно зорко всмотреться в механизм того общественно-исторического явления, которое мы называем мыслью, мышлением.

3

Что такое мысль? Если ограничиться самым необходимым и вместе с тем самым простым и неотъемлемым признаком ее, не вдаваясь ни в какие подробности, то наиболее приемлемой будет формулировка И. М. Сеченова, который определяет мышление как способ опосредствованного знания. Он говорит: «Всякую мысль... можно рассматривать как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении»¹.

Как возможно сопоставление мыслимых объектов и к каким отдельным мыслительным актам можно свести эту процедуру сопоставления? Сопоставляя, мы неизменно производим то или иное отождествление и, наряду с этим, — различение. В семасиологии этому комплексу соответствуют синонимия и полисемия. Пользуясь словами речи, мы неизменно имеем дело с различными смыслами и значениями слов и вместе с тем производим их соединение, которое невозможно без того, чтобы эти связи не составляли единства, т. е. не опирались бы на те или иные тождественные, объединяющие моменты.

В самом деле, значения слов не существуют изолированно, они сопоставимы друг с другом. Если сложился язык и мы имеем, например, слова со значениями «дом» и «жилище», которые в основном отражают одно и то же явление действительности, то перед нами синонимия, хотя бы частичная. А это значит, что и в пределах одного языка мы неизменно сравниваем значения слов, а слова обозначают или нечто различное, или нечто частично совпадающее. Об этом совпадении приходится говорить уже во весь голос, если мы будем сопоставлять слова не только со словами, но и со словосочетаниями и, наконец, словосочетания — со словосочетаниями же.

¹ И. М. Сеченов, *Элементы мысли*, «Избр. философские и психологические произвед.», Госполитиздат, 1947, стр. 403. Ср. стр. 425 и др.

Если взять два любых языка, не родственных друг другу и развивающихся вне всякой взаимозависимости, то было бы совершенно абсурдно полагать, что эти языки не обнаружили бы явлений как синонимии (хотя бы частичной), так и полисемии (хотя бы в зачаточном, потенциальном виде). Пусть сочетания слов¹ в двух параллельно развивающихся языках представляют собою совершенно различные типы, но во всяком случае сходство будет в том, что и там и здесь есть какие-то сочетания слов, иначе не было бы и речи. Наименее родственные языки сходны в том отношении, что отдельные слова, с одной стороны, обозначают разные явления, с другой — могут частично совпадать в том отношении, что, например, одно и то же живое существо можно назвать и ослом, и животным. Так еще Аристотель понимал соименные предметы; соименными для Аристотеля оказываются и человек и бык, поскольку и то и другое может быть названо зооп («Категории», 1а)¹. Как легко заметить, Аристотель говорит о синонимии недифференцированно, перенося центр тяжести с равнозначущих понятий на понятия соподчиненные, учитывая логический процесс подчинения (*бык* — *тварь*). *Птица* и *кенар* или *канарейка* будут синонимами. Если я не разобрался, что передо мной, кенар или канарейка, я скажу: это птица. И так происходит в любом языке, ибо в языке человечество уже овладевает абстракцией. Во всяком языке (конечно, если народ, пользующийся этим языком, встречается с такими животными, как быки и т. п.) бык может быть обозначен и другим словом с более широким значением. Лишь для первой сигнальной системы характерно то, что она не выходит за пределы конкретных данностей. Что же касается языка, то он всегда является продуктом, результатом абстрагирующей работы человеческого мышления.

Итак, люди владеют способностью сопоставлять смысл слов независимо от того, на каком конкретном языке они говорят. В пределах одного и того же языка эта способность в понятийном отношении одинакова со способностью человека сопоставлять значения слов-синонимов (в узком и аристотелевском смысле) и слов не-синонимов в других языках. Эта способность общечеловеческая. Таким образом, сопоставляя значения слов в пределах одного языка, люди выходят за рамки национального использования значений слов этого языка. Тем самым люди переходят к общечеловеческим мыслительным отношениям, позволяющим овладеть вненациональными связями смысла слов, ибо, повторяю, установление отношений значений разных слов есть черта, универсальная для всех языков, а если так, то легко понять, каким образом синонимика и другие, хотя бы обратные, отношения могут распространяться на слова другого языка путем переводов и в конечном счете приводить к знанию двух или многих языков.

Сопоставления слов по их различным значениям есть новая ступень абстракции по сравнению с той абстракцией, которая нужна, чтобы, например, предмет, за которым я пишу, назвать столом — не моим письменным столом, а просто столом.

Современная математическая логика выдвигает учение о типах абстракций: 1) нулевая ступень абстракции, это — вещи, предметы: «стена», «доска»; 2) первая ступень абстракции — свойство вещей: «б е л а я стена», «ч е р н а я доска»; 3) вторая ступень абстракции — свойства свойств: «белое, это — цвет». Вторая ступень абстракции непосредственно к вещам не приложима, доску или стену нельзя назвать цветом. Так и в языке. Первая ступень — имена, названия, имена вещей; они непосредственно приложимы к вещам. Вторая ступень — отношения между сло-

¹ В «Риторике» Аристотель давал другое толкование, соответствующее современному пониманию синонимии.

вами. Эти отношения уже не находятся в непосредственной связи со своей базой — данным конкретным языком, конкретными словами, они имеются во всех языках. Вторая ступень уже не носит национального характера, она общенациональна. Но отношения между элементами первой ступени вполне совместимы с отношениями второй ступени: национальный характер языка вполне совместим с общечеловеческим характером мышления.

О том же писал И. М. Сеченов: «Рядом с аналитическим процессом умножения объектов мысли идет обратный синтетический процесс сочетания тысяч и миллионов сходных индивидуальных особенностей в единичные термины или знаки; рядом с дроблением идет сортировка осколков в сходственные группы...»¹. Осколки для Сеченова — это признаки, аналитически улавливаемые. Предположим, перед нами стаканы различных форм, разных фирм, различных стекольных заводов, разных государств. Каждый стакан, каждый объект имеет множество признаков, отношений, связей. Мы берем эти признаки, признаки абстрактные, это уже — осколки. Далее мы группируем эти осколки. Но такие группы осколков уже теряют печать своего происхождения, для них не важно, из дробления каких по форме стаканов они взяты. Они — чистые абстракции; тут не важен источник, как и для отношений мыслей не важно, какой язык является носителем первоначальной мысли, т. е. значения слов.

Язык может развиваться и пополняться двумя противоположными путями, совмещающая их: путем терминирования значения слов и включения новых слов-терминов (т. е. путем освоения таких терминов, которые в состоянии точно обозначить одно и то же содержание в пределах разных языков). При таком развитии язык начинает проявлять тенденцию к выходу из узко национальных рамок. Противоположная тенденция — идиоматическая, когда язык начинает выявлять новые идиомы и фразеологические сращения. Идиомы и фразеологические сращения сугубо национальны.

4

Легко показать, как самые отвлеченные понятия философии при их возникновении были неразрывно связаны с национальными особенностями языка, но вовсе не остались в тесных рамках национальной, в данном случае — греческой философии, а получили распространение и развитие в других языках, на основе грамматических особенностей этих языков².

¹ И. М. Сеченов, указ. соч., стр. 487.

² К выводу о соответствии между глагольной структурой греческого языка и образованием понятий у греков приходит Ю. Штенцель (J. Stenzel, Über den Einfluss der griechischen Sprache auf die philosophische Begriffsbildung, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», Jg 24, 1921). Штенцель даже считает возможным говорить о «греческом образовании понятий» (стр. 163), что является неприемлемым с нашей точки зрения, ибо процесс образования понятий есть процесс общечеловеческий, а не национальный. Он подчеркивает исключительную эластичность греческого языка при субстантивации, весьма свойственной этому языку и важной в философском отношении.

Ни один язык, по мнению Штенцеля, не способен уловить в понятии смысл сложных связей наподобие аристотелевских $\tau\acute{o}\ \tau\acute{\iota}\ \tau\acute{\iota}\nu\ \epsilon\iota\chi\alpha\iota$ или $\tau\acute{o}\ \tau\acute{\iota}\ \epsilon\sigma\tau\iota\nu$ и др. С последним обобщением позволительно не согласиться. Как раз немецкому языку свойственна подобного же типа субстантивация, почему искусственные философские термины Аристотеля легко передаются в немецкой речи: так Бонитц очень находчиво переводит $\tau\acute{o}\ \tau\acute{\iota}\ \tau\acute{\iota}\nu\ \epsilon\iota\chi\alpha\iota$ через *das Warum*, $\tau\acute{o}\ \delta\iota\alpha\ \tau\acute{\iota}\ \pi\rho\omega\tau\omicron\nu$ через *das erste Warum*; $\tau\acute{o}\ \tau\acute{\iota}\ \epsilon\sigma\tau\iota\nu$ через *das Was* (см. «Aristoteles Metaphysik», übersetzt von H. Bonitz, Berlin, 1890, стр. 7 и 133). Все переводы даны Бонитцем не описательно, а с использованием грамматической специфики немецкого языка.

Тех особенностей греческого языка, которые анализируются в настоящей статье, Штенцель не касается.

В отличие от других языков, греческий язык располагает двумя формами отрицания, поскольку имеются две самостоятельные частицы $\text{o}\dot{\upsilon}$ и $\mu\eta$. $\text{o}\dot{\upsilon}$ отрицает прямо, безотносительно, объективно, поэтому ставится при изъявительном наклонении и при желательном с $\text{э}\nu$, замещающем изъявительное; $\mu\eta$ отрицает условно и имеет относительное значение, ставится при сослагательном наклонении. В связи с этим греческие выражения $\text{o}\dot{\upsilon}\kappa$ $\text{э}\nu$ и $\mu\eta$ $\text{э}\nu$ имеют различный оттенок, который стирается при переводе на русский язык: в обоих случаях приходится переводить «не-сущее» или «не-существующее». Один из основоположников так называемой элеатской философии Парменид, проповедовавший о неподвижности и вечности бытия, отстаивал следующий тезис: «Существует только бытие, небытия нет». Несуществующее раз и небытие, если верить другим греческим философам, Парменид не разграничивал, безразлично используя частицы $\text{o}\dot{\upsilon}\kappa$ и $\mu\eta$ ¹. При этом он вовсе игнорировал чувственный мир и не признавал никакой изменчивости. В отличие от Парменида, Платон в своей идеалистической, дуалистической системе проводил принципиальное различие, как он его понимал, между $\text{o}\dot{\upsilon}\kappa$ $\text{э}\nu$ и $\mu\eta$ $\text{э}\nu$. «Меон» есть условие несуществования, оно не вовсе исключает бытие; это — псевдобытие, т. е. все же бытие. Платон утверждал, что существует несуществующее (ἔστι τὸ μὴ ὄντα — «Софист», 258, В — D) — здесь все построено на отличии $\mu\eta$ от $\text{o}\dot{\upsilon}\kappa$. Г. Коген писал: «В греческом языке, в котором не случайно и не в силу интеллектуального легкомыслия „логос“ [слово] одновременно значит „разум“, ... можно усмотреть полное глубокого смысла синтаксическое образование: а именно посредством частицы $\mu\eta$. Кажется, будто такой словесный оборот просто значит отрицание. Но почему дело не свелось к частице $\text{o}\dot{\upsilon}$? Какие бы разнообразные синтаксические тонкости ни благоприятствовали выработке такого оборота речи (Satzrichtung), все же остается необъясненным, в силу каких обстоятельств греческое умозрение связало свои основоположные понятия с этой случайной частицей и использовало ее в самых фундаментальных формулировках»². Коген недоумевал по поводу скованности идеологии Платона особенностями греческого синтаксиса, поскольку ему по существу был совсем чужд тезис о единстве языка и мышления.

Основное учение Платона пробило себе дорогу в миропонимание философов и других национальностей. Как это оказалось возможным? Поскольку другие языки, послужившие базой для распространения платоновских идей в средние века, в эпоху Ренессанса и позднее, не имели такого простого языкового средства, при помощи которого выражались идеи Платона, появились специальные философские термины «феноменон» и «ноуменон»; у Платона в гносеологическом плане им соответствуют « δῶξα » и « ἐπιστήμη ». Термины «феноменон» и «ноуменон», как мы видим, опирались на параллельные выражения Платона (например, «знание» и «мнение»); в таком виде они вошли в оборот философии и терминологически закрепились со времен Канта, различавшего мир феноменов и ноуменов. Только во времена очень изысканной схоластики начала XX в. под влиянием Гуссерля и гуссерлианцев некоторые авторы кокетничали выражением «меон», просто транскрибируя его³.

¹ Так, Аристотель передает учение Парменида словами: « $\text{πρὸς γὰρ τὸ ὄν το μὴ ὄν οὐδὲν ἄξιον εἶναι}$ ». У Теофраста же читаем: « $\text{τὸ παρὰ τὸ ὄν οὐκ ὄν, τὸ οὐκ ὄν οὐδὲν}$ ». (См. Н. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker, Bd. I, Berlin, 1906, стр. 109)

² См. Н. Коген, Logik der reinen Erkenntnis, Berlin, 1902, стр. 70.

³ Ср. А. Ф. Лосев, Диалектика числа у Платона, М., 1928, стр. 27.

Развивая наметившуюся терминологию, Г. Тейхмюллер, спиритуалист платоновского типа, пишет свою книгу «Действительный и кажущийся мир». «Scheinbare Welt» (кажущийся мир) — это и есть *мῆ δῦν*¹.

Еще один вычурный термин появляется у агностика Файнбергера, назвавшего свой труд «Die Philosophie des Als-ob», т. е. «философия фикции». Фикции оказываются значимыми, они, в свою очередь, в каком-то смысле существуют.

Мы видим, таким образом, что значения слов, значения отдельных частиц оказываются носителями философских понятий, которые на первых порах не выходят из гнезда присущих слову значений. Но по мере развития мысли понятия становятся эластичнее, свободнее; они находят точку опоры в других элементах того же самого языка, а также в других языках, иной раз выражаясь описательными средствами этих языков, а порою закрепляясь в новых словообразованиях.

Анализируя взаимосвязь понятий и значений слов, нужно всегда помнить, что понятия никогда не могут существовать вне слов, вне языкового материала. Оторвать понятие от чувственного его носителя или компонента нельзя. Интересно, однако, что письменная речь знает такие знаки, которые фонетически невыразимы. Таково, например, иероглифическое письмо.

В египетской иероглифике мы имеем следующее изображение для передачи *kd* — спать:

Первые три знака — фонетические. Последний — рисунок глаза — ключевой (понятийный).

Молодой ученый Ю. В. Кнорозов, впервые выявивший принципы расшифровки письменности индейских племен майя (единственное чисто иероглифическое письмо в Америке), дает самое простое и исключительно четкое объяснение иероглифических знаков в интересующем нас разрезе. В иероглифической системе он различает три группы знаков: идеограммы, ключевые знаки и фонетические знаки. Идеограмма есть знак, обозначающий слово. Идеограмма может быть реалистическим рисунком предмета, может быть стилизованным рисунком и, наконец, условным символом. Фонетические знаки обозначают либо отдельные звуки, либо слоги, либо сочетания согласных в зависимости от фонетики и морфологии данного языка. В третьей группе и скрывается то, чем мы заинтересованы. Ю. В. Кнорозов называет эту группу знаков ключевыми знаками, или детерминативами (определителями). Они указывают, каким образом следует осмыслить фонетические знаки. Ю. В. Кнорозов пишет: «Ключевые знаки... имеют только смысловое значение, но не звуковое, и л и, и н а ч е г о в о р я, о б о з н а ч а ю т п о н я т и е»². Понятие как будто оголено, оторвано от фонетической стороны, но в иероглифической письменности это возможно, поскольку в качестве чувственной оболочки здесь имеется особый знак или рисунок. Без звуковой оболочки или заменяющей ее знаковой оболочки не может быть понятия. Понятия не представляют собой самодовлеющего царства чистых мыслей.

Подведем итоги:

1. Не следует без нужды умножать сущности, говорил еще в свое

¹ См., например, G. Teichmüller, Die wirkliche und die scheinbare Welt, Breslau, 1882, стр. 4.

² Ю. В. Кнорозов, Древняя письменность Центральной Америки, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 109 (разрядка наша. — П. П.). Ср. его же, Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе, «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме», М., 1955, стр. 10—11.

время Уильям Оккам, имея в виду излишества терминов и надуманные различия между ними. В отношении первоначальных бытовых или общенародных понятий бессмысленно говорить о каких-то их особенностях сравнительно со значениями слов. В плоскости понятий в широком смысле значение слова и есть понятие, понятие и есть значение слова.

2. Понятия и значения слов не отличаются друг от друга принципиально, по своему происхождению: как значение слова немислимо вне самого слова, так нет и понятий вне языковой оболочки.

3. Концепция, согласно которой понятия как общественно-историческое явление находят свое выражение в языке через значение слов, ведет к идеалистическому представлению о том, что якобы существует самостоятельное царство оголенных понятий, воплощающихся в речи-мышлении.

4. Когда языковед оперирует значениями слов, он прилагает к ним тот самый логический аппарат, который фиксирует логика в разделе «понятия».

5. Отдельная смысловая ячейка пучка значений, охватывающих содержание слова, подчиняется всем правилам оперирования понятиями, но различные слои значений, которыми характеризуется семантическая структура слова в целом, есть продукт развития языка, не подлежащий никакому логизированию, — здесь действуют законы развития языка.

6. Не могут существовать вне языковой оболочки и научные понятия, но они уже не сводятся к простым значениям слов. Значения слов складываются стихийно и закрепляются многовековой практикой употребления слов в речи-мышлении. Научные понятия вырабатываются практикой познавательного мышления путем сознательного и целенаправленного отбора тех признаков понятий, которые выражают сущность исследуемого явления и его закономерностей.

Научные понятия, отражая существенное и необходимое в изучаемых явлениях, изменяются и развиваются в зависимости от того, что исследовательская мысль, действуя сознательно и целенаправленно, раскрывает, опираясь на все средства промышленности, техники, эксперимента, практики вообще, все новые слои в изучаемой действительности, углубляет знание от явления к сущности.

7. В пределах одного и того же языка, представляющего собою национальное явление, используются такие отношения между словами (синонимия, омонимия и т. п.) и словосочетаниями, такие типы связей слов, которые присущи любому другому языку. Такие абстрактные отношения не заключены в узкие, чисто национальные рамки и в этом смысле они вненациональны.

8. Мышление осуществляет два основных акта при освоении тех или иных явлений — различение и отождествление, анализ и синтез, обнаруживающиеся в пределах движения смыслов слов любого языка. Поэтому о мышлении мы говорим, как об общественно-историческом явлении, имеющем общечеловеческий характер.

9. Слова с терминированным значением образуют ту часть лексики, которая не носит черт специфического, национального характера. Эти слова легко переходят из лексической системы одного языка в соответствующую систему другого языка; это играет особую роль при развитии научных понятий-терминов.

10. Научные понятия, возникшие даже на базе неповторимых в другом языке грамматических особенностей, выходят, однако, за пределы национальных границ, используя другие языковые средства, оформляясь на базе нового языкового материала.

В. Г. АДМОНИ

РАЗВИТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НА ЗАПАДЕ В XX в.
И СТРУКТУРАЛИЗМ

1

Дать структурализму правильную оценку — означает прежде всего показать его место в процессе исторического развития различных лингвистических концепций. Именно в таком плане, с точки зрения роли структурализма в развитии синтаксической теории, и будет охарактеризовано это направление в данной статье. Обращение именно к синтаксису в указанной связи оправдано, как нам кажется, тем, что иногда высказывается мнение, будто новая грамматическая, в частности синтаксическая, теория на Западе сводится только к структурализму, наиболее последовательно развивающему основные положения Ф. де Соссюра и Э. Сепира. На самом деле положение значительно сложнее.

В XX в. синтаксис становится одной из наиболее разработанных областей языкознания. Период его длительного отставания кончается. Порой еще и теперь в монографиях и диссертациях можно встретить жалобы на скудность синтаксической литературы, но чаще всего это просто некритическое воспроизведение старой традиции. Продвижение синтаксической теории наблюдается во всем мире. При этом нетрудно установить сходные черты в том направлении, которое свойственно развитию синтаксической мысли как в зарубежном, так и в отечественном языкознании. Вполне естественно, что в рамках одной статьи невозможно полностью рассмотреть характерные черты всех лингвистических теорий, выдвигавшихся в первой половине XX в. Мы попытаемся, ограничиваясь разбором лишь некоторых ведущих тенденций, выявить то новое и ценное (хотя бы и спорное), что внесено, на наш взгляд, в синтаксическую теорию в западноевропейском языкознании за последнее пятидесятилетие.

Стремясь прежде всего выяснить результаты применения структуральных методов к практике исследования конкретного языкового материала, мы не останавливаемся специально на гносеологических основах и теоретических предпосылках тех или иных языковедческих концепций¹. Хотя эти моменты крайне важны для понимания существа соответствующих лингвистических направлений и для их оценки в целом, следует учитывать, что в нашей критической литературе данная сторона вопроса сравнительно широко освещалась.

Положения, которые выдвигаются в синтаксической теории в XX в., чаще всего не отличаются абсолютной новизной. Многочисленные высказы-

¹ Сами по себе те теоретические основы, на которых развивались новейшие школы в зарубежном языкознании, весьма многообразны. Здесь и ряд новых, а также новейших буржуазных философских систем — логический позитивизм, феноменология Гуссерля и т. д., ряд психологических теорий — структуральная психология и бихевиоризм, «математическая логика» Карнапа и Рассела и т. д.

валось раньше, особенно в языкознании XIX в., но высказывалось спорадически, не находило широкого отражения в исследовательской практике. Достаточно напомнить, например, что положение о системности языка неоднократно выдвигалось — не только у Гумбольдта или Беккера, но и у Штейнталя, Мистели, Функа и многих других¹. Однако существенным моментом в лингвистике понятие системности языка становится только в последние десятилетия.

Период господства младограмматиков, начиная с семидесятых годов XIX в., характеризуется эмпирическим и как бы «дробным» подходом к синтаксическим явлениям. Вопросы предложения остаются по преимуществу в стороне. Изучению подвергаются прежде всего синтаксические значения отдельных частей речи, их способность сочетаться с другими разрядами слов и обнаруживаемые ими при этом значения. Даже в чисто количественном отношении работы по синтаксису занимают весьма незначительное место. Характерно, что ряд крупнейших сводных работ младограмматиков в области синтаксиса появляется только на рубеже XX в. или еще позднее².

2

Новый подход к синтаксическим проблемам непосредственно связан с общим развитием лингвистической теории в XX в. Естественно, что такие положения лингвистической теории, как противопоставление языка и речи, утверждение системного характера языка и т. п., должны были оказать существенное влияние на теорию синтаксиса.

Общее стремление языковедов последнего пятидесятилетия к четкому определению и ограничению объекта исследования и вообще к тщательному установлению методики исследования, порой превращающееся в схоластические упражнения и приводящее к терминологическим излишествах, все же дало возможность сделать некоторые важные выводы в области синтаксиса. Отметим, однако, что ряд специфических синтаксических проблем возникал независимо от общих языковедческих вопросов. Отнюдь не стремясь исчерпать весь материал, мы перечислим ниже — почти в тезисной форме — некоторые из новых положений в области синтаксической теории, которые нам кажутся наиболее плодотворными.

1. Синтаксис ставится в тесную связь со структурой речевого акта общения. Роль говорящего в акте речи, соотношение между говорящим и слушающим — эти моменты не только отмечаются, как неоднократно делалось и раньше, начиная с Платона, но и широко используются для понимания языковых, в первую очередь синтаксических фактов. Исследования в этом направлении ведутся как грамматистами, так и психологами.

Среди работ, специально посвященных постановке этого вопроса, следует назвать в первую очередь книги А. Гардинера и К. Бюлера³. Особен-

¹ Приведу хотя бы замечание Ф. Мистели: «... различные синтаксические правила являются частями взаимосвязанной синтаксической системы или индивидуально сложившихся форм мышления, охватывающих все частности, так что там, где эти формы в корне различны, синтаксис отражает эти различия даже в мелочах» (см. F. M i s t e l i, Syntaktische Lesefrüchte aus dem classischen Altindisch, «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd. VII, Berlin, 1871, стр. 383).

² Например: B. D e l b r ü c k, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen («Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen», Bd. III—V), Strassburg, 1893—1900; J. W a c k e r n a g e l, Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch, Reihe I—II, Basel, 1920—1924; O. B e h a g h e l, Deutsche Syntax, Bd I—IV, Heidelberg, 1923—1932.

³ A. G a r d i n e r, The theory of speech and language, 2-d ed., Oxford, 1951; K. B ü h l e r, Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache, Jena, 1934.

но содержательно обширное исследование К. Бюлера, оказавшее немалое влияние на последующее развитие языкознания. В центре концепции К. Бюлера стоит модель акта речи как органа передачи сообщения от одного человека к другому («Das Organonmodell der Sprache»)¹. В эту модель он включает следующие компоненты: а) говорящего («отправителя»), от которого «звуковой феномен», т. е. конкретный отрезок речи, исходит как «симптом» («выражение»); б) предметы и отношения между вещами, о которых должно быть сообщено в «звуковом феномене» (т. е. то, что должно быть представлено, изображено); в) слушающего («получателя»), к которому «звуковой феномен» направлен в качестве своего рода «обращения» («сигнала»); г) сам «звуковой феномен». Таким образом, в модели К. Бюлера намечаются три отношения: выражение (или симптом), изображение (представление) и обращение (сигнал). По мысли автора, все эти три отношения должны быть предметом психологического и языковедческого анализа.

Основное внимание К. Бюлер уделяет второму из указанных отношений — изображению (представлению). Именно функция изображения (представления) является, по Бюлеру, доминирующей функцией языка, хотя «отправитель» и «получатель» речи также влияют на структуру последнего. Соотнесение вещей и отношений между вещами с определенными звуками, играющими в своих сочетаниях роль языковых знаков, рассматривается как языковой факт, имеющий объективное значение и не сводимый к функциям «выражения» или «обращения». Значительную часть своей книги К. Бюлер посвящает выяснению тех условий, при которых оказывается возможным представить в высказывании явления реального мира². При этом выдвигается двойственная связанность знаков, выступающих в акте речи. С одной стороны, речь всегда связана с контекстом — закрепляется в нем, передает свое отношение к нему и получает от него свою определенность («указательное поле языка» — «Zeigfeld der Sprache»). С другой стороны, речь, представляя своими знаками-символами те или иные предметы и отношения между ними, изображает определенное содержание системой связей между этими знаками («символическое поле языка» — «Symbolfeld der Sprache»). К. Бюлер подчеркивает сложность высвобождения речи из «указательного поля языка», но все же отмечает возможность этого: в предложениях, содержащих общие, не связанные временем суждения, вся определенность речи проистекает из соотношений внутри «символического поля».

Таким образом, здесь, во-первых, ясно намечается общая сложность и многослойность структуры высказывания, что имеет непосредственно синтаксическое значение, а, во-вторых, синтаксические отношения, как и прочие грамматические явления, явно разделяются на два основных вида: выражающие связь с контекстом, а также с самими участниками речевого процесса (понятия «я» и «здесь», «ты» и «там» и т. д.) и выражающие те связи между вещами, которые изображены в предложении³.

¹ К. B ü h l e r, указ. соч., стр. 24 и сл.

² См. там же, стр. 79 и сл., стр. 149 и сл.

³ Хотя мы условились оставаться лишь в пределах синтаксической теории на Западе, здесь все же трудно не указать на проведенное А. М. Пешковским разграничение «объективных» и «субъективно-объективных» категорий (см. «Русский синтаксис в научном освещении», 6-е изд., М., 1938, стр. 108). Большое внимание грамматическим категориям, связанным с позицией говорящего и с условиями акта речевой коммуникации, уделяют в последнее время и советские языковеды (см.: В. В. В и н о г р а д о в, О категории модальности и модальных словах в русском языке, «Труды Ин-та русского языка [АН СССР]», т. II, М.—Л., 1950; «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, Введение).

Аналогичные тенденции, хотя и не в столь развернутом и обобщенном виде, находим мы также у ряда грамматистов, непосредственно рассматривавших синтаксические категории и прежде всего структуру предложения. Так, в системе Ш. Балли ¹ вся структура предложения основывается на сочетании двух компонентов — модуса, в конечном счете выражающего отношение говорящего к содержанию высказывания, и диктума, выражающего само это содержание высказывания. В теории предложения, выдвинутой Й. Рисом ², необходимым моментом при определении предложения считается производимая говорящим «оценка отношения к действительности» того содержания, которое выражено в предложении.

Конечно, обращение к структуре акта речи не всегда и не везде приводит ученых к созданию гармонической и многосторонней концепции предложения, охватывающей все стороны высказывания. Ряд лингвистов подчеркивает лишь одно из отношений, входящих в языковую «модель», обычно «выражение», т. е. проявление мысли и душевного состояния говорящего. Такая установка характерна для представителей крайне психологического направления в грамматике, например для Т. Калепки ³, стремящегося рассматривать всю грамматическую систему как порождение специфического психического состояния говорящего в акте речи. Но в целом систематическое исследование всех сторон акта речи с грамматической и, в частности, синтаксической точки зрения раскрывало многослойность и многоаспектность синтаксических явлений и вообще означало раздвижение рамок и углубление синтаксической теории. Такое исследование содействовало также выдвиганию на передний план проблемы предложения, как той единицы, которая непосредственно оформляет акт речи.

2. Четко разграничивается предложение и словосочетание. В развернутой и обоснованной форме эта сама по себе не новая мысль была выдвинута в работе Й. Риса «Что такое синтаксис?», относящейся еще к концу XIX в. ⁴ Й. Рис показывает, что предложение представляет собой явление иного грамматического ряда, чем словосочетание («группа слов» — «Wortgruppe»), которое определяется не функционально, а чисто структурно.

В результате такого принципиального разграничения словосочетания и предложения, которое постепенно стали широко проводить как при грамматических исследованиях, так и в практике обучения языку, анализ предложения становится в центр внимания грамматистов. Это в свою очередь способствовало рассмотрению словосочетания как особой структурной единицы языка, имеющей некоторые общие черты со словом ⁵.

3. Среди новых тенденций в трактовке предложения надо особенно отметить следующее. Анализ разновидностей предложения не ограничивается выделением традиционных его типов, различающихся по степени самостоятельности (самостоятельные, сочиненные, главные, подчиненные предложения), по полноте (полные, неполные, распространенные предложения), по коммуникативной задаче и эмоциональности (повествова-

¹ Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, перевод с франц., М., 1955.

² J. Ries, Was ist ein Satz?, Prag, 1931, стр. 70.

³ Th. Kallepky, Neuaufbau der Grammatik, Leipzig — Berlin, 1928.

⁴ J. Ries, Was ist Syntax?, 2-e Ausg., Prag, 1927.

⁵ В русском языкознании роль словосочетаний для системы синтаксиса подчеркивалась в концепциях Ф. Ф. Фортунатова и А. М. Пешковского. Четкое разграничение словосочетания и предложения намечено в синтаксической системе А. А. Шахматова и особенно в последних работах советских языковедов.

тельные, побудительные, вопросительные, восклицательные предложения).

Начинают выделять и типы (модели) предложений, обладающие различиями в своем смысловом содержании, в характере закрепленных в них отношений реальной действительности. При этом такие различия выявляются в формальной структуре предложения, прежде всего в форме выражения подлежащего и особенно сказуемого¹.

Еще в конце XIX в. подобную типологию выдвигал К. Сведелиус, положив в основу своего определения предложения понятие «коммуникации»². Строя исследование на материале французского языка, К. Сведелиус отмечал, например, наличие в этом языке предложений, выражающих процесс (*procédé*), и предложений, выражающих «реляцию» (т. е. отношение); при этом автор устанавливает различные виды как процессов, так и реляций. Однако у К. Сведелиуса эта типология предложения, хотя и раскрытая на материале французского языка, получала универсальное, общезыковое значение. Между тем в работе Э. Сепира, оказавшей особенно большое влияние на выделение таких структурных «логико-грамматических» типов предложения, подчеркивается, что у каждого языка имеется своеобразный набор подобных моделей³. С психологической точки зрения к этой проблеме подошел и К. Бюлер, выдвинувший понятие «синтаксических схем»⁴.

4. Для развития синтаксической теории большое значение имеет тенденция к прослеживанию системного характера языка. Изучение языка как системы затрагивает все стороны его структуры — фонетическую, морфологическую и синтаксическую.

Когда речь заходит об изучении языка как системы, то в первую очередь, естественно, вспоминается имя Ф. де Соссюра, со всей остротой поставившего вопрос о всеохватывающей системности языка. Не случайно ряд важнейших работ, дающих конкретную характеристику строя различных языков как своеобразных систем, принадлежат перу учеников и прямых продолжателей Ф. де Соссюра. Такова, например, книга Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка», в которой развертывается интересная концепция системы французского языка в сопоставлении с системой немецкого. Исходя как из фонетических, так и из синтаксических данных, Ш. Балли усматривает во французском языке с его аналитическим строем такие черты, как прогрессивную последовательность, сжатие знаков и т. д.

Существенно, что аналогичное стремление установить специфику системы ряда языков проявлялось и проявляется у многих языковедов и языковедческих направлений и независимо от Ф. де Соссюра или лишь при его косвенном влиянии. Так, большое внимание к системному характеру языка и особое подчеркивание важности синтаксических моментов (порядок слов, характер определений и т. д.) типичны для работ В. Шмидта⁵.

¹ Типы предложения подобного рода мы именуем логико-грамматическими типами предложения (см. В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955, стр. 102 и сл.). В русской грамматике такая типология предложения была развернута В. А. Богородицким (см. его «Общий курс русской грамматики», 5-е изд., М.—Л., 1935, стр. 213 и сл.).

² C. S v e d e l i u s, *L'analyse du langage appliquée à la langue française*, Upsala, 1897.

³ Э. С е п и р, *Язык*, перевод с англ., М.—Л., 1934.

⁴ См. К. B ü h l e r, указ. соч., стр. 251—255.

⁵ W. S c h m i d t, *Die Stellung des Genitivs und ihre Bedeutung für den gesamten Sprachaufbau*, «Jahrbuch von St. Gabriel», 2, Wien, 1925; е г о ж е, *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde*, Heidelberg, 1926.

Широко известен тезис О. Есперсена об аналитическом строе английского языка, стремящегося к максимальной экономии в выражении¹. В новейшей работе «Основные черты английского языка и английского характера» В. Аццалино рассматривает некоторые факты проявления таких общих, по его мнению, черт английского языка, как динамичность, вещественность, интерес к единичному². В этой связи В. Аццалино указывает на следующие разнообразные явления: характер словаря и стилистического отбора слов в английском языке, тенденция к употреблению «динамических» глаголов с наречиями-последлогами, широкое употребление слова *thing*, система суффиксов и аббревиатур, соотношение подлежащего и сказуемого с подчеркнуто активной ролью подлежащего и т. п.

Вопросы своеобразия языковой системы поднимаются также в некоторых работах, посвященных немецкому языку. Так, Э. Драч, исходя из наличия в немецком предложении рамки, образуемой расщеплением грамматически и семантически связанных компонентов, считает рамку важнейшим и своеобразнейшим элементом всей структуры языка³. К. Боост стремится объяснить всю структуру немецкого предложения тенденцией к созданию напряжения⁴.

Следует отметить, что в построениях такого типа, как правило, имеется много спорного. Особенно сомнительны, а порой заведомо неверны и политически реакционны те обоснования и оценки, которые даются своеобразным чертам системы того или иного языка. Однако в плане выявления общего характера строя данного языка и его специфических особенностей эти и подобные им концепции представляют большой интерес; конкретные факты, обычно сопоставляемые в работах такого рода, хотя бы частично действительно находятся во внутренней связи и свидетельствуют о своеобразных чертах изучаемого языка⁵.

Если в XIX в. при характеристике структурного своеобразия языков преобладающим был морфологический критерий (форма слова, взятая в ее соотношении с предложением), то теперь огромное значение приобретают синтаксические моменты как таковые (например, для немецкого языка рамочная система порядка слов, которая, во всяком случае в своей основе, отнюдь не определяется и не порождается морфологическим характером немецкого языка, структурой его слова). Кроме того, для раскрытия своеобразия языковой системы широко используются и фонетические моменты — их соотносят с морфологическими и синтаксическими явлениями. Так, одним из важнейших факторов, в которых, по Ш. Балли, выявляется «прогрессивная последовательность» во французском языке, оказывается система французского ударения, всегда падающего на конец словосочетания и слова. Таким образом, звуковая структура слова и структура синтаксическая оказываются в тесном взаимодействии.

5. Раскрывается структурное своеобразие строя того или иного языка и выясняются те закономерности, которые обусловили возникновение этих своеобразий. При этом подчеркивается, что синтаксические моменты нередко весьма существенны в процессе языкового развития. Во всяком

¹ См. O. Jespersen, *Progress in language*, London, 1894; его же, *Growth and structure of the English language*, Leipzig, 1905.

² W. Azzalino, *Grundzüge der englischen Sprache und Wesensart*, Halle/Saale, 1954.

³ E. Drach, *Grundgedanken der deutschen Satzlehre*, Frankfurt a. M., 1939.

⁴ K. Boost, *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld*, Berlin, 1955.

⁵ В советском языкознании проблемы своеобразия синтаксического строя тех или иных языков затрагивались, но очень абстрактно, в сталинском разрезе, у Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и их последователей. Особенно большое внимание этим вопросам было уделено после языковедческой дискуссии.

случае синтаксические закономерности в значительной мере выступают как самостоятельные явления, взаимодействующие с другими сторонами языка в их развитии, но не определяемые ими целиком.

В наиболее общем виде освещается этот вопрос у В. Вартбурга. Отмечая характерные особенности структуры французского языка, в подходе к которому он очень близок к трактовке Ш. Балли, В. Вартбург подчеркивает, что такие явления, как строгость порядка слов и конечное положение компонента, на который обращается основное внимание, отнюдь не являются только результатом фонетико-морфологического развития французского языка. «Развитие языка, — пишет Вартбург, — зашло здесь значительно дальше целей, поставленных внешней необходимостью»¹. В. Вартбург указывает, что в итальянском языке именительный и винительный падежи совпали раньше, чем во французском, но такой «линейности», какая существует во французском языке, в итальянском не выработалось.

Позиция В. Вартбурга особенно важна здесь потому, что его подход к языку, как он сам указывает, сложился главным образом под влиянием теории де Соссюра, согласно которой развитие языка, в отличие от языкового состояния в данный исторический момент, не имеет системного характера. Таким образом, Вартбург стремится преодолеть соссюровский разрыв между синхронией и диахронией и между «речью» и «языком».

Самостоятельность синтаксических закономерностей развития в своеобразной форме отмечает Э. Сепир. Для него этот вопрос в основном сводится к сохранению и переформированию синтаксических моделей, в первую очередь моделей предложения, которые, по его мнению, не исчезают в своей основе даже при значительных сдвигах в морфологической структуре языка. Отметим, что у ряда исследователей, непосредственно не обращающихся к проблеме закономерностей развития синтаксических явлений, явно прослеживается тенденция рассматривать эти закономерности — в плане соотношения с другими сторонами языка — как самостоятельные. Такой подход совершенно отчетливо выступает у Э. Драха, К. Бооста, В. Алцалино и др.²

3

Таковы некоторые, на наш взгляд существенные, новые черты в изучении синтаксических явлений, характерные для языкознания на Западе в последние десятилетия. На этом фоне нам будет легче показать (конечно, также лишь в тезисной форме) то новое как в положительном, так и в отрицательном плане, что внесли в трактовку синтаксиса структуралисты.

Из трех направлений структурализма мы остановимся здесь только на двух: на американской дескриптивной грамматике и на копенгагенском структурализме, особенно на «глоссематике», как на его наиболее ярком проявлении. У пражских структуралистов вопросы синтаксиса фигурировали, но занимали все же сравнительно незначительное место. В де-

¹ W. v. W a r t b u r g, Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft, Halle (Saale), 1943, стр. 170—171.

² В русском языкознании традиции установления общих синтаксических закономерностей развития языкового строя идут от А. А. Потебни. В последние годы, после языковедческой дискуссии, в советской лингвистике эти вопросы подвергались оживленному обсуждению в связи с проблемой внутренних законов развития языка, особенно на материале германских языков (см.: В. М. Ж и р м у н с к и й, К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», V, М., 1953; В. Г. А д м о н и, О некоторых закономерностях развития синтаксического строя, там же).

скриптивной грамматике и в глоссематике синтаксическим проблемам уделяется большее внимание.

Трактовка синтаксических явлений у структуралистов, естественно, неразрывно связана с общей структуралистской теорией языка, с ее стремлением целиком ограничиваться в анализе языковых явлений пределами языковой формы, с ее выдвиганием на первый план функциональной стороны языка и т. д. Мы лишены здесь возможности даже вкратце изложить общую теорию структурализма, да и считаем это ненужным, поскольку основные принципы и методические приемы этого направления в лингвистике неоднократно излагались в нашей печати (правда, обычно в сугубо критическом освещении)¹. Общие положения структуралистской теории, так же как и сложная структуралистская терминология, будут привлекаться нами лишь в той мере, в какой они необходимы для понимания конкретных синтаксических проблем. Отметим при этом, что особое внимание будет уделяться практике исследования структуралистами синтаксических явлений, конкретным итогам изучения ими синтаксиса тех или иных языков.

Несмотря на количественное преобладание фонологических и морфологических работ, роль синтаксиса в концепциях дескриптивной грамматики и глоссематики оказывается в принципе исключительно большой. Общим для обеих этих школ является, в частности, стремление раскрыть структуру языка, исходя из исчерпывающего анализа соотношений между компонентами речевого потока. Отправным пунктом исследования становится анализ речевого отрезка («текста»), а именно — разделение его в грамматическом плане на мельчайшие значащие единицы (морфемы) и установление взаимодействий между ними. При этом такие языковые категории, как слово, словосочетание и даже предложение, получают лишь относительное значение и должны явиться своего рода результатом анализа, а весь центр тяжести ложится на изучении так называемых «непосредственно составляющих» (т. е. языковых единиц в их последовательности). Таким образом, по крайней мере в идеале, весь анализ «текста» должен носить по своей форме синтаксический характер.

Однако эта общая «синтаксичность» анализа развивается за счет интереса к непосредственно синтаксическим построениям и категориям. Перед структуралистами возникает опасность смешения и неразличения таких категорий, как слово, словосочетание, предложение, сложное предложение, хотя для большого числа языков эти категории качественно различаются между собой². Но в концепциях структуралистов система языка, его структура не сводится целиком к соотношению следующих друг за другом в тексте единиц. Для Л. Ельмслева, например, этот синтагматический, линейный момент («движение языка») не является собственно системой. Система языка может пониматься еще парадигматически, как взаимосвязь грамматических явлений, относящихся к одному и тому же грамматическому плану (система частей речи, падежей, членов предложения и т. д.), т. е., выражаясь словами Ельмслева, как «зависимость между терминами в си-

¹ Ср.: М. М. Г у х м а н, Против идеализма и реакции в современном американском языкознании. (Л. Блумфилд и «дескриптивная» лингвистика), ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 4; О. С. А х м а н о в а, О методе лингвистического исследования у американских структуралистов, ВЯ, 1952, № 5; е е ж е, Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания, ВЯ, 1953, № 3; М. М. Г у х м а н, Лингвистический механицизм Л. Блумфилда и дескриптивная лингвистика, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, М., 1954; О. С. А х м а н о в а, Основные направления лингвистического структурализма, М., 1955.

² Для дескриптивной лингвистики такой метод был в известной мере связан с тем, что она нередко имела дело с инкорпорирующими языками, в которых соотношение между морфемой, словом и словосочетанием значительно менее отчетливо, чем, например, в индоевропейских языках.

стеме», противопоставленная «зависимости между терминами в движении», т. е. в «тексте»¹.

Именно у Л. Ельмслева противопоставление этих двух моментов дано в наиболее развернутой и подчеркнутой форме. И это не случайно. Одно из существенных различий между глоссематикой и дескриптивной лингвистикой состоит в том, что в своих более конкретных языковых изысканиях представители копенгагенского кружка структуралистов и примыкающие к ним языковеды более широко разрабатывают проблемы «парадигматической» системы языка. Недаром основная более «частная» языковедческая работа самого Л. Ельмслева посвящена такому вопросу, как система падежей². При этом с точки зрения конкретных результатов разработка глоссематикой «парадигматической» системы не увенчалась сколько-нибудь заметным успехом. У самого Л. Ельмслева в разработке этих вопросов, при всем многообразии использованного языкового материала, преобладает тенденция наметить универсальную картину системы соответствующих категорий, которые, однако, остаются абстрактными и отрываются от конкретных языковых фактов. Сами выводы автора подчас не отличаются большой оригинальностью, если не считать перестройки терминологической системы. Так, в трактовке системы падежей у Л. Ельмслева по сути дела возрождается старая локалистическая теория. Лишь в деталях приходит к новым выводам и опирающийся на структурализм А. Хейнц в своей работе, посвященной роли родительного падежа в индоевропейской падежной системе³.

Интерес к «парадигматической системе» преобладает и в работах основателя датского структурализма В. Брэндаля⁴. Вместе с тем у него, у Ельмслева и у ряда других языковедов, так или иначе связанных с копенгагенским структурализмом, наблюдается значительный интерес к более глубокому общему определению тех величин, которые выступают в синтагматическом построении речи. Так, В. Таули в статье, основанной в значительной мере на материалах эстонского языка, рассматривает проблему соотношения между аналитическими и неаналитическими грамматическими формами, причем устанавливает множество переходных и промежуточных форм⁵. Пристальное внимание привлекает понятие морфемы⁶. Широкому изучению, особенно в работах Ельмслева, подвергаются типы связей между компонентами «текста», в значительной мере соответствующие тому, что обычно понимается под синтаксическими связями. Однако в глоссематике понятие таких связей трактуется значительно шире и разностороннее. Л. Ельмслев, например, намечает систему зависимостей между грамматическими компонентами, в которой даны корреспонденции между соотношениями членов «синтагматического ряда» («текста») и соотношениями членов парадигмы. Но, насколько мы можем судить, эти моменты глоссематического метода не получили своего развернутого применения в конкретных синтаксических исследованиях, так

¹ По сути дела аналогичное различие двух аспектов языка дано у де Соссюра в противопоставлении синтагмы как сочетания, опирающегося на протяженность, ассоциативным отношениям (см. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с франц., М., 1933, стр. 121).

² L. Hjelmslev, La catégorie des cas. Étude de grammaire générale, «Acta jutulandica»: VII, 4—1935; IX, 2—1937.

³ A. Heinz, Genetivus w indoeuropäischen systeme przypadkowym, Warszawa, 1955.

⁴ V. Brøndal, Les parties du discours, Copenhagen, 1928.

⁵ V. Taali, Morphological analysis and synthesis, «Acta linguistica», vol. V, fasc. 2, 1945—1949.

⁶ Сводку литературы по этому вопросу см. у В. Пизани (V. Pisani, Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft. Indogermanistik, Bern, 1953, стр. 13).

что плодотворность таких различий, как различие «селекции» (односторонняя грамматическая зависимость «в тексте») и «спецификации» (односторонняя грамматическая взаимозависимость «в системе»), остается не выясненной ¹.

В отличие от глоссематики, дескриптивная грамматика в первую очередь разрабатывает именно структуру «текста», линейный синтагматический языковой ряд. При этом наряду с большим количеством чисто теоретических работ ряд исследований дескриптивных лингвистов посвящен конкретному анализу отдельных языков и своеобразию их строя. Именно поэтому мы и должны остановиться подробнее на данном направлении. Нас интересуют главным образом следующие вопросы: 1) что дает метод дескриптивной лингвистики в области синтаксиса при анализе языков, уже подвергавшихся широкому и всестороннему изучению? Помогает ли этот метод вскрыть новые, прежде остававшиеся незамеченными, стороны строя этих языков? 2) если метод дескриптивной грамматики позволяет по-новому описать, «представить» уже известную систему языка, то насколько полно и глубоко удастся ему это сделать?

Следует учитывать, что между представителями дескриптивной лингвистики существуют значительные расхождения. Работы дескриптивных лингвистов, посвященные таким языкам, как английский или французский, чрезвычайно различны по своему характеру — и это зависит не только от большей или меньшей одаренности или эрудиции автора. Дело еще в различиях в самом подходе к языку. Возьмем, например, работу Р. А. Холла, посвященную французскому языку ². Раздел, отведенный синтаксису (Phrase-structure), производит впечатление прежде всего чрезвычайной бедности. В рецензии на эту книгу А. Мартине уже отмечал ряд крупных недостатков и неточностей, допущенных Р. А. Холлом ³. С нашей точки зрения, основной недостаток книги Холла состоит в том, что ряд отдельных, частных указаний, которые даются в работе (например, о подчинительных словосочетаниях — стр. 47 и сл., о структуре предложения — стр. 54 и сл.), никак не сведены воедино. Никакой общей картины своеобразия строя французского языка в книге не получается. Явления, различные по своей значимости в системе французского языка, даны в одной плоскости, например, все виды «эндоцентрических сочетаний», полные и неполные предложения. Автор здесь инвентаризирует (и то далеко не полностью) важнейшие синтаксические конструкции, но инвентаризирует их в отрыве друг от друга.

¹ Отметим попутно, что стремление к пересмотру «парадигматической» системы (в частности, синтаксических категорий) широко представлено и у языковедов, совсем не примыкающих к структуралистам или лишь отдаленно в той или иной мере соприкасающихся с ними. И здесь, чаще всего, дело сводится в конечном счете к созданию новых терминологических систем. Так, для немецкого языка сравнительно недавно Х. Глинец предложил новую систему членов предложения, построенную в значительной мере на морфологической и семантической основе. Глинец различает следующие члены предложения: 1) члены предложения, выражающие процесс (Vorgangsglieder), — спрягаемый глагол, именные формы глагола, неглагольные компоненты, вступающие с глаголом в неразрывную связь; 2) величины (Größen) — все склоняемые компоненты предложения; 3) указания (Angaben) — все неглагольные и несклоняемые компоненты, образующие все же члены предложения; 4) связочные части (Fügteile). Но внутри этих разрядов дана дополнительная классификация, которая воспроизводит, хотя и под новыми наименованиями, большинство привычных категорий членов предложения (все виды дополнений, обстоятельства, предикатив и т. д.). Сам Х. Глинец отмечает, что, стремясь подойти к формам немецкого языка совершенно заново, из конкретного анализа материала («текста»), он довольно скоро, как бы «с другой стороны», наткнулся «на традиционную грамматику» (см. H. G l i n z, Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik, Bern, 1952, стр. 487—490, 59).

² R. A. H a l l, French, «Suppl. to „Language“», vol. 24, № 3, 1948.

³ A. M a r t i n e t, About structural sketches, «Words», vol. V, № 1, 1949.

Защитники работы Р. Холла стремятся оправдать его тем, что он хотел лишь представить изучаемый вопрос с новой стороны. Однако и они вынуждены признать, что «его монография... не означает прогресса в нашем понимании французского языка или в нашем познании его структуры»¹. На самом деле Р. Холл не только не прибавляет ничего нового к тому, что уже было известно о структуре французского языка, а приводит лишь небольшую часть этого материала. В частности, работа Холла не содержит почти ничего из того, что было обнаружено в строе французского языка более глубокими разысканиями исследователей последних десятилетий, например Ш. Балли и В. Вартбурга.

Обратимся к другой, более полной работе—«Очерку структуры английского языка» Дж. Л. Трэджера и Г. Л. Смита². Несмотря на ее небольшой объем (92 страницы, которые должны охватить всю английскую фонетику и грамматику) и на постоянные оговорки о ее сознательно неполном характере, книга Трэджера и Смита чрезвычайно показательна, потому что авторы сами рассматривают ее как своего рода образец систематического применения новой и научной (т. е. дескриптивной) лингвистики к материалу английского языка, видят в ней основу для практического преподавания английского языка иностранцам.

Основная часть книги занята фонологией (стр. 11—92); конец посвящен «металингвистике», которая здесь почти целиком сводится к стилистике. В середине книги (стр. 53—80) рассматривается «морфемика», охватывающая морфологию, которая, по мнению авторов, должна изучать ряды морфем, включающие в себя лишь одну «базу» (т. е. слова), и синтаксис, трактующий ряды морфем, включающих в себя более чем «одну базу». При определении понятия «базы» авторы указывают на то, что она выступает как носитель значения в той структуре, частью которой является (стр. 55). В целом в книге декларируется необходимость исключить из грамматики момент значения, а весь анализ строится прежде всего на фонетико-интонационной основе, а также на наличии или отсутствии флексии. Для синтаксиса (стр. 67—80) определяющим является интонационное членение ряда морфем, образующих высказывание, причем предполагается полный параллелизм между «фонетическим» и синтаксическим членением предложения. Анализируются лишь простейшие формы предложения. Внутри предложения, на основе интонационного членения, выделяются синтаксические члены (*syntactic clauses*), которые в свою очередь анализируются как словосочетания, различающиеся по ведущему слову (существительное, прилагательное и т. д.). Аналитические формы глагола рассматриваются как глагольные сочетания, но с неожиданно появляющейся здесь категорией вспомогательного глагола.

Таким образом, несмотря на широкие замыслы книги, в ней намечены лишь самые общие и крайне расплывчатые очертания английского синтаксиса, и то разрозненно, без выделения наиболее важных черт. В книге почти совсем не затронуты, например, такие кардинальные для строя английского языка вопросы, как система порядка слов, типы предложения и т. д. Характерно, что сами авторы признают это. Они отмечают, что ряда вопросов (например, порядка слов) они не касаются, так как в этом направлении уже много сделано в традиционном языкознании, и что вообще их задача — не заменить, например, синтаксис частей речи, а только сделать его технически более совершенным и объективным (стр. 76—79). Но ведь это означает, что они признают невозможность обнаружить при

¹ G. M. Messing, *Structuralism and literary tradition*, «Language», vol. 27, № 1, 1951, стр. 3.

² G. L. Trager and H. L. Smith, *An outline of English structure*, Oklahoma, 1951.

помощи своего метода новые черты в существеннейших сторонах синтаксического строя английского языка. Нельзя обнаружить даже никакой «формулы перехода» от построений, данных в книге, к анализу этих явлений.

Несколько в ином плане написана книга Ч. К. Фриза «Структура английского языка»¹. Она несравненно более развернута, чем только что упомянутые работы, и посвящена более частному вопросу — синтаксической структуре английского языка, а в первую очередь — структуре предложения.

Материал, положенный Фризом в основу исследования, — это ряд записей диалогов (телефонных), причем большое внимание уделяется высказываниям, различающимся по коммуникативному заданию (высказывания, имеющие целью вызвать только «устный» ответ, вызвать действие, продолжить беседу). Всем им противопоставляются «некоммуникативные», т. е. эмоциональные, высказывания — выражающие удивление и т. п. (стр. 53). Именно к коммуникативно различающимся предложениям в первую очередь Фриз обращается также в разделе о структурных моделях предложения (стр. 142 и сл.).

Что касается членения предложения, то Фриз исходит из наличия так называемых «формальных показателей» («formal devices»). Резко возражая против семантического подхода к предложению и его членению, Фриз справедливо ставит во главу угла не лексическое значение слов, входящих в состав предложения, а «структурное значение» предложения, т. е. фактически систему грамматических категорий, содержащихся в предложении («грамматика языка состоит из показателей, которые сигнализируют структурное значение», стр. 56). Наличие структурных показателей и позволяет в основном выразить структурное значение предложения в нем самом.

Для английского языка Фриз отмечает возможность описать все структурные сигналы в «физических терминах форм, корреляций этих форм и изменения порядка слов» (стр. 58). Но фактически основным формальным показателем у Фриза оказывается порядок слов. Именно на его основе, исходя из общей схемы английского повествовательного предложения (стр. 75 и сл.), Фриз определяет основные разряды слов в английском языке, присваивая им «номерные» названия: слова 1-го класса — это слова, которые, предшествуя словам 2-го класса, могут стоять на первом месте в предложении (они соответствуют существительным и субстантивным местоимениям); слова 2-го класса — это слова, которые, занимая место после слов 1-го класса, могут стоять на втором месте в предложении (они соответствуют спрягаемому глаголу) и т. д. Аналогично определяются слова 3-го класса (соответствующие прилагательным) и 4-го класса (соответствующие наречиям). Помимо этих четырех подлинных частей речи Фриз вводит еще большое число разрядов «функциональных слов», куда включаются артикли, все «параллельные» ему слова, ряд вспомогательных и полувспомогательных глаголов, предлоги и т. д.

Если формальные разряды слов устанавливаются Фризом на основе их места в предложении [чисто морфологические признаки (словообразовательные разряды, флексии) даются лишь как дополнительные признаки распознавания частей речи; но и они частично определяются порядком слов (стр. 110—118)], то грамматическая структура предложения, его «структурное значение», основывается прежде всего на этих формальных разрядах слов. «Английское предложение — не группа слов, как таковых, а скорее структура, образованная формальными классами

¹ Ch. C. Fries, The structure of English. An introduction to the construction of English sentences, New York, 1952.

или частями речи», — пишет автор (стр. 64). Анализ порядка слов в его взаимодействии с системой частей речи дает возможность выделить такие типы предложения, как предложения с «функциональным словом» *there* на первом месте, условные бессоюзные предложения и т. д. (стр. 158 и сл.). На этой же основе строится анализ членов предложения, прежде всего подлежащего и сказуемого. При этом Фриз отвергает семантический подход к такому анализу (например, он показывает неправомочность характеристики подлежащего как деятеля) и настаивает на чисто структурном определении, исходящем из формальных разрядов слов и порядка слов. Подлежащее и сказуемое по сути дела рассматриваются как функции структуры и даже характеризуются как структуры (стр. 173 и сл.). Ввиду того, что подлежащее и сказуемое являются членами одной структуры, они трактуются как категории соотнесенные. Исходя из различий в форме сказуемого, Фриз намечает ряд важнейших типов простого предложения, отличающихся по характеру выраженных в них реальных отношений (производитель действия и действие, идентификация и т. д.), т. е. ряд логико-грамматических типов предложения (стр. 178 и сл.).

Значительно более сложной оказывается для Фриза задача — выделить и определить второстепенные члены предложения. Формальные критерии выбора той или иной части речи и порядка слов оказываются недостаточными потому, что одна и та же часть речи может выполнять роль различных второстепенных членов предложения, а порядок слов может варьироваться. Для преодоления этих трудностей Фриз, создавая множество развернутых схем структуры предложения и используя целую систему условных обозначений, обращается к наличию или отсутствию в соответствующей конструкции функциональных слов. При этом автор очень широко применяет метод подстановки (субститута). Заключается этот метод в том, что все слова 1-го класса разделяются на три группы в зависимости от тех местоимений, которыми они могут быть заменены: слова первой группы могут быть заменены только местоимениями *he, she*; слова второй группы — местоимениями *he, she* и местоимением *it*; слова третьей группы — только местоимением *it* (стр. 120—121). Различие по субституту (по сути дела воспроизводящее старое грамматическое различие лица и вещи) дает возможность выявить, например, различие между подлежащим и дополнением (косвенным) в пассивных конструкциях, даже при инвертированном порядке слов. Например, в предложении *The ladies were given the orchidies* несовпадение между субститутами слов *ladies (she)* и *orchidies (it)* обеспечивает понимание того, что подлежащим является *ladies*.

Среди членов предложения Фриз особо выделяет так называемые «модификаторы», т. е. такие члены предложения, которые синтаксически непосредственно зависят от других слов. Они рассматриваются, притом с широким учетом их значения, исходя из характера господствующего члена [модификаторы, зависящие от слов 1-го класса, от слов 2-го класса и т. д. (стр. 206 и сл.)]. В главе о сложном предложении (стр. 240 и сл.) подробно трактуются средства связи. В ряду так или иначе связанных друг с другом предложений особо выделяются предложения, начинающие речь («ситуационные» предложения). Последующие предложения анализируются с точки зрения их взаимоотношения с предшествующими. Здесь подчеркивается роль личных местоимений, а также артикля, различных местоименных элементов и ряда наречий. Сложноподчиненное предложение трактуется с точки зрения союзов.

Фриз специально рассматривает (на стр. 256 и сл.) вопрос о системе «непосредственно составляющих» в структуре английского языка. Отмечая, что в каждом языке группировка по «непосредственно составляющим»

своеобразна и что в английском языке она менялась в процессе языкового развития, автор подчеркивает роль порядка слов в английском и возможность изменения смысла в зависимости от изменения членения предложения на «непосредственно составляющие».

4

Таковы важнейшие черты синтаксической системы Фриза. Конечно, в ней нетрудно обнаружить ряд крупных недостатков. Большое число вопросов, подчас очень своеобразных и важных для системы английского языка, почти совершенно в ней не затрагиваются (например, абсолютные конструкции, односоставные типы предложения, модальность, обособление, «групповой» родительный падеж и т. д.). Многие явления, затронутые в книге Фриза, даны лишь частично и поверхностно. Нарекания может вызвать значительная часть новой терминологии, вводимой Фризом, поскольку за ней чаще всего скрываются общеизвестные факты. Так, «классы слов» Фриза являются почти полной копией привычных частей речи (характерно, что несмотря на наличие у Фриза особого разряда «функциональных слов», он использует термины «союз» и «предлог»). Таким образом, имеются серьезные основания для резкой критики по адресу Фриза¹.

Но вместе с тем книга Фриза дает все же представление об общем характере строя английского языка и в некоторых отношениях освещает свой предмет довольно широко и многообразно. Так, Фриз четко вскрывает значение позиционного момента для формирования предложения в английском языке (хотя для этого не обязательно было в соответствии с общей тенденцией дескриптивистов затуманивать и наличие ясной непосредственно морфологической системы частей речи). Он показывает, что соотносительность категорий подлежащего и сказуемого, выраженных особыми формальными разрядами слов, является структурной основой английского предложения; исходя из этого положения, он устанавливает различные «логико-грамматические» типы предложения в английском языке. Он дает развернутую картину второстепенных членов предложения и форм взаимоотношений между предложениями в связной речи. Конечно, подавляющее большинство из того, что мы находим у Фриза, уже неоднократно излагалось в грамматиках английского языка. Но кое-что (и в первую очередь как раз только что отмеченные нами моменты) дано у него все же более полно, с большей четкостью и более подчеркнуто, чем это делалось раньше в зарубежной англистике. В этом смысле работа Фриза резко отличается от ранее разобранных работ дескриптивистов.

Сопоставим трактовку некоторых основных принципов структурализма у дескриптивистов и у Фриза.

1. Для представителей дескриптивной лингвистики в целом, так же как и для Ельмслева, характерно стремление сосредоточить свое внимание при грамматическом анализе на языковом отрезке («тексте»), исключенном из речевой ситуации, хотя в определении языка они всегда исходят из «модели» (правда, крайне упрощенной) протекания речевого акта². Говоря терминами де Соссюра, они хотят заниматься «языком», а не «речью». Поэтому, в отличие от тех тенденций современных синтаксистов, о которых мы писали выше, грамматические категории, связанные с ситуа-

¹ Серьезная и острая критика книги Трэджера и Смита («Очерк структуры английского языка»), а также книги Фриза содержится в обширной рецензии Дж. Слэдда (см. «Language», vol. 31, № 2, 1955, стр. 312—345; на стр. 313—314 и 335 этого же номера редакция журнала дает подробную библиографию обсуждения обеих книг).

² В чрезвычайно упрощенном виде момент «поведения» участников речевого процесса неоднократно упоминается в книге Дж. Л. Трэджера и Г. Л. Смита; однако он никак не используется там для постановки подлинно грамматических проблем.

цией, с говорящим и со слушающим («субъективно-объективные» категории), оказываются у структуралистов в значительной мере в тени (полностью они, естественно, не могут быть исключены ни в какой грамматической концепции). А это ведет к большой однолинейности и абстрактности в понимании языка ¹.

У Фриза, в отличие от многих представителей дескриптивизма, грамматическая роль речевого акта учитывается в значительно большей мере (обращение именно к диалогическому материалу, развернутая характеристика высказываний, различающихся по коммуникативной цели, различие между предложениями, вводящими речь, и последующими и т. д.). Правда, и для Фриза более глубокие и сложные категории, связанные с характером акта речи, с позицией говорящего и т. д., остаются все же неясными. Именно этим, очевидно, объясняется его полное невнимание к вопросам модальности.

2. Крайние представители дескриптивной лингвистики стараются изучать грамматику, исключая при этом момент семантики, значения. Сам Фриз приводит слова Дж. Б. Кэрроля: «Общей характеристикой методологии дескриптивной лингвистики, как она практикуется в настоящее время американскими лингвистами, являются усилия анализировать лингвистическую структуру без обращения к значению». Но как раз Фриз, всячески подчеркивающий неправомерность проводить грамматический анализ исходя из значения, вместе с тем со всей решительностью заявляет и о невозможности довести грамматический анализ до конца без учета значения грамматических форм ². Более того, Фриз не без оснований стремится показать, что и Блумфилд, в отличие от многих его последователей, считал необходимым учитывать момент значения в анализе грамматических структур ³.

Такое систематическое обращение к грамматическому значению в концепции Фриза позволяет ему наметить то, что мы называем «логико-грамматическими» типами предложения, уточнить характер модификаторов второстепенных членов, входящих в состав подчинительных словосочетаний, и т. д. Конечно, и Фриз оказывается здесь непоследовательным. Признавая фактически наличие определенного обобщенного грамматического значения у ряда синтаксических форм, он все же нередко ограничивается чисто структурными моментами, не обращаясь к семантической стороне, что приводит к неполноте, а порой и к прямой беспомощности в объяснении соответствующих явлений (это относится прежде всего к выделению таких второстепенных членов предложения как прямое и косвенное дополнение, а также к характеристике предложений типа *there are...*).

Однако при анализе большей части грамматических явлений Фриз все же учитывает момент грамматического значения, что и способствует боль-

¹ Соотношение между объективными и субъективно-объективными категориями — это лишь одно из проявлений всей сложности и многослойности языка и его форм, в которых обычно пересекаются различные функции и значения. Ведь сама линейность языка, которую структурализм делает одной из своих исходных точек, отнюдь не означает одноаспектного движения от одной речевой единицы к другой. «Линию» языка можно сравнить не с бичевой, а скорее с кабелем, по которому одновременно происходит целый ряд передач, но только все они неразрывно связаны друг с другом. Движение от одной речевой единицы к последующей оказывается обычно движением непосредственно смысловым, движением по определенным синтаксическим моделям, движением в модальном и эмоциональном планах и т. д.

² См. Ch. C. Fries, указ. соч., стр. 293.

³ За последние годы в дескриптивной лингвистике вообще усилился протест против исключения семантики из грамматики (см.: R. Jakobson, C. Gunnar, M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis. The distinctive features and their correlates, Cambridge, Mass., 1952; Ch. C. Fries, Meaning and linguistic analysis, «Language», vol. 30, № 1, 1954).

шей глубине и расчлененности того облика английской языковой структуры, которую описывает Фриз. Отметим, что Холл в некоторых случаях также обращается к грамматическим значениям¹, но делает это sporadически. Что касается Трэджера и Смита, то они вообще постоянно декларируют недопустимость обращения в грамматике к значению, хотя все же кое-где без этого не могут обойтись. Отметим также, что на всех рассмотренных работах, по крайней мере в применении к синтаксическим явлениям, совсем не отразились такие общие устремления крайнего структурализма, как чисто функциональное определение грамматических компонентов в полном отрыве от непосредственной грамматической формы и как отказ от различения слова, словосочетания, предложения. При попытке дать конкретную картину строя определенного языка эти моменты, очевидно, оказались бесплодными.

Из всего этого приходится сделать вывод, что ряд установок дескриптивистов не помогает, а препятствует плодотворному синтаксическому анализу конкретного языкового материала.

Таким образом, рассмотрение двух аспектов языковедческого метода показывает, что преимущество Фриза заключается в его отходе от крайних дескриптивистских позиций. Но имеются ли в тех положительных результатах, которые все же достигнуты Фризом, проявления специфических методов, свойственных дескриптивной лингвистике?

На этот вопрос надо ответить утвердительно. Наблюдения, которые были сделаны Фризом, несомненно, связаны с такими методическими требованиями дескриптивной лингвистики, как тщательное и исчерпывающее изучение всех форм членения и видов сочетаний в данном языке, как проведение грамматического анализа на основе выяснения всех видов грамматической зависимости между компонентами языковых образований, как ориентация на форму в качестве исходного момента грамматического анализа. Основная цель здесь — всеобъемлющий охват при изучении грамматических сочетаний. Стремление же к такой цели должно привести к важным и ценным выводам. Правда, требование «всеобъемлющего охвата» фактически уже фигурировало в истории синтаксической мысли — в частности, этим по сути дела характеризовался эмпиризм младограмматиков. В применении к дескриптивной лингвистике, вообще к структурализму, здесь можно говорить, пожалуй, лишь о доведении до логического конца соответствующих тенденций. Но все же сама постановка такой задачи относится к наиболее положительным чертам структурализма.

Вместе с тем нельзя забывать, что даже самый широкий охват синтаксических явлений сам по себе еще не обеспечивает установления подлинной системы строя данного языка в его конкретном своеобразии. Для достижения этой цели необходимо еще выделить наиболее характерные, определяющие черты такой системы. А между тем у Холла или у Трэджера и Смита синтаксические явления, как правило, располагаются в одном плане. Даже Фриз, хотя в основу своих построений он кладет действительно наиболее важное синтаксическое отношение в английском языке (отношение между подлежащим и сказуемым), не обращает внимания на крайне показательные для английского языка явления: например, на «заместительность»², «достаточность» для предложения (в ответах, при повторениях) и на сочетания подлежащего с вспомогательным глаголом (типа *Did you tell him? Of course, I did*). Для выявления таких моментов не только желательно, но, вероятно, и необходимо сопоставление данного языка с дру-

¹ См. R. A. Hall, указ. соч., стр. 47, 51.

² Ср. В. Н. Ярцева, Слова-заменители в современном английском языке, «Уч. Зап. [ЛГУ]», Серия филол. наук, вып. 14, 1949.

гими языками, особенно с языками генетически и структурно близкими. Это ни в коей мере не означало бы, что надо измерять данный язык меркой другого языка, а только побудило бы более точно сформулировать своеобразные черты системы данного языка, вообще помогло бы превратить структурный анализ языка в подлинный анализ языковой структуры как определенной системы.

Таким образом, как это парадоксально ни звучит, с точки зрения анализа системы отдельного языка в ее цельности и своеобразии структурализм не причастен к тем достижениям, которые характерны для современной синтаксической теории, а скорее продолжает традиции старого эмпирического синтаксиса. Если же учесть еще такие черты структурализма, как неумение охватить всю многослойность и сложность грамматических явлений и стремление строить грамматическую систему безотносительно к обобщенным грамматическим значениям, то придется сделать вывод, что структурализм — по крайней мере, в области синтаксиса — вряд ли является основным и обобщающим методом лингвистического анализа. Однако положительные стороны этого направления также следует учитывать при дальнейшей разработке синтаксической теории, а также в практике синтаксических изысканий.

О. С. АХМАНОВА И Е. А. БОКАРЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Первые попытки создания искусственного международного языка относятся к XVII—XVIII вв. и связаны с именами Г. Лейбница, Дж. Вилькинса, Дж. Пристли. В большинстве случаев это были проекты, основанные на логической классификации понятий и условной системе их выражения. С течением времени сторонники идеи искусственного международного языка пришли к мысли о том, что такой язык должен быть создан по образцу существующих языков и на базе их словарного материала. Волапюк, который первым из искусственных языков приобрел в конце XIX в. некоторую известность, уже в какой-то мере приближался к языку этого «апостериорного» типа, т. е. к языку, основанному на материале существующих языков. Наибольшую известность и довольно широкое распространение получил язык эсперанто, основанный на словарном материале, общем для большинства европейских языков. Другие искусственные международные языки, возникшие после эсперанто (идо, окциденталь, новиаль, интерлингва), несмотря на то, что они содержали иногда интересные нововведения, все же не могли привлечь значительного общественного внимания¹.

Вопрос о вспомогательном международном языке в языкознании не раз становился предметом оживленных дискуссий между сторонниками и противниками этой идеи. При этом он иногда неправомерно отождествлялся с вопросом о будущем едином языке всего человечества. Смешение этих различных проблем, естественно, приводило к печальным недоразумениям, так как сторонникам вспомогательного международного языка приписывалось стремление к замене им национальных языков. Чаще же всего велись споры вокруг вопроса о самой возможности создания искусственного языка и его способности функционировать в качестве более или менее удовлетворительного орудия международного общения, его способности противодействовать тенденциям к распаду на диалекты и сохранить на долгое время единство и т. д. На некоторых из этих дискуссий, наиболее интересных в теоретическом отношении, следует остановиться более подробно.

В конце XIX в., когда еще пользовался успехом волапюк, в его защиту выступил Г. Шухардт, хотя он и считал, что этот язык далек от со-

¹ Об истории вопроса см.: L. Couturat et L. Leau, *Histoire de la langue universelle*, Paris, 1903; Э. Дрезен, *За всеобщим языком. (Три века исканий.)*, М.—Л., 1928. Сравнение наиболее известных систем международного языка см. в книгах: Н. Jacob, *A planned auxiliary language*, London, 1947; W. A. Manders, *Vijf kunsttalen*, Purmerend, 1947; P. Mitrovich, *An essay on interlinguistics*, Sarajevo, 1954.

вершенства¹. Шухардт указывал на то, что противники положения о возможности искусственного международного языка исходят из неверных воззрений на язык, который в действительности не является чем-то независимым от человека, а представляет собой продукт его деятельности, часто сознательной и преднамеренной. В качестве примера Шухардт приводил литературные языки, в создании и развитии которых сознательная деятельность играет такую большую роль, а также компромиссные языки типа Пиджин Инглиш. По мнению Шухардта, создание международного языка является одной из основных задач языкознания, так как потребность в таком языке вызывается все усиливающимся общением между народами. Г. Мейер в своем ответе Шухардту² объявляет утопией мысль о международном языке, полагая, что единство языка возникнет лишь в результате борьбы великих наций за мировое господство, к которой они усиленно готовятся. Мейер сурово осуждает попытки малых наций (*«die kleinsten Nationchen»*) ввести в научный обиход свои языки (венгерский, сербский, финский и др.), считая это «печальным следствием шовинизма наших дней». С лингвистической точки зрения понятие искусственного языка, по мнению Мейера, бессмысленно, так как язык — живой организм, который не может быть создан в реторте.

Статья Мейера дала Шухардту повод снова изложить свои взгляды по этому вопросу³. Он подверг серьезной критике сравнение языка с организмом, резко выступил против недооценки Мейером культурной значимости языков малых народностей, против деления народов на ранги и оправдания попыток распространить силой языки крупнейших народов. Отметив практическое значение идеи международного языка, Шухардт специально останавливается на ее большом научном интересе, который непосредственно даже и не связан с тем, нашла эта идея свое практическое разрешение или нет.

Совершенно очевидно, что аргументация Г. Мейера не может быть принята марксистским языкознанием. Однако необходимо отметить, что и Г. Шухардт в своих работах, посвященных вопросу о международном языке, не всегда достаточно четко различал понятия международного вспомогательного языка и единого языка всего человечества. Шухардт несомненно также переоценивал роль сознательного нормирования в существующих языках и степень смешения языков в процессе их развития⁴.

Большой резонанс в языкознании начала XX в. получила дискуссия по вопросу о международном языке между К. Бругманом и А. Лескином, с одной стороны, которые выступили против искусственного международного языка, и И. А. Бодуэном де Куртенэ, с другой, который выступил в его защиту.

Работа крупнейших языковедов своего времени К. Бругмана и А. Лескина «К критике искусственных международных языков»⁵ выделяется среди других работ, принадлежащих противникам международного языка, тем, что она возникла в результате серьезного изучения вопроса. На

¹ См. H. S c h u c h a r d t, Auf Anlass des Volapüks, Berlin, 1888.

² См. G. M e y e r, Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde, Bd. II, Strassburg, 1893.

³ См. H. S c h u c h a r d t, Weltsprache und Weltsprachen, Strassburg, 1894.

⁴ Интерес к проблеме международного языка у Шухардта не был эпизодическим, он много раз возвращался к ней и позже. См., например, его статью «Bericht über die auf Schaffung einer künstlichen internationalen Hilssprache gerichtete Bewegung» (*«Almanach d. Wiener Akademie d. Wissenschaften»*, 1904, стр. 281—296), перепечатанную в кн.: «Hugo Schuchardt-Brevier» (Halle, 1928). См. также: Г. Шухардт, Избранные статьи по языкознанию, М., 1950, стр. 271.

⁵ K. B r u g m a n n und A. L e s k i e n, Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen, Strassburg, 1907.

работу Бругмана и Лескина постоянно ссылаются, как на один из основных источников по данной проблеме, а противники международного языка часто даже не считают нужным приступать к самостоятельному рассмотрению вопроса, заявляя, что Бругман и Лескин уже показали со всей очевидностью невозможность его решения.

К. Бругман в своей части работы анализирует проблему в целом. Он считает, что она не может быть разрешена путем соглашения, так как каждый народ стремится навязать свой язык другим. По его мнению, положение Шухардта о том, что создание международного языка является одной из задач языкознания, так же неправильно, как и утверждение, что осуществление вечного мира представляет собой задачу общественных наук.

Лингвистическая аргументация Бругмана обнаруживает, что он исходит из принципов натуралистической методологии, с которой младограмматики в свое время вели такую ожесточенную борьбу. Он прямо солидаризируется с приведенным выше положением Г. Мейера о том, что язык есть организм. Бругман широко пользуется и «натуралистической» фразеологией: «организм языка», «органические языки», «язык — природный дар» и т. п.

А. Лескин в своей части работы критикует грамматическую структуру эсперанто, его словообразование, фонетический строй, считая, что эсперанто недостаточно последователен и единообразен. Интересно отметить, что в конкретной критике эсперанто Лескин также прибегает к физиологической трактовке фонетических законов, против чего в свое время сами младограмматики так резко выступали.

С ответом на брошюру Бругмана и Лескина выступил И. А. Бодуэн де Куртенэ¹, который прежде всего указал на методологическую несостоятельность их аргументации: принципиально недопустимо сравнивать язык с организмом, физиологически трактовать так называемые фонетические законы и отрицать возможность сознательного воздействия на язык. Недоброжелательное отношение многих языковедов к идее международного языка, по мнению Бодуэна де Куртенэ, является проявлением «научного аристократизма»: представители «чистой науки» рассматривают применение результатов научных исследований к потребностям практики как работу второго сорта. Противопоставление «естественного» и «искусственного», которое так настойчиво проводят Бругман и Лескин, Бодуэн де Куртенэ решительно отвергает: язык — не божий дар и не дар природы, он повседневно подвергается сознательному воздействию человека. Бодуэн де Куртенэ указывает на то, что и в так называемом естественном развитии языка много искусственного. Прежде всего всякое обучение языку — покушение на его естественное развитие. Наша повседневная жизнь представляет собой, по словам Бодуэна де Куртенэ, постоянное вмешательство в дело «святой матери-природы», процесс замены естественного — искусственным, бессознательного — сознательным, стихийных процессов — целесообразной деятельностью, и язык не может остаться исключением. Вопрос о международном языке, по его мнению, настолько созрел, что его разрешение должно стать делом ближайшего будущего.

Полемика между Бругманом и Лескином, с одной стороны, и Бодуэном де Куртенэ — с другой, вызвала среди лингвистов большое число откликов. По этому вопросу, в частности, высказались в своих рецензиях крупнейшие представители французской лингвистики М. Бреаль и А. Мейе².

¹ J. Baudouin de Courtenay, Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen, «Annalen der Naturphilosophie», Bd. VI, 1907. См. также сокращенное изложение статьи: «Вестник знания» («Espero»), 1908, № 9 и 10—11.

² См. «Revue critique d'histoire et de littérature», 2 avr. 1908.

Бреаль писал: «Первая услуга, которую оказал нам эсперанто,— то, что он заставил лингвистов... уяснить представление о языке вообще. Мы с радостью констатируем, что почти все отказались от старых теорий... о языке как продукте природы, о том, что между языками естественными и искусственными существуют коренные различия, что первые наделены всеми достоинствами..., а вторые, подобно гомункулусу Гёте, лишены способности к существованию...».

А. Мейе в своей рецензии выразил уверенность в том, что международный язык рано или поздно будет введен, так как международные связи властно требуют соответствующего орудия общения. Скептицизм Бругмана и Лескина, по мнению Мейе, чрезмерен. Он заявил, что в вопросе о международном языке примыкает к его сторонникам, среди которых называет Шухардта, Бодуэна де Куртене, Ф. де Соссюра и Есперсена. Мейе и впоследствии не раз возвращался к вопросу о международном языке¹.

В истории изучения вопроса о международном языке значительное место занимает II Международный лингвистический конгресс, происходивший в Женеве в 1931 г.² Со специальным докладом по этому вопросу выступил О. Есперсен, являющийся автором ряда работ о международном языке. Содержание его доклада можно изложить суммарно в виде следующих положений.

Современная лингвистика приписывает влиянию человеческого сознания и воли гораздо большее значение, чем старая. На наших глазах происходит создание новых литературных языков для многих народов, проводится большая работа по стандартизации произношения и созданию научно-технических терминологий. Оппозиция идее искусственного международного языка стала гораздо менее ощутимой. В настоящее время многие лингвисты подписались бы под высказываниями Бругмана и Лескина о международном языке. Идея искусственного международного языка поддерживается многими языковедами, а некоторые из них принимают активное участие в движении за ее осуществление. Лингвисты не могут оставаться равнодушными к этой проблеме громадного практического значения. Данная проблема заслуживает того, чтобы они отнеслись к ней с большим вниманием, подвергли ее серьезному и глубокому изучению и приняли активное участие в движении, направленном на ее разрешение.

По вопросу о международном языке высказались на конгрессе около 30 человек (считая и тех, кто представил письменное мнение). За искусственный международный язык, кроме докладчика, высказывались Э. Сепир, А. Мейе, М. Бартоли, Х. Уленбек, Ш. Балли, А. Фрей, Б. Мильборини и др. За национальный язык в роли международного выступали сравнительно немногие: А. Доза, Р. Дж. Келлог, Б. Спекман, Э. Дарко.

Вопрос о международном языке обсуждался также на VI Международном конгрессе лингвистов, который проходил в Париже в 1948 г. Докладчиком по этому вопросу был А. Мартинет³; он представил предварительный доклад, посвященный анализу проблемы в целом, и специальный доклад о работе Ассоциации международного вспомогательного языка (ИАЛА), в которой он руководил отделом лингвистических исследований. Мартинет указал на важность обсуждения этой актуальной проблемы специалистами-языковедами. Вопрос о принципиальной возможности искусственного международного языка он считает совершенно очевидным и

¹ См., например, A. Meillet, *Les langues dans l'Europe nouvelle*, Paris, 1928, где вопросу о международном вспомогательном языке посвящена особая глава.

² См. «Actes du Deuxième Congrès international de linguistes», Paris, 1933.

³ См. «Actes du Sixième Congrès international de linguistes», Paris, 1949. См. также A. Martinet, *La linguistique et les langues artificielles*, «Word», 1946, № 1.

решенным самой жизнью. Сомнения же по этому поводу Мартине рассматривает как результат неосведомленности в фактическом положении вещей. Наибольшую трудность представляет, по его мнению, задача широкого распространения международного языка, так как правительства до сего времени не проявляли интереса к этому вопросу, а силами одних только энтузиастов-любителей невозможно осуществить указанную задачу.

В обсуждении вопроса принял участие ряд крупных лингвистов. Большинство из них согласилось с положением докладчика о важности проблемы и о принципиальной желательности распространения международного вспомогательного языка (Ж. Вандриес, А. Дебруннер, Б. Мильорини, В. Георгиев). В. Георгиев даже высказал мнение, что эта проблема, может быть, является главнейшей из тех, которые стоят сейчас перед лингвистами. О том, что она не является утопической, по его мнению, свидетельствует практический успех эсперанто. Некоторые из выступавших отмечали большую ценность работы ИАЛА по разработке проектов международного вспомогательного языка, другие же подвергали сомнению деятельность ИАЛА и указывали на практическую пригодность эсперанто, уже получившего широкое распространение. Прямых выступлений против искусственного международного языка на конгрессе почти не было, хотя многие весьма скептически отнеслись к возможности практического решения вопроса.

Даже этот очень краткий обзор показывает, что вопрос о международном языке не раз подвергался в лингвистическом сообществе обстоятельному обсуждению и обычно рассматривался как серьезная проблема, подлежащая научному изучению.

*

При рассмотрении вопроса о международном языке важно учесть не только теоретические высказывания лингвистов по этому поводу, но и практическую деятельность по созданию проектов такого языка, их распространению и использованию. Для лингвистического сообщества факты представляют большой теоретический интерес, так как по существу перед нами массовый лингвистический эксперимент, длящийся несколько десятков лет. Изучение материалов этого «эксперимента» позволяет лингвистике дать совершенно обоснованный ответ на многие из тех вопросов, которые были подняты в рассмотренных выше дискуссиях.

Проектов искусственных международных языков было создано немало, несколько сот. Проекты, построенные на основе логической классификации понятий, не получили никакого распространения и ни в какой мере не стали средством общения. Из языков, созданных на основе словарного состава уже существующих «живых» языков, некоторые (например, идо, окциденталь, интерлингва) в течение длительного времени в большей или меньшей степени используются в качестве средства международного общения; на них издается литература, проводятся собрания и даже международные конгрессы. В первую очередь из таких языков следует назвать эсперанто, который существует почти семьдесят лет. Соответствующие учебники, словари, литература, журналы имеются и на других языках этого рода, однако основная масса активных сторонников международного языка группируется вокруг эсперанто, распространение которого во много раз превосходит распространение всех других проектов международного языка вместе взятых¹. Для изучения эсперанто издано большое число учебников на различных языках. На эсперанто вышло

¹ См. I. L a p e n n a, *La internacia lingvo. (Faktoj pri Esperanto)*, London, 1954.

несколько тысяч книг общественно-политической, научно-популярной и художественной литературы¹. Способность эсперанто быть языком художественной литературы не раз подвергалась сомнению. Конечно, всякий перевод в какой-то мере обедняет оригинал, но тщательное изучение лучших переводов на эсперанто показывает, что эсперанто в состоянии удовлетворительно передать не только содержание оригинала, но и его художественные особенности, поскольку выразительные возможности этого языка довольно велики, даже в отношении фразеологии².

Представляют интерес также факты использования эсперанто в практической жизни как средства международного взаимопонимания. Отдельные случаи использования эсперанто для этой цели можно указать еще в конце прошлого века. С 1905 г., когда был созван первый международный конгресс эсперантистов, подобных случаев становится так много, что их уже нет возможности фиксировать. Ежегодно происходят международные конгрессы эсперантистов, на которых участвует до 2—3 тысяч человек, а иногда и больше. (Последний международный конгресс эсперантистов состоялся в Копенгагене в августе 1956 г.) Эти конгрессы самым наглядным образом свидетельствуют о возможности общения при помощи эсперанто³. Кроме того, эсперанто находит повседневное применение в переписке, его применяют в туристских и деловых поездках за границу⁴. В связи с этим на эсперанто издается большое число туристских путеводителей, туристские бюро имеют в своем составе переводчиков-эсперантистов. Эсперанто находит применение и на различных международных съездах⁵. Следует указать, в частности, на применение эсперанто на Варшавском фестивале молодежи, где присутствовало более ста эсперантистов из 12 стран.

Распространение, которое получил эсперанто, дало возможность использовать его и в научной информации. Ряд журналов помещает резюме на эсперанто, эсперанто используется для этой же цели и в отдельных научных монографиях⁶.

*

Искусственные международные языки представляют не только практический, но и большой теоретический интерес для языкознания. Многие вопросы, касающиеся принципов их строения и функционирования, остаются пока спорными и до конца не выясненными, что серьезно мешает достижению единства и координации усилий сторонников такого языка. Вместе с тем принципиальные вопросы построения вспомогательного языка тесно связаны с наиболее существенными проблемами языкознания вообще.

Попытаемся поставить в самой общей форме некоторые из этих вопросов. Прежде всего естественно задать такой вопрос: почему ни у кого не

¹ См. P. S t o j a n, *Bibliografio de internacia lingvo*, Genève, 1929.

² О выразительных возможностях эсперанто см.: S. Z i e g l e r, *Über Esperanto und Esperantologie*, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1951, Н. 1—2; E. P r i v a t, *Esrimo de sentoj en Esperanto*, Haag, 1937. См. также D. Westermann, [Ред. на кн.:] W. Th. O e s t e, *Esperanto, Mittler der Weltliteratur*, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1953, Н. 5—6.

³ Отметим кстати, что в 1955 г. во время международного конгресса эсперантистов в Болонье (Италия) в городском театре была представлена на эсперанто пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор» (см. журнал «Иностранная литература», 1955, № 5, стр. 276).

⁴ См., в частности, Э. Х ъ ю з, Мысли о Советском Союзе, «Новое время», 1955, № 46, стр. 25.

⁵ Большой материал об этом собран в кн.: Н. N. S h e n t o n, *Cosmopolitan conversation. The language problems of international communication*, New York, 1933.

⁶ Об использовании эсперанто в научной информации см. «Scienca Revuo», 1955, № 4.

вызывает сомнений целесообразность международного кода Морзе, метрической системы мер и весов, математической символики (которая, кстати сказать, все шире проникает в разнообразные области науки), тогда как сама идея международного вспомогательного языка у многих встречает скептическое отношение? Объясняется ли это просто эмпирически, т. е. тем, что код Морзе, метрическая система мер и весов и т. п. уже прочно вошли в обиход, вполне наглядно для всех показали свою пригодность и значение, тогда как широкие общественные круги никак не соприкасаются с международным языком, или же для этого имеются более глубокие причины? Хотя чисто эмпирический момент играет здесь некоторую роль, главное внимание в данном случае следует обратить на те принципиальные особенности общения людей при помощи языка, которые затрудняют создание простой и однозначной языковой системы.

Дело в том, что отправным пунктом для установления метрической системы мер и весов, для разработки точного обозначения или математической символики является полная определенность и автономность обозначаемого. Так, например, «метр» — это $1/40\,000\,000$ часть земного меридиана, «сантиметр» — это $1/100$, а «миллиметр» — $1/1000$ метра; $\int$ — интеграл, представляющий собой предел суммы; «точка — тире» или сочетание одного короткого и одного длинного импульса — простой условный эквивалент русской буквы *а* независимо от ее положения в слове и от того, какое значение имеет данное слово или сочетание слов и имеет ли оно значение вообще (азбукой Морзе могут быть с одинаковым успехом переданы как реальные слова и их сочетания с реальным смыслом, так и бессмысленные наборы букв). Международная стандартизация терминологии основывается на точном определении обозначаемых предметов и без такой основы была бы невозможна и бессмысленна. Правда, в работе по стандартизации специальной терминологии уже появляются трудности, связанные с проблемой выбора при наличии разных терминов в разных языках, — тут и вопрос о национальном предпочтении, и о словообразовательных возможностях, и о соотношении с другими терминами. И все же, как ни трудно решить, например, называть ли данное вещество «газолином» (англ. *gasoline*), или «эссенцией» (франц. *essence*), или «бензином» (нем. *Benzin*), или еще как-нибудь, основной и важнейшей трудности здесь нет: «обозначаемое», его природа и свойства поддаются вполне точному и автономному определению¹. Какое бы слово ни выбрать для обозначения данного предмета, этому выбору будет обязательно предшествовать вполне точное и однозначное определение самого обозначаемого предмета.

Для того чтобы подобный принцип применить при составлении международного вспомогательного языка, потребовалось бы определение самых разнообразных «обозначаемых», их полный учет и классификация, причем «обозначаемых» в самом широком смысле — не просто предметов, действий и признаков, но и разнообразных отношений — направления, причины, зависимости и т. д., а также других сложных логических и психологических категорий. Такие попытки неоднократно делались, не перестают делаться и теперь². Какое большое значение придается этому во-

¹ Следует отметить, что все эти слова, как и вообще многие современные технические термины, являются «искусственными», «составленными», почему выбор одного из них не явился бы насильем по отношению к «естественным» или «природным» элементам языка.

² В качестве примера можно сослаться на систему 45 коррелятивных слов в эсперанто, разработанную для выражения основных разновидностей понятий качества, мотива, времени, места, способа, обладания, количества, предмета и его индивидуализации. Обобщено следует упомянуть как образец исключительно глубокого и вдумчивого анализа семантические исследования Э. Сепира, выполненные для ИАЛА [см. E. Sapir, *Totality* (Language monographs), publ. by the Linguistic society of

просу, можно видеть по множеству различных «семантических теорий»¹. Однако авторов большинства исследований этого последнего направления очень мало занимает фактическая языковедческая сторона вопроса, особенности языкового общения. Характерный для них априористический подход, основывающийся на отвлеченных рационалистических построениях, а не на изучении фактического состояния междузыкового общения, не на поисках возможностей его систематического упорядочения на основе сохранения уже достигнутого по линии взаимопонимания в естественных, исторически сложившихся рамках, пока мало дает для решения вопроса о вспомогательном международном языке.

Как известно, проблема выделения, инвентаризации и классификации всех присущих человеческим языкам значений и созначений не только не решена до сих пор, но и не изучается так широко и последовательно, как это было бы необходимо для того, чтобы была достигнута хотя бы ясная перспектива ее решения. Такое положение дел в области общесемантических изысканий, естественно, не только чрезвычайно затрудняет работу по усовершенствованию существующих вспомогательных международных языков, которые составлялись чисто эмпирически, без планомерной предварительной инвентаризации семантических категорий, но и является основной причиной свойственных им недостатков и непоследовательностей.

Например, в известной статье А. Мартине² рекомендуемые автором способы отбора корней для международного европейского вспомогательного языка иллюстрируются, между прочим, на выборе слова для «понятия башмака» («pour la notion de soulier»). Но что действительно представляет собой «la notion de soulier» (условно переведенное выше как «понятие башмака»)? Русское *башмак* — это и обувь, и техническое приспособление (как и англ. *shoe*), но по-французски техническое приспособление будет уже не *soulier*, а *sabot*. В отличие от русского, английский и немецкий языки распространяют далее свое [ju]: англ. *snow-shoes* «разновидность лыж», нем. *Handschuh* «перчатка». С другой стороны, основным русским словом для данного «понятия» является *обувь*: *У нее много обуви; в этом магазине продается обувь; обувной магазин* и т. д., а, например, в английском или французском языках, хотя обобщенное выражение и возможно (теоретически рассуждая, можно говорить о существовании таких слов, как *foot-wear*, *Schuhwerk* и под.), но фактически употребление подобных слов настолько ограничено и специализовано, что «естественным понятием» и для немца и для англичанина (как и для француза) будет не обобщенный эквивалент русского *обувь*, т. е. не *chaussures*, *foot-wear*, *Schuhwerk* и т. п., а *soulier*, *shoe*, *Schuh* и т. п.

Одним из основных и совершенно правильно выделяемых принципов при составлении вспомогательного международного языка является принцип необходимости и достаточности: слова должны быть отобраны таким образом, чтобы они не перекрывали отдельные «семантические сферы», давали бы лишь все необходимое и отвлекались от тех семантических дифференциаций, которые не являются строго обязательными для нормаль-

America», № VI), Baltimore, 1930; его же, Grading, a study in semantics, «Philosophy of science», vol. 11, № 2, 1944].

¹ Искется в виду многочисленные разновидности «общей семантики», связанные с идеями «философской семантики» Ч. Морриса и Р. Карнапа, а в более общем плане — с логическим позитивизмом Б. Рассела и П. Уайтхеда. Очень ясное изложение основ «общей семантики» представляет собой книга А. Кожибского «Наука и оздоровление» (A. K o r z y b s k i, Science and sanity, Lakeville, Conn., 1948). См. также С. К. О г д е н и I. A. R i c h a r d s, The meaning of meaning, 10-th ed., London, 1953.

² A. M a r t i n e t, La linguistique et les langues artificielles, «Word», № 1, 1946, стр. 44—45.

ного общения. Но осуществление этого совершенно правильного принципа на каждом шагу заставляет останавливаться перед вопросами о том, что является действительно необходимым и какие семантические дифференциации действительно являются излишними или несущественными? Так, например, существенно ли не существенно, говоря о «руке», каждый раз обязательно выделять и по-разному обозначать две ее части (*main* и *bras*)? А если не существенно, то стоит ли отдельно обозначать, например, *плечо*? Почему бы не назвать всю конечность в целом одним словом и приучить всех «экономно» так и думать о соответствующем предмете (или совокупности предметов, объединенных одним названием)? Существенны или не существенны различия типа *go — come* (соответственно *gehen — kommen, aller — venir*)? Ведь обходится же русский язык одним словом *идти*; мы не испытываем никакого неудобства от того, что говорим *иди сюда* и *иди туда*, тогда как для англичанина или француза было бы немыслимо сказать *go here* или *vas ici*.

Вопрос о словарном составе искусственного международного языка, о принципах его отбора является основным и наиболее сложным при создании такого языка¹. Проекты априорного типа, словарный состав которых представлял собой логическую классификацию понятий, как правило, оказывались совершенно искусственными и субъективными, что делало их очень трудными для усвоения и практически неприменимыми. Языки этого типа давно уже не привлекают к себе серьезного внимания.

Все проекты последних десятилетий основываются на словарном запасе существующих языков. В основу эсперанто и других аналогичных языков положен максимально интернациональный корнеслов. Выявление этого последнего представляет собой серьезную научную задачу, так как степень интернациональности тех или иных слов является различной. В различных проектах искусственных международных языков принципы отбора слов иногда значительно отличаются друг от друга. В таких языках, как интерлингва, большую роль играет принцип гомогенности (преимущественно латинский словарный запас в интерлингва Дж. Пеано, преимущественно романский — в интерлингва ИАЛА). В языках идо и окциденталь (интерлингве) и еще в большей степени в эсперанто наряду с латинским и романским корнесловом некоторое место занимают также элементы германского и славянского происхождения. Следует отметить, что во всех существующих проектах вспомогательных международных языков до сего времени совершенно недостаточно учитывалась интернациональная лексика в языках Востока, в том числе и в таких языках, как китайский и хинди. Отдельные попытки введения в международный язык слов неиндоевропейского происхождения представляли собой случайные и не обоснованные предложения. Тщательное изучение интернациональной лексики в неиндоевропейских языках должно внести серьезные коррективы в дело дальнейшего регулирования словарного состава международного языка.

Проблема словарного состава международного языка неразрывно связана с проблемой словообразования². Словарный состав некоторых проектов (интерлингва, окциденталь) заимствует из существующих националь-

¹ По вопросу о принципах отбора словарного состава в международном языке см.: A. Martinet, указ. соч.; G. Waringhien, ABC de Esperanto, à l'usage de ceux qui aiment les lettres, Paris, 1946.

² По вопросу о словообразовании в международном языке см.: L. Couturat, Étude sur la dérivation en Esperanto, Paris, 1907; R. de Saussure, Principes logiques de la formation de mots, Genève, 1911; C. Aymonier, Essai sur la dérivation comparée dans les langues naturelles et artificielles, Paris, 1921; E. Graber, Occidental, die Weltsprache, Stuttgart, 1930.

ных языков не только корнеслов, но и производные слова вместе с их аффиксами. Это приводит к тому, что подобные проекты по существу не предлагают своей собственной системы словообразования, пользуясь уже готовыми производными словами. Наоборот, проекты, известные в специальной литературе под названием «автономистических» (эсперанто, идо, новиааль), заимствуют из существующих языков отдельно корнеслов и систему аффиксов, являясь, таким образом, проектами языков с «автономной» системой словообразования. Наличие разработанной системы словообразования сообщает этим языкам большие словообразовательные возможности и вместе с тем делает их простыми и легкими для усвоения. «Натуралистические» принципы таких систем, как окциденталь и интерлингва, по существу представляют собой отступление перед трудностями последовательного научного изучения проблемы словообразования, попытку чисто эмпирического ее разрешения¹. И в этой области планомерная работа по сравнительному изучению словообразования в разных языках должна явиться базой дальнейшего регулирования развития международного языка.

Сравнительное изучение словообразования в различных языках как основа для разработки словарного состава вспомогательного международного языка не ограничивается вопросами с л о в о п р о и з в о д с т в а в собственном смысле, а включает также и вопрос о так называемой «внутренней форме» слова, «мотивированности» и «немотивированности» значения и т. п. Предположим, например, что «понятие дома» («le concept de maison»; см. Мартине, указ. соч., та же стр.) в общесемантическом плане с точки зрения современного представления о европейских домах как таковое достаточно ясно определено. Но ведь *дом* — это и «строение», и «здание», и «жилище», и «укрытие, убежище» и т. д. По-видимому, имелись вполне определенные культурно-исторические причины, которые заставили, например, древних германцев отказаться для выражения данного понятия от каких бы то ни было вариантов корня * *dem* — *dom* — корня, хорошо известного не только древнегерманским языкам, но и сохранившегося в современных (нем. *Zimmer*, англ. *timber* и т. п.). Выбирая для вспомогательного международного языка наиболее подходящую из существующих «семантем», недостаточно только избегать недоразумений и случайных (омонимических) совпадений, а необходимо тщательное и систематическое их исследование с точки зрения внутреннего строения, их приспособленности для наиболее адекватного и полного выражения соответствующих понятий.

Вряд ли можно сомневаться в том, что для вспомогательного международного языка не только в высшей степени существенно, но даже необходимо, чтобы как можно большее число входящих в него слов были мотивированными, имели прозрачное строение, рационально построенное соотношение «обозначающего» и «обозначаемого». Поэтому если после того, как разрешены все сложные проблемы, связанные с выбором корневой морфемы, если, например, сравнив между собой разные европейские языки, остановились на *labor-*, то *labor/ist/o* должно значить «рабочий», *labor/ist/ar/o* собирательно «рабочие», *labor/em/a* «трудолюбивый, склонный к труду».

Но этот правильный общий принцип, оказывается, далеко не просто осуществлять на практике. В самом деле, почему бы, скажем, не построить всю систему качественных прилагательных на антонимической основе, т. е. на основе выделения лишь одной «семантемы» для обозначения данного качества в его положительном проявлении, а отсутствие этого каче-

¹ О принципе «натурализма», кроме упомянутой работы Г. Якоба, см. также: W. M a n d e r s, *Interlingvistiko kaj esperantologio*, Purmerend, 1950.

ства или наличие противоположного качества обозначать посредством единого каритивного префикса, как это сделано в эсперанто; например, *facila* «легкий», *mal/facila* «трудный»; *nova* «новый», *mal/nova* «старый»; *antau* «раньше», *mal/antau* «после» и т. д. Но этот принцип, доведенный до своего логического конца, нередко приводит на практике к неясности и сомнениям¹.

В связи со сказанным нельзя не остановиться еще и на таком вопросе: является ли всегда действительным и реальным преимуществом употребление сложного слова или ясного, морфологически последовательного и закономерного производного по сравнению с простым словом? Например, очки на эсперанто называются *okulvitroj*, на идо — *binoklo*, на окциденталь — *ocul-vitres*, на новиаль — *lunetes* и на интерлингва — *perspicillos*. Ведь если, абстрактно рассуждая, аналитическое обозначение *очков* как «глазных стекол» и имеет как будто бы преимущество, на самом деле, при реальном пользовании языками, связь данного понятия с данным звучанием, усвоенная прочно в практике языкового общения, может оказаться гораздо более эффективной, гораздо более быстро и непосредственно вызывающей мысль о соответствующем предмете. Поэтому, если, например, *binokl* прочно вошел в разные языки, приобрел уже известную международность в существующих естественных языках, то не проще ли его и ввести во вспомогательный язык, резервируя, конечно, за каждым, пользующимся таким языком, право образовывать любые сложные и производные слова.

Как уже можно было видеть на приведенном выше примере с префиксом *mal-*, лексическим аффиксам бывает трудно придать необходимый для последовательно однозначного словообразования вполне отвлеченный характер. Поэтому вполне естествен большой интерес составителей вспомогательных международных языков к явлению конверсии — весьма распространенному способу словопроизводства², при котором словообразовательным средством служат не особые морфемы — словообразовательные аффиксы, а п а р а д и г м а слова. В отличие от словообразовательных аффиксов парадигма обладает тем преимуществом, что позволяет обобщенно обозначать такие вполне ясные и определенные значения, как глагольность, предметность, признак и т. п. Однако на практике мы сталкиваемся здесь с рядом трудностей, которые делают необходимым специальное исследование вопроса о границах применения конверсии. Ведь ясно, что международный язык не может просто копировать использование конверсии в естественных языках: ср. англ. *to shop* «ходить в магазин за покупками», *to ship* «перевозить на корабле», *to paper* «оклеивать обоями», *to chain* «приковывать цепью» (ср. франц. *chainer* «мерить цепью»), *to feather* «устилать перьями» (ср. нем. *federn*, все три значения которого отличны от значения соответствующего английского глагола).

Безаффиксное, прямое словообразование в международном вспомогательном языке, особенно в научной терминологии, может быть использовано только, если его семантическое содержание будет четко и однозначно определено. Но как раз определение «значения глагола», «значения существительного» и т. п. является наиболее сложным. «Значение глагола» — это и «производить», и «делать, превращать», и «снабжать, обеспечивать» и др. Для идо, например, первоначально было предложено применять

¹ Ср., например, Н. Я с о b, указ. соч., стр. 42.

² Данный вопрос был поставлен в связи с проблемой международных языков еще Л. Кутюра. Идо, в создании которого Кутюра принимал активное участие, использует, например, при образовании глаголов от именных корней различные суффиксы, уточняющие характер отношения между предметом и действием. Этим идо отличается в значительной степени не только от других проектов международного языка, но и от естественных языков.

суффикс *-if* — для значения «производить», *-ig* — «делать, превращать», *-iz* — «снабжать, обеспечивать» и *-ag* — «использовать в качестве орудия». Однако, поскольку практическое применение этого правила оказалось весьма затруднительным вследствие необходимости решения в каждом случае разнообразных вопросов лексико-синтаксического характера, таких, как переходность-непереходность глагола и т. п., была сделана попытка заменить все эти разнообразные суффиксы единым «глагольным» суффиксом *-i*, и этот вопрос стал частью общего вопроса о грамматической характеристике частей речи.

В эсперанто и идо основные части речи характеризуются специальными парадигмами (например, в эсперанто *telefono* «телефон», *telefona* «телефонный», *telefonu* «телефонировать», *telefone* «по телефону»), окциденталь и интерлингва особых систем грамматических окончаний для той или иной части речи не имеют. Подлежит дальнейшему изучению вопрос о том, в какой мере грамматические показатели частей речи способствуют смысловой четкости языка и легкости его изучения и использования. На этом вопросе следует остановиться несколько подробнее.

Как уже указывалось выше, О. Есперсен оказал большое влияние на исследования в области создания вспомогательного международного языка. Поэтому известные идеи Есперсена о том, что развитие языка вообще — это непрерывная тенденция к переходу от неделимых и нерегулярных (неправильных) агломератов к свободно и правильно сочетаемым коротким элементам-единицам, играли и продолжают играть существенную роль при рассмотрении и попытках решения соответствующих проблем. Однако сформулированный в приведенном общем виде (а ни в каком другом виде он **п о з и т и в н о** сформулирован не был) этот принцип — свободно и правильно сочетаемых коротких элементов вместо сложных и неправильных длинных агломератов — оставляет невыясненными многие вопросы и не дает твердой основы для практической работы. Так, например, если обнаружено и определено, как необходимое для введения в семантическую систему вспомогательного международного языка, значение отношения к чему-либо как невозможному или немислимому, то из сказанного выше будет ясно, что его нельзя дать в виде сложных и нерегулярных синтетических **ф о р м** косвенного наклонения, вроде франц. *imparfait du subjonctif*, а надо сделать его максимально аналитическим, просто и закономерно (или «правильно») воспроизводимым в самых разнообразных ситуациях. Но как же это должно выглядеть на практике? Если мы сравним перевод на основные пять современных вспомогательных международных языков — эсперанто, идо, окциденталь, новиаль и интерлингва следующей фразы из «Нового платья короля» Андерсена: «Нет, мне невозможно сказать, что я не вижу эту ткань», то картина получится довольно пестрая, а именно: «Ne, estus netolereble, ke mi diru, ke mi ne vidas la teksa ŝon»; «No, esus netolerebla, ke me dicas ke me ne povas vidar la texuro»; «Ne, it vell esser insuportabil dir que yo ne vida li textage»; «No vud es nontolerabli ke me nara ke me non vida li texatu» и «Non, es re intolerabile si me dic me non vide texatu». Если эсперанто и идо считают вполне допустимым внутренне грамматическое изменение формы, то окциденталь и новиаль вводят аналитическое построение в виде «аналитической формы» с вспомогательными глаголами, а интерлингва идет еще дальше и дает «аналитическое построение» уже собственно лексического характера — *es re intolerabile* «это [есть] вещь невозможная».

Меньше всего ясности в вопросах синтаксиса, что может быть связано отчасти с наименьшей теоретической разработанностью именно этого раздела языкознания. По-видимому, пока дело сводится лишь к рекомендации логического порядка построения речи — подлежащее, ска-

зуемое, дополнение. Однако достаточно самого беглого ознакомления с реальными речевыми произведениями на любом из вспомогательных языков, написанных представителями разных наций, чтобы убедиться в том, что единообразие синтаксического построения не только не достигнуто, но и вряд ли можно достичь в настоящее время, когда вопрос о соотношении между языком и речью, о нормах синтаксиса в соответствующих литературных языках и т. п. еще очень мало разработан. Можно только заметить, что отражения в речи на эсперанто, идо и других вспомогательных международных языках тех привычек построения и членения мысли, которые усвоены пользующимися ими на основе традиций соответствующих национальных естественных языков, не является сколь-нибудь серьезным препятствием для взаимного понимания и, следовательно, общения. Поэтому можно признать наличие определенного синтаксического разнообразия, отсутствие строгой регламентации в этой области вполне допустимым, в особенности если принять во внимание, что речь на международном вспомогательном языке всегда будет синтаксически и стилистически проще, чем на родном языке.

Из сказанного не следует, что вопросами синтаксиса вспомогательных международных языков вообще не занимаются. В частности, вопросу о прямом дополнении было уделено значительное внимание. В эсперанто с этой целью введен винительный падеж; в большинстве других международных языков прямое дополнение выражается порядком слов, в некоторых проектах винительный падеж используется факультативно. Хотя о сравнительной ценности всех этих способов выражения прямого дополнения в специальной литературе писалось много¹, необходимо дальнейшее изучение вопроса, так как здесь следует иметь в виду не только легкость языка, но также и его гибкость, способность выражать различные оттенки мысли, для чего возможность свободного порядка слов в предложении является чрезвычайно существенной.

Решение проблемы фонемного состава международного языка в значительной степени определяется принципами отбора словарного состава. Однако и здесь остаются вопросы, подлежащие дополнительному изучению (вопрос об отдельных звуках — *x*, *p*, *дж* и т. д., вопрос о допустимости тех или иных звуко сочетаний и др.)². Частным, но практически чрезвычайно важным является также вопрос об орфоэпическом стандарте в международном языке и о возможности реализации одной и той же фонемы различными ее вариантами в разных позиционных условиях. Этот вопрос не раз освещался в специальной литературе, посвященной эсперанто, но еще не получил окончательного разрешения и требует дополнительного изучения с использованием также специальной экспериментально-фонетической аппаратуры, которая позволила бы опереться на объективные факты реально существующих вариантов произношения³.

Перечисленные вопросы и высказанные в связи с ними общие соображения имели целью дать представление о некоторых из тех проблем создания международного вспомогательного языка, которые требуют дальнейшего научного изучения. Как явствует из сказанного, все это — основ-

¹ См., например, G. Waringhien, *La akuzativo en Esperanto*, «*Esperantologio*», vol. I, Copenhagen, 1949.

² Большой теоретический интерес в этой связи представляет специальная статья Н. С. Трубецкого, несмотря на присущий ей априоризм. См. Н. Трубецкого, *Wie soll das Lautsystem einer künstlichen internationalen Hilfssprache beschaffen sein?*, «*Travaux du Cercle linguistique de Prague*», VIII, 1939. См. также: O. Jespersen, *An international language*, London, 1928 (нем. перевод: O. Jespersen, *Eine internationale Sprache*, Heidelberg, 1928).

³ О фонетическом стандарте в эсперанто см. K. Kalocsay kaj G. Waringhien, *Plena gramatiko de Esperanto*, Budapest, 1935.

ные проблемы общего языкознания. Поэтому их систематическое научное исследование не только помогло бы решить некоторые практические задачи построения и усовершенствования международного вспомогательного языка, но и представило бы серьезный вклад в теорию языка.

*

Таков беглый обзор теоретических вопросов, которые возникают при рассмотрении проблемы искусственного международного языка. Нельзя не пожалеть о том, что изучению этих вопросов, представляющих значительный теоретический интерес для науки о языке, советские языковеды не уделяют пока достаточного внимания, и обширная литература по истории и теории международного вспомогательного языка не подвергается у нас систематическому критическому анализу. Нужно надеяться, что в дальнейшем эта проблема вызовет больше интереса и советские языковеды примут активное участие в ее разработке.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Н. А. БАСКАКОВ

ТИПЫ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о словосочетаниях как особой синтаксической единице, отличной от предложения, все чаще и чаще ставится языковедами при разработке описательного синтаксиса конкретных языков. Наиболее крупные исследования словосочетаний как особых синтаксических единств были представлены за последнее время на материале русского языка в трудах акад. В. В. Виноградова, проф. В. П. Сухотина¹ и других авторов. Некоторые теоретические работы, посвященные анализу словосочетаний, появились также и на материале тюркских языков. Кроме известных общих грамматических исследований П. М. Мелиоранского, Н. И. Ашмарина, В. А. Гордлевского, Н. К. Дмитриева, Ж. Дени, К. Грэнбека и др., необходимо отметить специальные работы Е. И. Убрятовой и М. Б. Балакаева².

1

Словосочетаниями в широком значении этого термина может считаться в тюркских языках все многообразие сочетаний слов, к которым могут быть отнесены и предложения, и определительные сочетания, и сложные слова, и устойчивые фразеологические сочетания, и идиомы. Специфика каждой из перечисленных выше групп словосочетаний позволяет в них выделить прежде всего два раздела.

В первый раздел входят словосочетания как синтаксические единства; они представляют собой подвижные, неустойчивые соединения самостоятельных по значению знаменательных слов и разделяются в свою очередь на две группы: а) предикативные словосочетания, или предложения, и б) атрибутивные словосочетания³. Ко второму же разделу относятся словосочетания как лексические единства, представляющие собой результат лексикализации соответствующих синтаксических единств (предикатив-

¹ В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний, ВЯ, 1954, № 3; его же, Введение к «Грамматике русского языка», т. II, ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1954, и др.; В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.

² Е. И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка, М.—Л., 1950; М. Б. Балакаев, Типы именных словосочетаний в казахском языке, ВЯ, 1956, № 2.

³ Под атрибутивными словосочетаниями здесь подразумеваются все словосочетания, кроме предикативных (т. е. предложений). В связи с этим термин «определение» в данной статье используется в широком значении, т. е. для обозначения не только собственно определений, но и дополнения и обстоятельства, поскольку последние в тюркских языках выполняют также атрибутивную функцию.

ных и атрибутивных словосочетаний) и выражающие отдельные понятия, а не соединение понятий.

В целях уточнения дифференциации всех языковых категорий, относимых к словосочетаниям, для первого их раздела в современном языкознании (в том числе и в тюркологии) принято название свободные словосочетания (т. е. синтаксические конструкции), а для второго — сложные слова и идиомы. Первый раздел словосочетаний относится к синтаксису и морфологии (словоизменению), а второй — к лексике и морфологии (словообразованию).

Свободные словосочетания и сложные слова, несмотря на их принципиальное различие, имеют много общих черт. Так, атрибутивные свободные словосочетания, как и отдельные слова, могут выступать в качестве любого конструктивного члена предложения. Предикативные словосочетания посредством соответствующего грамматического переоформления могут быть преобразованы в атрибутивные словосочетания (к подобным атрибутивным словосочетаниям могут быть отнесены, например, все типы развернутых членов предложения); после такой трансформации они могут выступать в качестве любого члена предложения. Наконец, оба типа свободных словосочетаний (атрибутивные и предикативные), лексикализуясь, могут переходить в сложные слова.

Рассмотрим две принципиально различные группы словосочетаний, составляющие первый раздел — свободные словосочетания. Предикативные словосочетания представляют собой синтаксические единицы, которые реализуют и выражают в языке законченное суждение — мыслительный акт обобщения. Атрибутивные словосочетания являются по отношению к предикативным словосочетаниям противопоставленными по своему значению синтаксическими единицами, которые реализуют и выражают в языке мыслительный акт конкретизации.

Атрибутивные словосочетания соответственно своему значению также разделяются на два основных разряда.

В первый разряд входят субстантивные, или, точнее, — а т р и б у т и в н о - с у б с т а н т и в н ы е с л о в о с о ч е т а н и я. Словосочетания этого разряда состоят из определения, выражающего признак предмета, и определяемого, выражающего самый предмет, и представляют собой новое, субстантивное по своему значению, конкретизированное понятие, например: *кызыл алма* «румяное яблоко», *окъыгъан бала* «учившийся ребенок».

Второй разряд составляют два типа определительных словосочетаний:

1. А т р и б у т и в н о - о п р е д е л и т е л ь н ы е с л о в о с о ч е т а н и я, которые состоят из определяемого, выражающего признак предмета, и определения, выражающего признак признака; они представляют собой новое по своему значению понятие. Сочетания этого типа могут функционировать самостоятельно (например: *енъ жаман* «очень плохой», *джакъсы окъыгъан* «хорошо учившийся») или же входить в состав более полных атрибутивно-субстантивных словосочетаний в качестве определений (например: *енъ жаман адам* «очень плохой человек», *джакъсы окъыгъан бала* «хорошо учившийся ребенок»).

2. А т р и б у т и в н о - о б с т о я т е л ь с т в е н н ы е с л о в о с о ч е т а н и я, которые состоят из определяющего и определяемого, выражающих дополнительные признаки признака предмета. Такие словосочетания представляют собой также новое по своему значению понятие. Сочетания этого типа могут функционировать как самостоятельно (например, *енъ бурун* «очень рано», *джакъсы джазып* «хорошо написав»), так и в атрибутивно-определительных словосочетаниях (например, *енъ бурун келген* «пришедший очень рано», *енъ джакъсы окъыгъан* «очень хорошо учившийся») и, наконец, в атрибутивно-субстантивных определительных слово-

сочетаниях (например, *енъ джакъсы окъызган бала* «очень хорошо учившийся ребенок» и т. п.).

От типа словосочетаний, т. е. от того, являются ли они атрибутивно-субстантивными или атрибутивно-определительными, зависят и формы выражения грамматической связи между их компонентами.

Для атрибутивно-субстантивных словосочетаний основными способами грамматической связи являются: для простых — примыкание и для притяжательных — определенный порядок слов и категория принадлежности; соответственно для атрибутивно-определительных словосочетаний имеем: для простых — примыкание, для словосочетаний с определяющим дополнением — определенный порядок слов и категория падежей. Основными способами выражения атрибутивных отношений являются, таким образом: а) примыкание, б) согласование в лице принадлежности и в) управление. Общим средством грамматической связи для всех типов атрибутивных словосочетаний является примыкание, т. е. расположение членов словосочетания в определенном порядке без какого-либо грамматического их оформления; согласование в лице принадлежности характерно для притяжательных словосочетаний; управление же, которое реализуется в языке посредством системы падежей и послелогов, характерно для объектных словосочетаний.

В зависимости от выражения членов словосочетаний различными частями речи, а следовательно, и от способов и форм выражения грамматической связи, оба основных типа атрибутивных словосочетаний имеют по нескольку видов, каждый из которых характеризуется своими специфическими особенностями.

Так, атрибутивно-субстантивные словосочетания бывают, в основном, трех видов: а) простые словосочетания. Определения в них могут быть выражены частями речи, для которых обычны атрибутивные функции, а определяемые — существительными либо иными частями речи, для которых характерно субстантивное употребление или же допустима субстантивация. В этом случае словосочетания грамматически не оформлены, и синтаксической связью в них служат примыкание и порядок слов (позиция определения перед определяемым). Определяемое может быть выражено и субстантивированной формой глагола. Тогда между ним и его определением осуществляется связь управления (посредством падежных и послеложных форм управляемого члена); б) притяжательные словосочетания. В них, кроме фиксированного порядка слов, синтаксической связью служит согласование определения и определяемого в лице принадлежности. Определение в таком словосочетании стоит в основном или родительном падеже, а определяемое оформлено аффиксом принадлежности; в) смешанные, или сложные, словосочетания. При одном определяемом в них имеется несколько определений. Между определяемым и различными его определениями могут существовать разные грамматические связи — примыкание, согласование, управление.

Атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания также имеют три вида: а) простые без определяющего дополнения, б) простые с определяющим дополнением и в) сложные, или смешанные, словосочетания, где имеет место связь либо только примыкания, либо только управления, либо и примыкания и управления одновременно.

Каждый из перечисленных видов в свою очередь имеет несколько подвидов, которые различаются в зависимости от того, какой частью речи (именной или глагольной) выражены определение и определяемое.

Грамматическая классификация всех типов атрибутивных словосочетаний может быть представлена в следующей схеме.

АТРИБУТИВНО-СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

А. Простые определительные:

1. Словосочетания, в которых определяемое выражено существительными или иными именами субстантивного употребления: 1) с именным определением; 2) с глагольным определением.

2. Словосочетания, в которых определяемое выражено именами действия.

Без определяющего дополнения: 1) с именным определением; 2) с глагольным определением.

С определяющим дополнением: 1) с именным определением (=дополнением); 2) с глагольным определением (=дополнением).

Б. Притяжательные определительные:

1. Словосочетания, в которых определяемое выражено существительными или другими именами субстантивного употребления: 1) с именным определением; 2) с глагольным определением.

2. Словосочетания, в которых определяемое выражено именем действия: 1) с именным определением; 2) с глагольным определением.

В. Смешанные определительные:

1. Словосочетания, в которых определяемое может быть выражено или существительными, или другими именами субстантивного употребления, или некоторыми субстантивированными именами и имеет при себе несколько различных определений.

2. Словосочетания, в которых определяемое, выраженное именем действия, имеет при себе несколько различных определений.

АТРИБУТИВНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ

И АТРИБУТИВНО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

А. Простые:

Без определяющего дополнения:

1. Словосочетания с определяемым, выраженным именными частями речи, для которых обычны атрибутивные функции: 1) с именным определением; 2) с глагольным определением.

2. Словосочетания, в которых определяемое выражено причастием или деепричастием: 1) с именным определением; 2) с глагольным определением.

С определяющим дополнением:

1. Словосочетания с определяемым, выраженным именными частями речи, для которых обычны атрибутивные функции: 1) с именным определением (=дополнением); 2) с глагольным определением (=дополнением).

2. Словосочетания, в которых определяемое выражено причастием или деепричастием: 1) с именным определением (=дополнением); 2) с глагольным определением (=дополнением).

Б. Смешанные:

1. Словосочетания, в которых определяемое, выраженное именными частями речи, характеризующимися атрибутивным употреблением, имеет несколько различных определений.

2. Словосочетания, в которых определяемое, выраженное причастием или деепричастием, имеет несколько различных определений.

2

АТРИБУТИВНО-СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Атрибутивно-субстантивными словосочетаниями являются словосочетания, имеющие в качестве определения различные части речи, для кото-

рых атрибутивные функции обычны или окказионально возможны. Определяемым же в них служат существительные или другие части речи, для которых субстантивное употребление обычно или окказионально возможно. Первый из компонентов — определение — конкретизирует определяемое — понятие общее и абстрактное. Словосочетания этого типа по своему грамматическому значению соотносятся с различными частями речи — именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями и глаголами — в их субстантивном употреблении.

А. Простые определительные словосочетания

Характер таких словосочетаний и грамматическое оформление их компонентов зависят от того, какой частью речи выражено в словосочетании определяемое. Поэтому основными, наиболее резко отличающимися друг от друга типами определительных словосочетаний следует считать сочетания определений с определяемыми, с одной стороны, и сочетания дополнений и обстоятельств с дополняемыми, с другой. Первые, т. е. сочетания определения и определяемого, относятся к словосочетаниям без определяющего дополнения, вторые — к словосочетаниям с определяющим дополнением. При этом дополнения и обстоятельства, как и определения, являются признаками конкретизирующими, но не обобщающими.

1. Словосочетания, в которых определяемое выражено именами субстантивного употребления.

1) Определение выражено именами — существительным, прилагательным, числительным, а также местоимением в их атрибутивном употреблении, например:

Предметные определительные словосочетания, в которых и определение, и определяемое выражены именами существительными. В таких словосочетаниях определяются главным образом пол животного, или человека, либо их возраст, либо видовая группа животных или растений, либо имя, национальность, положение, профессия человека, либо форма, материал, из которого сделан предмет; ср., например: *къыз бала* «девочка» (буквально «девушка ребенок»), *къарагъай агъаш* «сосна» (буквально «сосна дерево»), *Асан агъа* «старший брат Асан», *ай балта* «лунообразный топор», *джипек шапан* «шелковый халат».

Качественные определительные словосочетания, в которых определение выражено прилагательным, указательным местоимением, порядковым числительным или другими именами в их атрибутивном употреблении, например: *къара къоз* «черные глаза»; *къыйсык джийде* «кривая джида» (дерево); *джаман ат* «плохая лошадь»; *ол авыл* «тот аул»; *сендей бала* «сын, подобный тебе»; *мынав къарындас* «вот эта сестрица»; *балалы йй* «дом с детьми»; *къулыны бийе* «жеребая кобыла»; *белгисиз джол* «неизвестный путь»; *авылдагъы мектеп* «аульная школа»; *къыскъы тун* «зимняя ночь»; *тёртинши топар* «четвертая группа».

Количественные определительные словосочетания с определением, выраженным количественным числительным, например: *бес китап* «пять книг», *мынь къой* «тысяча овец», *джарым алма* «половина яблока».

2) Определение выражено причастием. Такие определения могут быть неразвернутыми, если определение представлено одним только причастием, например: *джанып тургъан шыракъ* «горящий светильник»; *айырымас дос* «неразлучный друг»; *күйген нәрсе* «смешная вещь»; *тувгъан джер* «место, где (он) родился».

Развернутые причастные определения представляют собой «атрибутивированные» полные или неполные предложения. Подлежащее в них (если оно выражено) оформлено основным падежом, а сказуемое — прича-

стной формой, которая управляет находящимися перед ней второстепенными членами словосочетания. Вся эта конструкция развернутого определения непосредственно примыкает к определяемому, например: *кӱолунъ кӱтере алмазъан шокъпар* (ды белинье байлама) «(не затыкай за пояс) дубину, которую не могут поднять твои руки»; *шакъырған джер* (де нень бар) «(иди) туда, куда тебя зовут, (что для тебя имется) там, куда тебя не зовут»; *сен ӱмиринъше кӱрмегендей той* (беремен) «(я задам такой) пир, какого ты не видел в жизни».

2. Словосочетания с определяемым, выраженным той или иной формой глагола, для которой субстантивное употребление обычно или допускается (имя действия, причастие).

В словосочетаниях этой группы определяемое, выраженное одной из производных форм глагола, может быть связано с определением посредством примыкания или управления. В первом случае между определением и определяемым возникают простые обстоятельственные связи, а во втором — объектно-обстоятельственные связи, и словосочетания, таким образом, разделяются соответственно на словосочетания без определяющего дополнения и словосочетания с определяющим дополнением.

С л о в о с о ч е т а н и я б е з о п р е д е л я ю щ е г о д о п о л н е н и я

1) Определение выражено именем прилагательным или наречием в их атрибутивном употреблении, например: *джакъсы окъув* «хорошее чтение», *джылдам джӱрӱв* «быстрое движение», *былайынша джаван берӱв* «такой ответ», *джыллы сӱйлесӱв* «ласковая речь», *къатты сӱйлесӱв* «грубая речь», *затлай тӱлев* «плата натурой», *акъшалай тӱлев* «плата наличными», *сӱз-бе сӱз авдарӱв* «буквальный перевод, перевод из слова в слово» (буквально «слово за слово перевод»).

2) Определение выражено деепричастием, например: *авыртып урув* «больно ударить» (буквально «причинив боль битье»), *тепкилеп кӱмӱв* «утрамбовав закопать» (буквально «утрамбовав закапывание»), *къырынлап кирӱв* «боком протиснувшись войти» (буквально «боком протиснувшись вхождение»).

С л о в о с о ч е т а н и я с о п р е д е л я ю щ и м д о п о л н е н и е м

1) Определение выражено падежными формами имени существительного, числительного, местоимения и др., а определяемое — именем действия. Например: *аврыдынъ алдын алув* «предупреждение болезни» (буквально «болезни переда взятие»), *кӱпирден ӱтӱв* «проход через мост» (буквально «через мост прохождение»), *колхоз планын орунлав* «выполнение колхозного плана» (буквально «колхоза плана выполнение»).

2) Определение и определяемое выражены или оба именами действия, или же одно — именем действия, а другое — субстантивированным причастием, например: *тергеу джӱргизӱв* «учинение следствия, учинение проверки»; *ойынларына къатнавдан айырув* «лишение участия в играх»; *билгенин окъув* «чтение того, что он знает».

Как уже отмечалось выше, словосочетания, в которых определяемое выражено производными формами глагола (в приведенных примерах — именами действия и субстантивированными причастиями), могут выступать в качестве развернутых членов сложных словосочетаний и предложений. Следует заметить, однако, что в таких случаях они чаще оформляются как притяжательные словосочетания.

Б. Притяжательные определительные словосочетания

Вторую группу атрибутивно-субстантивных словосочетаний составляют такие словосочетания, в которых в роли определения выступают существительные и другие части речи субстантивного употребления. В подобных случаях определение и определяемое вступают в особые отношения — принадлежности, грамматической и смысловой зависимости, поскольку по смыслу определение как бы включает в свой объем определяемое. Эти отношения коренным образом отличаются от отношений слов в предикативных словосочетаниях или предложениях. Словосочетания, в основе которых лежат отношения принадлежности, имеют особое, отличное от простых определительных словосочетаний грамматическое оформление (родительный падеж определения и аффикс принадлежности определяемого).

Так, в простом определительном словосочетании *тас джол* «мощная дорога» определение и определяемое выражают не зависящие друг от друга общие понятия (*тас* «камень» и *джол* «дорога»); словосочетание же, образованное соединением определения и определяемого посредством примыкания, служит для обозначения нового, более конкретного понятия (*тас джол* «мощная дорога»). В притяжательном словосочетании (например, *аттынъ басы* «голова лошади») определение и определяемое грамматически и семантически зависят друг от друга. Определение *аттынъ* «лошади» (в родительном падеже) по смыслу как бы включает определяемое *басы* «его голова». Соединяясь при помощи комплекса грамматических связей (управления и согласования в лице принадлежности), определение и определяемое образуют словосочетание, которое так же, как и простое определительное, служит для обозначения нового и более конкретного понятия (*аттынъ басы* «голова лошади»).

В притяжательных словосочетаниях определение и определяемое могут быть выражены различными частями речи; части речи, для которых обычны атрибутивные функции, в этом случае непременно субстантивируются. Так, в словосочетаниях *колхоздынъ джакъсысы* «лучший из колхозов» или *балалардынъ бири* «один из детей» и т. п. определяемые выражены соответственно субстантивированными прилагательным и числительным.

Притяжательные словосочетания, в которых выражена принадлежность одного предмета другому и определение оформлено аффиксом родительного падежа, а определяемое — аффиксом принадлежности, исторически являются наиболее древними. Полное грамматическое оформление обязательно для тех словосочетаний, в которых определение выражено местоимением или именем существительным собственным, например: *менинъ кѳзим* «мой глаза» или *Асаннынъ кѳзысы* «дочь Асана» и пр. В тех случаях, когда в притяжательном словосочетании выражена не принадлежность, а отношение одного предмета к другому, форма родительного падежа не является обязательной, и определение может выступать в основном падеже (впрочем, если в словосочетании имеется несколько определений при одном определяемом, притяжательное определение чаще оформляется родительным падежом, например: *бир авылдынъ бир неше кѳзлукълы бийеси* «несколько жеребых кобыл некоего аула» и т. п.). Определяемое же во всех притяжательных определительных словосочетаниях всегда имеет аффикс принадлежности, например: *кѳз джасы* «слезы глаз», *ат басы* «лошадиная голова» и т. п.

В зависимости от того, какой частью речи выражены определяемое и определение, определительные притяжательные словосочетания разделяются на две группы, каждая из которых в свою очередь имеет по два вида.

1. Словосочетания, в которых определяемое выражено именами — существительным, прилагательным, числительным, а также местоимением в их субстантивном употреблении:

1) Определение выражено теми же именами в родительном или основном падеже, например: *ах менинъ синълилерим магъан кўлесиз*, — *деди* «он сказал: ах, мои сестрицы, смеетесь вы надо мной» (определение — местоимение, определяемое — имя существительное); *бала къара къустынъ аркъасына минеди* «мальчик садится на спину орла» (определение и определяемое — имена существительные); *адамлардынъ барлыгъы къол джайып балагъа патыйа берди* «все люди протянули руки и благословили мальчика» (определение — имя существительное, определяемое — местоимение); *сўйтип тамакътынъ алтавын да апкеледи* «итак, они приносят (ему все) шесть из (приготовленных) блюд» (определение — имя существительное, определяемое — имя числительное); *тўменгининъ кўзинен джас агъып отур екен* «из глаз нижнего из них текли, оказывается, слезы» (определение — имя прилагательное, определяемое — имя существительное); *мына даракъты (бизлердинъ) къайсымыз къойарсанъ сонымыз кўшлї болгъанымыз* «который из нас вырвет с корнем это дерево, тот и будет сильнейшим из нас» (определение и определяемое — местоимения) и т. п.

2) Определение выражено именем действия или субстантивированным причастием, например: *тартув кїши* «тяговая сила» (буквально «сила тяги»); *къурылыс агъашлары* «строовойлес» [буквально «бревна (для) строительства»]; *къараматгъаннынъ къатыны кетер*, *бакъмагъаннынъ малы кетер* «у того, кто не ухаживает (за женой), жена уходит, у того, кто не присматривает (за скотом), скот уходит»; *илгери бараткъаннынъ ийти отлайды*, *кейин бараткъаннынъ келини урлыкъ къылады* «у того, кто при летней кочевке идет впереди, и собака пасется, а у того, кто идет сзади, — невестка ворует (из-за отсутствия пищи)»; *байагъы айткъанынынъ барлыгъы тайын болуп тура берди* «все то, что он тогда сказал, было исполнено».

2. Словосочетания, в которых определяемое выражено именем действия или субстантивированным причастием:

1) Определение выражено именными частями речи в родительном или основном падеже, например: *шўккиштинъ урылувы* «удар молотка»; *емен агъаштынъ ийилгени — сынгъаны* «дубу согнуться — значит сломаться» (буквально «дуба сгибание — его слом»); *къызыл джўзлї джигиттинъ къызаргъаны — ѳлгени* «покраснеть доброму молодцу — значит умереть»; *огъа хем тїлжи тїйенинъ тўвїп къашып кеткенлигин айтты* «а ему лиса сказала, что верблюд лягнул и убежал»; *патша кўп узамай кемпирдинъ айткъанын истейди* «падишах, не откладывая, сделал все, что сказала старуха».

2) Определение выражено именем действия или субстантивированным причастием, например: *токъув ѳндириси* «ткацкое производство».

В современных тюркских языках такие словосочетания встречаются редко, потому что в них могут употребляться главным образом отдельные имена действия, фактически уже перешедшие из системы глагола в разряд имен существительных и сохранившие только внешнюю форму имен действия.

В. Смешанные, или сложные, определительные словосочетания

К смешанным, или сложным, атрибутивно-субстантивным словосочетаниям относятся те, в которых при одном определяемом, выраженном какой-либо частью речи в ее субстантивном употреблении, имеются не-

сколько разнородных именных и глагольных, простых и притяжательных определений. Смешанные, или сложные, атрибутивно-субстантивные словосочетания могут иметь такие же виды определяемого, как и простые определительные словосочетания. Что касается определений, то в разных случаях их может быть различное количество, и они имеют известный порядок расположения. Простые определения (предметные, качественные, количественные), как правило, находятся непосредственно перед определяемым, следующую (по отдаленности от определяемого) позицию занимают причастные определения (вместе с управляемыми словами, если такое определение является развернутым) и, наконец, в третьей по отдаленности позиции помещаются притяжательные определения, которые в свою очередь могут иметь свою систему определений.

Простые определения — предметные, качественные и количественные — также располагаются в строгой последовательности. Ближе к определяемому находятся предметные определения, составляющие с определяемым как бы нераздельное целое, далее от определяемого помещаются определения качественные, еще дальше — количественные и, наконец, — развернутые и притяжательные определения. Например: *бир къаннынъ ѳи джакъсы сулув къызы бар екен* «у одного хана было три добрые красивые дочери», где определяемое *къыз* имеет два качественных определения *сулув* «красивый» и *джакъсы* «добрый, хороший», одно количественное — *ѳи* «три» и одно притяжательное — *бир къаннынъ* «одного хана»; *къанаты джокъ кызыл къл къуйрыкъл къргъавыл* «фазан без крыльев с красным волосатым хвостом», где определяемое *къргъавыл* имеет определение обладания *къл къл къуйрыкъл* «с красным волосатым хвостом» и развернутое определение *къанаты джокъ* «без крыльев»; *зыпанаткъа перизаттай сулув белгисиз бир къл келди* «на бал пришла одна красивая неизвестная девушка, подобная ангелу (пери)», где определяемое *къыз* непосредственно в позиции перед собой имеет количественное определение *бир* «одна», два качественных определения *белгисиз* «неизвестная» и *сулув* «красивая» и одно определение сравнения *перизаттай* «как ангел»; *байагъы кълзыдынъ айагъынан тѳисип къалгъан зер кевии* «золотая туфелька, упавшая с ноги той самой девушки», где при определяемом *кевии* «туфелька» имеется качественное определение *зер* «золотая» и причастное развернутое определение *байагъы кълзыдынъ айагъынан тѳисип къалгъан* «упавшая с ноги той самой девушки», и т. п.

Все атрибутивно-субстантивные словосочетания, в которых определяемое выражено или именем действия, или субстантивированным причастием, могут быть развернутыми членами сложного словосочетания или предложением. В этом случае словосочетание имеет развернутую систему определяющих членов, которые вместе с определяемым составляют своеобразное субстантивированное предложение. Между главными членами такого предложения существуют не субъектно-предикативные отношения (и соответственно не согласование в лице), а атрибутивные отношения (и соответственно согласование по принадлежности, т. е. посредством аффиксов родительного падежа определения и аффиксов принадлежности определяемого).

В каракалпакском языке, как и в других современных тюркских языках, развернутые члены сложных словосочетаний и предложений обычно имеют в качестве определяемого субстантивированное причастие или вторичное имя действия, производное от соответствующего причастия, гораздо чаще, чем первичное имя действия. Это объясняется тем, что причастия и вторичные имена действия имеют, кроме общих для всех глагольных форм категорий залога и вида, также категории наклонения (модальности) и времени, не свойственные первичным именам действия.

Выступая в словосочетаниях такого рода в качестве определяемого, причастие субстантивируется в предложении либо своей позицией, либо аффиксами принадлежности и аффиксами падежей, присущими, как известно, только именным частям речи, для которых обычно субстантивное употребление.

Ср., например, следующие предложения, отдельные члены которых выражены развернутыми атрибутивно-субстантивными словосочетаниями: *айи менинъ айткъаным келди* «вот и сбылось то, что я сказал», где словосочетание *менинъ айткъаным* «мое сказанное» выступает в качестве развернутого подлежащего; *бедев аттынъ джоргъалагъаны — айып, тазы ийттинъ йргени — айып* «порок — когда арабский скакун идет иноходью, порок — когда борзая собака лает», где словосочетания *бедев аттынъ джоргъалагъаны* «арабского скакуна хождение иноходью», *тазы ийттинъ йргени* «борзой собаки лаяние» выступают в качестве развернутых подлежащих; *джарлынынъ бир тойгъаны — шала байыгъаны* «сытно поесть один разбыло раньше для бедняка все равно, что наполовину разбогатеть», где сочетание *[онынъ] шала байыгъаны* «его наполовину разбогатение» выступает в качестве развернутого сказуемого; *сол устанынъ пышагъын алып къойгъанын байдынъ баласы биледи* «сын бая узнает, что [она] взяла нож у того самого мастера», где словосочетание *[онынъ] сол устанынъ пышагъын алып къойгъанын* «ее у того самого мастера ножа взятие» выступает в качестве развернутого прямого дополнения; *байагъы джолда кийатырса, еки баланынъ бир кйшйкти сабай джйргенин кйреди* «когда они шли по той дороге, они увидели, как два мальчика били какого-то щенка», где словосочетание *еки баланынъ бир кйшйкти сабай джйргенин* «двух детей одного щенка битье» представляет собой развернутое прямое дополнение; *сенинъ сйзлеринъдинъ хакъыйкъат екенлигине мен къуванып исенемен* «я с радостью поверил в истинность твоих слов», где словосочетание *сенинъ сйзлеринъдинъ хакъыйкъат екенлигине* является развернутым косвенным дополнением; *шопан айтты: бул сиздинъ алып баргъанларынъыздан гйналы боласыз — гъой* «вы ведь будете виноваты в том, что унесете это, — сказал пастух», где словосочетание *сиздинъ алып баргъанларынъыздан* «из-за вашего унесения» выступает в качестве развернутого косвенного дополнения или развернутого обстоятельства причины.

3

АТРИБУТИВНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ И АТРИБУТИВНО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

К атрибутивно-определятельным и атрибутивно-обстоятельственным словосочетаниям относятся те, в которых определяемое выражает либо признак предмета, либо признак признака. Определение в таких словосочетаниях всегда выражается наречием или иными частями речи, употребленными в функции обстоятельства.

Атрибутивно-определятельными и атрибутивно-обстоятельственными словосочетаниями, выражающими признак предмета или признак признака, являются только те простые и смешанные словосочетания, компоненты которых соединены либо только примыканием, либо примыканием и управлением, если определяемое, кроме того, имеет при себе дополнение (объект). В соответствии с этим все словосочетания такого типа разделяются на словосочетания без определяющего дополнения и словосочетания с определяющим дополнением.

А. Простые атрибутивно-определятельные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания

Без определяющего дополнения

1. Словосочетания, в которых определяемое выражено именами в их атрибутивном употреблении:

1) Определение выражено наречием, например: *енъ джакъсы* «очень хороший, очень хорошо»; (*бул*) — *соншелли керек* «(это) настолько нужно, так нужно»; *енъ бурун* «очень рано» или *енъ бурунъгы* «очень ранний»; *сондай джаман* «такой плохой, так плохо». Словосочетания этого типа употребляются довольно редко и служат главным образом для подчеркивания, усиления признака, выраженного в определяемом.

2) Определение выражено причастиями, например: *келген жердеги (тав)* «(гора), находящаяся в том месте, куда он пришел»; *тувгъан авылдагы (ййим)* «(мой дом), находящийся в том ауле, где я родился».

2. Словосочетания с определяемым, выраженным теми формами глагола, для которых обычны атрибутивные функции:

1) Определение выражено именами атрибутивного употребления, например: *омиринше кӱрмегендей (той)* «(пир), какого он в жизни не видел»; *кӱп джасагъан (киси)* «(человек), много проживший»; *бурун ушкъан (ййрек)* «(утка), улетевшая раньше»; ср. *шабан уйрек бурун ушады* «шустрая утка улетаёт раньше других»; *усулай джйре берген (джигит)* «(джигит), продолжающий так идти»; ср. *усулай джйре берсенъ бир къус бар* «если так пойдешь, (там) есть некая птица»; *артыкъ шыкъкъан (сокгур)* «(слепец), оказавшийся лишним»; *буншелли алдагъан (киси)* «(человек), столько раз обманувший»; ср. *хав, сиз мени буншелли алдай бердинъиз гъой — дейди* «эх, вы меня уже столько раз обманывали, — сказал он»; *астакъырын устагъан* «осторожно схвативший»; ср. *къасына джакъынлап барып атакъырын къуйрыгъынан устады* «подшел к нему и осторожно схватил его за хвост»; (*патшанынъ багъына*) *джасырын тйскен (бала)* «тайно проникший (в сад падишаха мальчик)»; (*къыз бенен*) *бирге авкъатлангъан (джигит)* «(джигит), питавшийся вместе (с девушкой)».

К этой группе словосочетаний относятся не только те, в которых определяемое выражено причастием, но также те, в которых определяемое выражено личными формами глагола (*verbum finitum*), поскольку последние исторически восходят к причастиям.

2) Определение выражено деепричастием, например: *бййтип къалгъан* «так оставшийся»; ср. *сен неге бййтип къалдынъ* «ты почему так остался?»; *талтайтып тургъан (киси)* «стоявший, расставив ноги, (человек)»; *йрип ишкен (киси)* «(человек), который пьет дую» (буквально «дую пьющий»); ср. *авызы кййген йрип ишеди* «тот, кто раз сжег губы, пьет дую»; *анъламай сйлеген (киси)* «(человек), который говорит, не думая» [буквально «не сознавая, говорящий (человек)»]; ср. *анъламай сйлеген авырмай ӱлер* «тот, кто говорит, не думая, тот и умрет, не болея»; *тавуп айткъан (киси)* «(человек), остроумно говорящий»; ср. *билген тавуп айтады* «знающий говорит остроумно».

С определяющим дополнением

1. Словосочетания, в которых определяемое выражено именами атрибутивного употребления.

1) Определение-дополнение выражено именем в косвенных падежах,

например: *алтыннан джакъсы* «лучше золота», *баскъалардан бурун* «раньше других», *полаттан къатты* «тверже стали»; ср. *полаттан къатты бол* «будь тверже стали», *къазаннан къара* «чернее котла», *къардан аппакъ* «белее снега»; ср. *къазаннан къара нърсе джокъ*, *ассанъ къа,нынъ тойдырар*; *къардан аппакъ нърсе джокъ*, *усласанъ къолынъ тонъдырар* «нет ничего чернее котла, но когда ты ешь, то он насыщает тебя; нет ничего блее снега, но если ты его схватишь, то он отморозит твою руку»; *къойдан джуваз* «смирнее овцы»; ср. *къонакъ къойдан джуваз* «гость скромнее овцы»; *джамамагъа джакъсы* «хорош для починки»; ср. *джагъалы кийим джамамагъа джакъсы* «одежда, обшита тесьмой, хороша для починки».

2) Определешие-дополнение выражено глагольными формами в косвенных падежах, например: *барувгъа мѣмкин* «возможный для поездки»; ср. *барувгъа мѣмкин джол* «дорога, по которой можно поехать»; *джазугъа керек* «необходимый для письма, необходимо писать».

2. Словосочетания с определяемым, выраженным теми формами глагола, для которых возможно атрибутивное употребление.

1) Определешие-дополнение выражено именем в косвенных падежах, например: *тѣлкини джеген* || *джеп* «съевший || съел лису»; ср. *тѣлкини джеген ийтлер* «собаки, съевшие лису»; *йадына тѣскен* || *тѣсип* «возникший || возникнув в памяти»; *барлыгъын еситкен* || *еситип* «услышавший || услышав все»; ср. *бала барлыгъын еситип алып дӱвлерге барады* «мальчик, услышав все это, пошел к дивам»; *суды акелген* || *акелип* «принесший || приносив воду»; ср. *къара къус гѳи хӱм суды акелип балагъа береди* «орел приносит мясо и воду и отдает их мальчику».

2) Определешие-дополнение выражено производной глагольной формой в косвенных падежах, например: *тузгъанынъды кӱрген* || *кӱрип* «видевший || увидев твое рождение»; ср. *тузгъанынъды кӱргеним джокъ*, *ӱлгенинъге джыламайман* «я не видел, как ты родился, не заплачу, когда ты умрешь»; *ӱткенге ӱкимбеген* «не жалеющий о прошлом»; *айткъанын къылмагъан* «не сделавший того, что было ему сказано» (буквально «сказанное не сделавший»); ср. *ол бала айткъанын къылмагъан* «тот парень не сделал так, как ему сказали»; *айтувды таппагъан* «он не нашел, что сказать» (буквально «то, что сказать, не нашел»); *дӱв екенин билмеген* «не знавший того, что он был дивом»; ср. *ол еки бала онынъ дӱв екенин билмеген* «те два парня не зпали, что он был дивом»; *къоркъпагъандыгъына танъ къалыскъан* «удивившись тому, что она не испугалась»; ср. *айӱлдинъ ерлигине ӱлт ѳрем дегеннен къоркъпагъандыгъына танъ къалыскъан* «они удивились храбрости женщины и тому, что она не испугалась угрозы убить ее».

Б. Смешанные атрибутивно-определятельные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания

К смешанным, или сложным, атрибутивно-определятельным и атрибутивно-обстоятельственным словосочетаниям относятся словосочетания, в которых при одном определяемом имеется несколько разнородных определений. С определяемым они связаны различными средствами синтаксической связи, но тем не менее вместе со своим определяемым составляют единое атрибутивное по своему значению синтаксическое целое. Порядок расположения различных определений в атрибутивно-определятельных словосочетаниях тот же, что и в атрибутивно-субстантивных словосочетаниях.

Сложные атрибутивно-определятельные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания весьма различны по своему составу. Как и атри-

бутивно-субстантивные словосочетания, они могут состоять из определяемого и нескольких, рядом стоящих простых определяющих слов, или же представлять собой развернутый член предложения — определение или обстоятельство.

Для иллюстрации сложных атрибутивно-определятельных словосочетаний ограничимся следующими примерами: *кѣашувы менен авылгѣа баргѣан (еки ат)* «бежавшие бегом в аул (две лошади)», где определяемое — причастие *баргѣан* «бежавший» — определяется дополнением *авылгѣа* «в аул» и обстоятельством *кашувы менен* «бегом». Такое словосочетание может функционировать или самостоятельно, или в сочетании с определяемым, выраженным именем, для которого обычно субстантивное употребление (*еки ат* «две лошади»). *Кѣырыкѣ ат сув ишкендей* «такой, что в нем могут напиться сорок лошадей»; ср. *кѣырыкѣ ат сув ишкендей кѣакѣ* «лужа, где могут напиться сорок лошадей»; *ат басындай* «с голову лошади»; ср. *ат басындай алтын* «кусок золота с лошадиную голову» и т. п.

Общий, схематический обзор различных типов словосочетаний в каракалпакском языке и их грамматическая классификация позволяют установить наличие двух основных групп словосочетаний, одна из которых выражает понятие о предмете (атрибутивно-субстантивные словосочетания), другая — понятие о признаке предмета (атрибутивно-определятельные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания).

Каждая из этих основных групп разделяется на более дробные подгруппы, определяющиеся или характером атрибутивных отношений (простые определятельные, притяжательные и смешанные словосочетания), или типом конкретизации (словосочетания без определяющего дополнения и словосочетания с определяющим дополнением). Это подразделение обусловлено выражением определяемого той или иной частью речи.

Вместе с тем все атрибутивные словосочетания являются синтаксическими единствами, которые служат средством выражения новых, конкретизированных понятий. Это отличает их от предикативных словосочетаний, или предложений, имеющих противоположное значение; как синтаксические единства последние служат для выражения определенного обобщения.

В результате этого противопоставления могут быть обнаружены все специфические особенности тех и других словосочетаний и установлены основные внутренние закономерности их развития, изучение которых и составляет основную задачу синтаксиса.

И. П. МУЧНИК

О ВИДОВЫХ КОРРЕЛЯЦИЯХ И СИСТЕМЕ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о видовых корреляциях — важная составная часть проблемы глагольных видов в славянских языках вообще, в русском в особенности. Для правильной постановки и решения этого вопроса представляется совершенно необходимым условием строгое разграничение фактов словообразования и фактов формообразования.

В свое время игнорирование данного принципа многими авторитетными лингвистами несомненно отрицательно отразилось на разработке вопроса о видах.

А. А. Шахматов, в частности, выстраивая глаголы в соотносительные видовые пары, не отделял во многих случаях видовые значения от лексических значений глаголов, по поводу чего В. В. Виноградов с полным основанием замечает: «... большая часть указанных Шахматовым приставочных глаголов совершенного вида по своим значениям вовсе несоотносительна с соответствующими бесприставочными, основными глаголами несовершенного вида. Иными словами: перед нами — новые производные глаголы, отличающиеся от основных не только своими видовыми, но и реальными значениями»¹.

Недооценка качественных отличий между видовыми корреляциями типа *перестраивать* — *перестроить*, *сделать* — *делать* и такими глагольными парами, как *переделать* — *делать*, *записать* — *писать*, лишила многих лингвистов возможности правильно ориентироваться в количественном соотношении глаголов, обладающих соотносительными видовыми формами, и глаголов, ими не обладающих. Априорно предполагалось, что число глаголов, не обладающих соотносительными видовыми формами, чрезвычайно невелико. Так, А. А. Шахматов считал, что «при данном глаголе совершенного вида существует о б ы к н о в е н н о соответствующий глагол несовершенного вида; глагол несовершенного вида о б ы к н о в е н н о имеет при себе соответствующий глагол совершенного вида» (разрядка моя. — И. М.)².

Значительно более категорично высказался по данному поводу А. М. Пешковский: «Все русские глаголы, за ничтожными исключениями, распределяются по п а р а м, причем в каждой паре одна форма по оттенку значения принадлежит к тому, что называется совершенным видом, а другая — к тому, что называется несовершенным видом»³.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 514.

² А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941, стр. 187.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 123.

Проведенные в последние годы исследования разнообразных явлений, относящихся к категории видов¹, показали необоснованность подобных представлений о количественных соотношениях глаголов, которые обладают и не обладают соотносительными видовыми формами.

Большое значение имеет вопрос о специфических особенностях различных групп глагольных корреляций, имеющих прямое или косвенное отношение к категории вида. обстоятельное и всестороннее изучение этих особенностей является поистине *conditio sine qua non* для установления всех подлинных связей и отношений категории видов с деривационной (словообразовательной) системой русского глагола, с одной стороны, и, с другой, с его грамматическим строем, прежде всего с категориями времени, залога и наклонений.

Как известно, русские глаголы обладают большими словообразовательными возможностями; сочетаясь с многочисленными приставками, а также с некоторыми суффиксами, они приобретают различные деривационные значения. Каждый глагол, входящий в состав таких рядов, как *выносить* — *вносить* — *уносить* — *сносить* — *обносить* — *доносить* — *поносить*; *вписать* — *дописать* — *отписать* — *исписать* — *пописать*, представляет сложную семантическую структуру. Все глаголы на фоне их соотносительности, кроме основного элемента лексического значения, общего для всего ряда в целом, содержат еще дополнительные, деривационные элементы значения, уточняющие их общее семантическое ядро. Структурный характер значения этих глаголов выступает наглядно при сопоставлении их с соответственными глаголами других языков, не обладающих подобными словообразовательными возможностями:

Русск.	Англ.	Франц.
<i>вписать</i>	<i>to write in</i>	<i>inscrire</i>
<i>дописать</i>	<i>to finish writing</i>	<i>achever d'écrire</i>
<i>отписать</i>	<i>to write off</i>	<i>transmettre par écrit</i>
<i>исписать</i>	<i>to fill in writing</i>	<i>remplir en écrivant</i>
<i>пописать</i>	<i>write for a while</i>	<i>écrire quelque temps à autre.</i>

И деривационные значения глаголов также образуют определенные корреляции. В соотношении *переписать* — *писать*, включившемся в ряд: *перечитать* — *читать*, *переиграть* — *играть*, *переспросить* — *спросить*, выделяется обобщенное значение, охватывающее и оформляющее определенное число лексических значений. Однако эти корреляции в связи с ограниченностью охватываемого ими словарного материала, а также — и это главное — в связи с тем, что лежащие в их основе деривационные значения обычно достигают невысокой степени абстрагированности и поэтому не вступают в органическое взаимодействие с центральными категориями грамматической системы данного языка, не являются подлинно грамматическими корреляциями. Эти корреляции составляют область словообразования — область, занимающую промежуточное место между грамматикой и словарем.

¹ Эти исследования проводились главным образом в виде кандидатских диссертаций. Сюда относятся: Б. Н. Г о л о в и н, Проблемы взаимодействий лексических и грамматических значений в приставочных видовых формах современного русского глагола, М., 1949; С. С. Г р и г о р я н, Несоотносительные приставочные глаголы совершенного вида в современном русском языке, М., 1951; Е. А. З е м с к а я, Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке, М., 1952; М. Ф. С у д а р ч и к о в, К вопросу о категории вида глагола. (Суффиксальный способ выражения видового значения), Л., 1953; М. А. Т е л е н к о в а, К вопросу о несоотносительных глаголах несовершенного вида в современном русском языке, М., 1955. См. также М. А. Ш а п и р о, Видовые пары глаголов в русском языке («Уч. зап. [Тираспольского гос. пед. ин-та]», вып. I, Кишинев, 1956).

Категория видов играет значительную роль в формировании не только грамматических, но и деривационных корреляций глаголов. Хотя целью теории видов является изучение этой категории во всех ее проявлениях, основное внимание должно быть сосредоточено на том, чтобы отделить корреляции, основанные на видовых значениях, представляющих подлинные грамматические абстракции, не только от корреляций, зиждущихся на пространственных и других мало абстрагированных значениях, но и от корреляций более абстрагированного, временного характера, какими являются *запрыгать* — *прыгать*, *запеть* — *петь* (так называемые инхотивные), *дочитать* — *читать*, *отзвонить* — *звонить* (финитивные), *полежать* — *лежать*, *поиграть* — *играть* (детерминативные) и некоторые другие подобные. Последние пары глаголов представляют ближайшую периферию чистовидовых корреляций, однако эти корреляции, осложненные абстрактно-деривационными элементами значения, не идентичны с ними.

Собственно видовую корреляцию составляют две соотносительные формы глагола, которые при полной лексической тождественности отличаются тем, что одна выражает длительность и нерезультативность процесса, другая — результативность и недлительность процесса, например: *раскрашивать* — *раскрасить*; *делать* — *сделать*¹.

Для выяснения степени распространенности в языке видовых корреляций, представляемых подобными парами глагольных форм, и специфических особенностей различных групп этих корреляций было подвергнуто анализу большое число словарных статей из материала словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, а также разнообразные факты литературного языка разных жанров. Изучаемые глаголы, общим числом около 9 тыс., были распределены по следующим рубрикам:

1. Глаголы, образующие соотносительные видовые корреляции, причем соотносительность обнаруживается как в отношении видовых значений, так и в отношении постоянно противопоставляющихся морфологических средств выражения этих значений: *бросал* — *бросай* — *буду бросать* и т. д.; *бросил* — *брось* — *брошу* и т. д.; *рассказывал* — *рассказывай* — *буду рассказывать* и т. д.; *рассказал* — *расскажи* — *расскажу* и т. д.

2. Глаголы, выступающие в различных видовых значениях, но не обладающие морфологическими средствами для обнаружения во всех случаях видовых различий: *телеграфировал* в значении прошедшего несовершенного и прошедшего совершенного вида, но *буду телеграфировать* в значении будущего несовершенного при *телеграфирую* в значении будущего совершенного вида.

3. Глаголы, не образующие соотносительных видовых корреляций: а) только совершенного вида: *очутился*, *возгордился*; б) только несовершенного вида: *вращался*, *бездействовал*.

По этим трем группам изученные глаголы распределяются следующим образом: группа 1-я — 64%, группа 2-я — 5%, группа 3-я — 31%.

Эти цифровые данные (поскольку из-за ряда обстоятельств распределение глаголов по группам в некоторых случаях было затруднено) надо считать только ориентировочными, однако и в данном виде они отчетливо показывают, насколько неточно отражают объективное положение вещей приведенные выше высказывания Пешковского о том, что все русские глаголы, за ничтожными исключениями, распределяются по видовым парам.

На самом же деле глаголы, не входящие в видовые корреляции, со-

¹ Подробно см. в моей статье «О значениях видов русских глаголов» («Р. яз. в шк.», 1946, № 5—6).

ставляют 31 %, так что «ничтожными исключениями» назвать их никак нельзя¹.

Отдельные группы суффиксальных корреляций в свою очередь выступают в своем соотношении следующим образом

Корреляции с суффиксом <i>-ива-</i> (<i>-ыва-</i>) в несовершенном виде .	60%
Корреляции с суффиксом <i>-а-</i>	31%
Корреляции с суффиксом <i>-ва-</i>	9%

Следовательно, наиболее распространенными видовыми корреляциями в современном русском языке являются те, в которых значение несовершенного вида выражается суффиксом *-ива-* (*-ыва-*), а значение совершенного вида — отсутствием этого суффикса: *обмазывать* — *обмазать*, *вкачивать* — *вкачать*, *обыгрывать* — *обыграть*, *пересиливать* — *пересилить*, *склеивать* — *склеить*, *разрисовывать* — *разрисовать*, *обворовывать* — *обворовать*, *подтрунивать* — *подтрунить*, *оказывать* — *оказать*, *оказывать* — *оказывать*, *оказывать* — *оказывать* и многие другие.

Следует отметить, что и в других славянских языках корреляции с аналогичными суффиксами также многочисленны. Ср. в польском языке: *odtupać* — *odtupiać*, «откалывать»; *wyprotować* — *wyprotowywać* «откачивать»; *odkomenderować* — *odkomenderowywać* «откомандировывать»; *przeskoczyć* — *przeskakować* «перескакивать»; *przebudować* — *przebudowywać* «перестраивать» и т. д. Ср. также в чешском языке: *ohlásiť* — *ohlásovati* «объявлять»; *obhajiti* — *obhajovati* «защищать»; *rozloučiti* — *rozlučovati* «разлучать»; *doruciti* — *doručovati* «вручать»; *ubližiti* — *ubližovati* «обижать»; *vyhoditi* — *vyhazovati* «выбрасывать» и т. д.

Подобные же факты наблюдаются и в южнославянских языках. Л. Андрейчин в своей «Грамматике болгарского языка», анализируя способы образования форм несовершенного вида, указывает: «Суффикс *-вам* в настоящее время — самый распространенный». Примерами, говорит он, могут служить *ка́жа* — *ка́звам* «говорить»; *преко́ня* — *преко́нявам* «перекладывать»; *разпи́лѣя* — *разпи́лѣвам* «рассыпать»; *смѣ́я* — *смѣ́явам* «смеивать»; *я́дбам* — *я́дбам* «сердиться». В глаголах, имеющих в своей основной форме ударение на последнем слоге, этот суффикс принимает вид *-явам*, *-авам*: *изорá* — *изорáвам* «вспахивать»; *подаря́* — *подаря́вам* «дарить»; *претърпѣя́* — *претърпѣя́вам* «перетерпевать»; *разрешá* — *разрешáвам* «разрешать» и др.².

И в сербо-хорватском языке важным способом выражения видовой корреляции является аналогичный суффикс, выступающий здесь в вариантах *-ава-*, *-ива-*. Примеры: *обдрати* — *оборáвати* «обпахивать», *оплакати* — *оплакíвати* «оплакивать», *засу́кати* — *засу́кíвати* «отворачивать»; *очисти́ти* — *очишчáвати* «очищать»; *уда́лити* — *уда́лáвати* «удалять»; *захва́лити* — *захва́лйвати* «благодарить» и др.

Распространенность фактов подобного способа образования видовых форм в разных славянских языках свидетельствует о значительном единстве внутренних тенденций развития категории видов в славянских язы-

¹ С этой точки зрения требует значительного уточнения и следующее положение, содержащееся в последнем издании академической Грамматики: «Наличие двух соотносительных рядов глагольных форм — несовершенного и совершенного вида при сохранении одного и того же лексического значения — является общим правилом в системе русского глагола. Каждый глагол, употребляющийся в русском языке, имеет определенное видовое значение и в соответствии с этим значением образует свои формы» («Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 427).

² См. Л. А н д р е й ч и н, Грамматика болгарского языка, перевод с болг., М., 1949, стр. 141.

ках. Суффикс *-а-* охватывает по сравнению с суффиксом *-ива-(-ыва-)* почти вдвое меньшее число корреляций, однако существенных качественных различий между этими двумя суффиксами как средствами формообразования нет. Суффикс *-а-*, как и *-ива-(-ыва-)*, служит живым способом образования форм несовершенного вида от префиксальных глагольных форм совершенного вида, способом так называемой «вторичной имперфективации», по выражению С. Карцевского. Он совершенно правильно указал, что источником жизненной силы суффиксов *-ива-*, *-а-*, *-ва-* является сам процесс вторичной имперфективации, «потребность придать новую длительность (новое развитие) уже перфективированному процессу...»¹. Изучение материала показывает, что между этими двумя суффиксами нет семантических различий, которые носили бы грамматический характер.

Замечания Ф. Ф. Фортунатова о различиях между формами на *-ать* и *-ивать* в оттенках длительности и повторяемости² не получают широкого подтверждения при анализе большого языкового материала. Об отсутствии четких различий между этими суффиксами как видовыми формантами свидетельствует наличие большого числа глаголов, которые совершенно одинаково образуют формы несовершенного вида при помощи обоих суффиксов: *накалить* — *накалять*, *накаливать*; *обмерить* — *обмерять*, *обмеривать*; *накопить* — *накоплять*, *накапливать*; *затопить* — *затоплять*, *затапливать*; *простудить(ся)* — *простужать(ся)*, *простуживать(ся)*; *опорожнить* — *опорожнять*, *опоражживать* и многие другие.

Отмечавшиеся ранее оттенки в отношении длительности и повторяемости таких форм, как *умалить* — *умаливать*, *надломлять* — *надламывать*, все более и более перерастают из грамматических в лексико-стилистические особенности глаголов. Суффикс *-ива-* охватывает вдвое большее число глагольных основ и все более расширяет сферу своего употребления, так как он представляет собой яркий и однозначный показатель несовершенности в отличие от *-а-*, который встречается и в ряде глаголов совершенного вида: *разбросал*, *раскидал*, *отррезал* и т. д.

Вместе с тем суффикс *-а-* прочно удерживает большое количество глагольных основ и вытесняется суффиксом *-ива-* в обстановке сложных и противоречивых взаимоотношений между ними. Суффиксу *-а-* еще присуща значительная сила продуктивности. Об этом свидетельствуют такие новые факты формообразования, как *выявить* — *выявлять*, *укрупнить* — *укрупнять*, *разукрупнить* — *разукрупнять*, *уплотниться* (в новом значении) — *уплотняться*, *приземлиться* — *приземляться*, *разграфить* — *разграфлять*, *утеплить* — *утеплять*, *прикрепиться* (в новом значении) — *прикрепляться*, *открепиться* — *открепляться* и другие. Интересные факты обнаруживаются при рассмотрении взаимоотношений суффиксов *-а-* и *-ива-(-ыва-)* за период с начала XIX в. Оказывается, не всегда суффикс *-ива-* вытеснял суффикс *-а-*; были, хотя и редко, обратные случаи. Так, в «Словаре Академии Российской» 1806—1822 гг. в словарной статье *Выпадать* дается параллельная форма *выпадывать* и в иллюстративном материале приводится: *зубы выпадывают*. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. дана отдельная статья *Выпадывать* с указанием: «То же, что *выпадать*». В словаре Ушакова форма *выпадывать*, естественно, отсутствует. В словаре 1806—1822 гг. приводится форма *выкликать*, в словаре 1847 г. даются параллельно: *выкликать* — *выкликать*. В словаре Ушакова указана только форма *выкликать*. В словаре

¹ S. K a r c e v s k i, Autour d'un problème de morphologie, «Annales Academiae scientiarum fennicae», Serie B, t. XXVII, Helsinki, 1932, стр. 89.

² См. Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в, Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г., Сб. ОРЯС, т. LXIV, № 11, СПб., 1897, стр. 121—123.

1806—1822 гг. даны параллельно *вставля́ть*, *вставля́ть*, то же в словаре 1847 г.; в словаре Ушакова указана только форма *вставля́ть*.

В словаре 1806—1822 гг. даны параллельно *заслани́вать*, *заслоня́ть*. То же и в словаре 1847 г. В словаре Ушакова дана одна форма *заслоня́ть*. В словаре 1806—1822 гг. к глаголу *загромо́дить* не указывается форма несовершенного вида. В словаре 1847 г. дана форма *загрома́зживать*, в словаре Ушакова дана форма *загромо́ждать*. Подобные случаи, конечно, составляют меньшинство, но довольно значительное.

Случаи такого параллелизма суффиксов отмечаются и в грамматиках других славянских языков. Так, Л. Андрейчин, описывая факты болгарского языка, указывает: «У глаголов с ударением на внутреннем слоге идет борьба между суффиксами *-ям-* и *-вам-*..., но чаще побеждает суффикс *-вам...*»¹.

В сербо-хорватском языке наблюдается параллельное употребление с суффиксом *-a-ti* суффиксов *-ava-ti* — *-iva-ti*. Примеры: *раскрѡјити* — *раскрѡјавати* — *раскрајати* (разрезать), *захвѡлити* — *захваљивати* — *захваљати* и др. А. Лескин указывает по данному поводу: «Нельзя строго разграничить употребление этих форм: иногда употребляется только одна форма, иногда же — разные формы, причем у одного и того же писателя разные формы встречаются непосредственно одна рядом с другой»². И здесь, следовательно, выступают поучительные факты проявления единых тенденций развития видовых форм в разных славянских языках.

Что касается суффикса *-ва-*, то его сфера употребления, как известно, строго ограничена: он служит средством видовой формообразования только в малочисленных группах глаголов с инфинитивом на *-а-*, *-у-*, *-и-* [*-ы-*], *-е-*: *выда́ть* — *выдава́ть*; *наду́ть* — *надува́ть*; *изби́ть* — *избива́ть*; *разры́ть* — *разрыва́ть*; *овладе́ть* — *овладева́ть*.

Проведенный анализ показывает, что в суффиксальных видовых корреляциях проявляется полностью абстрагированный и унифицированный грамматический процесс.

Столь высокой степени грамматической унифицированности, как внутренней, так и внешней, мы не находим в префиксальных видовых корреляциях. Сходство префиксальных корреляций типа *писа́ть* — *написа́ть*, *богате́ть* — *разбогате́ть* с суффиксальными типа *разрисовыва́ть* — *разрисова́ть*, *объявля́ть* — *объяви́ть* в том, что и те и другие, сохраняя лексическое значение, выражают разные видовые значения: совершенного и несовершенного вида. Эта важная черта общности дает основание данные два типа корреляций отграничить от всех деривационных корреляций. Имеется, однако, и ряд существенных различий, которые требуют надлежащего раскрытия.

1. В префиксальных корреляциях наблюдается ряд обстоятельств, нарушающих четкость соотносительности грамматических значений различных видовых форм при их лексическом тождестве. Во многих случаях глагол, которому присуще не одно, а несколько лексических значений, в некоторых из них образует корреляции при помощи разных префиксов, а в других случаях он может и не входить вовсе в видовую корреляцию. Так, глагол *бита́*: а) в первом из указанных в словаре Д. Н. Ушакова значений «наносить кому-либо удары, колотить кого-нибудь» образует форму совершенного вида при помощи префикса *при-* или *по-*: *Он большо́ бил (прибил, побил) мальчи́ка*; б) во втором значении «умерщвлять» — при помощи *у-*: *Рыбу́ били (убили) остро́гой*; в) в третьем значении «побеждать кого-нибудь» — при помощи приставки *по-*: *Мы били*

¹ Л. Андрейчин, указ. соч., стр. 144.

² А. Leskien, Grammatik der serbo-kroatischen Sprache, Teil 1, Heidelberg, 1914, стр. 490—491.

(*побили*) *неприятеля*; г) в шестом значении «раздроблять, разбивать» — при помощи приставки *раз-*: *Он бил (разбил) стекла*; д) в десятом значении «давать сигнал ударами» — посредством приставки *про-*: *Часы били (пробили) шесть*; е) в одиннадцатом значении «ударять по чему-нибудь или бросать что-нибудь с целью попасть» — при помощи приставки *про-*: *Они били (пробили) в ворота*.

В остальных пяти значениях, присущих глаголу *бить*, он выступает в качестве глагола, обладающего только формой несовершенного вида. Так, ж) в четвертом значении «направлять удары на кого-нибудь» (ср. *Эта статья была по бюрократизму*) невозможны: *побила, прибила, убила, пробила*; то же з) в пятом значении «стреляя в кого-нибудь, попадать»: *Он бьет птицу на лету*; и) в седьмом значении «ударять, стучать»: *Он бил кулаками по столу*; к) в восьмом значении «трясти, приводить в дрожь»: *Лихорадка его била всю ночь*; л) в девятом значении «вытекать стремительной струей»: *Кровь била ключом*.

Для выяснения всей сложности взаимоотношений лексических и грамматических значений в подобных корреляциях необходимо еще учесть то, что многозначность присуща часто не только одному члену корреляции. Так, в рассматриваемом случае многозначными являются и вторые члены корреляции: *побить, прибить, убить, пробить*, которые в одних своих значениях коррелируют с глаголом *бить*, а в других значениях — с другими глаголами или же вовсе не вступают в корреляции. Так, глагол *побить* в первом и втором из своих значений коррелирует с глаголом *бить*, в третьем значении при нем нет соотносительной формы несовершенного вида, а в четвертом своем значении он соотносителен с глаголом *побивать*.

Подобные осложненные взаимоотношения корреляций встречаются у значительного числа многозначных глаголов. Весьма редки случаи, когда многозначный глагол всеми своими значениями вмещается в одну видовую корреляцию. Характерны в этом отношении глаголы *строить* и *ставить*.

Глагол *строить* в восьми из десяти своих значений вступает в корреляцию при помощи одного и того же префикса *по-*: 1) «сооружать»: *строить — построить дом*; 2) «вычерчивать»: *строить — построить треугольник*; 3) «ставить в строй»: *строить — построить полк*; 4) «делать, производить»: *строить — построить планы*; 5) «организовывать»: *строить — построить новый быт*; 6) «основывать, базировать»: *строить — построить расчеты*; 7) «формулировать»: *строить — построить фразу*; 8) «шить»: *строить — построить сапоги*. Но в девятом значении «настраивать» соотносится и с *настроить*: «Ай, ребята, пойте, только гусли стройте» (Лермонтов), а в десятом значении «настраиваться» не имеет соотносительной формы совершенного вида: *Кларнет из плохого материала совсем не строит*.

Глагол *ставить* в семнадцати своих значениях образует корреляции при помощи префикса *по-* и только в одном (шестнадцатом, по нумерации словаря Д. Н. Ушакова) образует параллельные корреляции при помощи префиксов *по-*, *вы-*: *ставить — поставить / выставить разные вина*. Такие случаи весьма малочисленны.

Чаще всего встречаются в подобных корреляциях глаголы со значительно меньшим числом значений, которые образуют корреляции при помощи двух, реже трех префиксов, а в остальных значениях не имеют при себе соотносительных форм.

Сравнение приведенных словарных статей с соответствующими статьями в «Словаре Академии Российской» 1806—1822 гг. и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. показывает, что в отличие от лексических значений, претерпевших за этот период весьма существенные изменения, в грамматической структуре глаголов, в частности, в харак-

тере образования видовых корреляций, произошли весьма незначительные сдвиги. Это яркая иллюстрация различий в темпах развития словаря и грамматического строя. Количество значений слов *бить*, *строить*, *ставить* в трех названных словарях соответственно выступает следующим образом: *бить*: 4—7—11; *строить*: 4—4—10; *ставить*: 4—6—18. С точки зрения образования видовых корреляций здесь может быть отмечено только следующее: *бить* в первом значении в словаре 1806—1822 гг. соотносено с *побить*, в словаре 1847 г. — с *прибить*, в словаре Ушакова с *побить* и *прибить*. В словаре 1847 г. в слове *бить* выделяется новое значение, соотносящееся с *вбить* (гвоздь). В словаре Ушакова это значение не выделяется, а соотносительно с формой *вбить* дана форма *вбивать*. В словаре 1806—1822 гг. второе значение слова *строить* толкуется следующим образом: «Относительно к мусикийским орудиям значит: в согласие *приводить*, *налаживать*: *строить* скрипку, гусли». Соотносительная форма здесь не указывается. В словаре 1847 г. дается к этому значению соотносительная форма *настроить*, а в словаре Ушакова к соответствующему значению слова *строить* (девятому) дается помета: «редко». В словаре 1847 г. к третьему значению слова *строить* (ставить в строй) указывается соотносительная форма *выстроить*. В этих, казалось бы, весьма незначительных фактах проявляется важная тенденция процесса развития видовых корреляций, а именно, беспрефиксные коррелянты несовершенного вида заменяются префиксальными: *вбивать*, *настраи-вать* вместо *бить*, *строить*.

2. Префиксальные корреляции не обладают во многих случаях той полной абстрагированности от деривационных оттенков, которая присуща суффиксальным корреляциям. Именно этим обусловлено возникновение в языке многочисленных суффиксальных корреляций, которые как бы надстраиваются над соответственными префиксальными. Наряду с префиксальными корреляциями *дурманить* — *одурманить*, *морочить* — *обморочить*, *графить* — *разграфить*, *наковать* — *упаковать*, *готовить* — *приготовить*, *палить* — *опалить*, *читать* — *прочитать*, *гнить* — *сгнить*, *кровавить* — *окровавить*, *порочить* — *опорочить* и т. д. имеются и корреляции *одурманить* — *одурманивать*, *обморочить* — *обморочивать*, *разграфить* — *разграфлять*, *упаковать* — *упаковывать*, *приготовить* — *приготавливать* (*приготовлять*), *опалить* — *опалять*, *прочитать* — *прочитывать*, *сгнить* — *сгнивать*, *окровавить* — *окровавливать*, *опорочить* — *опорочивать* и т. д.

В словаре Ушакова встречаются такие указания, как «сгнивать то же, что гнить»; «опорочивать то же, что порочить». Это нельзя считать адекватным отражением объективных фактов. Если *сгнивать* — *сгнить* воспринимается только в плане видовых корреляций, то *гнить* — *сгнить* воспринимается как в плане видовых, так и в плане деривационных корреляций, что создает различные нюансы в смысловом содержании слов *гнить* — *сгнивать*. Свидетельством того, что эти нюансы представляют собой существенные языковые факты, является их продуктивность и значительная употребительность префиксальных форм несовершенного вида. Вот некоторые иллюстрации: «Как видно, „таланты“ людей, *растранижающих* народные деньги, находят своих поклонников в министерстве» («Правда» 6 XII 55); «Перед многими советскими людьми в этих же низменных целях *опорочивал* он честных, ничем не запятнанных работников» («Вечерняя Москва» 6 XII 55).

В Чикаго

такой свирепеет грохот —
что грузовоз

с тыщесильной машиною —

казался,
 что он что ветрится тихая кроха,
 прошелёстывал тишью мышиною
 (В. Маяковский, 150 000 000)

«Но это так называемое «вынашивание» замысла происходит совсем не так, как это представляют себе наивные люди. Оно не выражается в том, что писатель сидит, стиснув голову руками, или бродит — одинокий и дикий, — *выборматывая* свои думы» (К. Паустовский, Золотая роза).

3. Префиксальные корреляции характеризуются чрезвычайным разнообразием средств своего выражения. Они образуются при помощи следующих 14 префиксов: *в-, вз-, вы-, за-, из-, на-, о-, от-, по-, при-, про-, раз-, с-, у-*. Число корреляций, образующихся отдельными префиксами, далеко не одинаково. Оно колеблется в пределах от единицы до 245. Необходимо иметь в виду, что некоторые из приводимых ниже корреляций относятся не ко всем, а только к одному или нескольким лексическим значениям данных глаголов. В ряде случаев корреляции, как, например, *дубасить — отдубасить*, *мчаться — промчаться*, находятся на грани между чисто видовой и деривационной сферами языка; они все, однако, приводятся нами, поскольку отражены в наиболее распространенном из современных словарей. Следует вместе с тем добавить, что подобное «балансирование» ряда корреляций между словообразованием и грамматикой обусловлено, на наш взгляд, спецификой префиксальных корреляций, уступающих суффиксальным в степени грамматической абстрагированности. Все префиксальные корреляции, содержащиеся в словаре Ушакова, между отдельными префиксами распределяются следующим образом:

1) *в-*. При помощи этого префикса образуется только одна корреляция: *-скоропить*;

2) *при-*. При помощи этого префикса образуются следующие 5 корреляций: *-бить*, *-видеться*, *-готовить*, *-мирить*, *-сниться*;

3) *из-*. При помощи префикса *из-* образуются 7 корреляций: *-бороздить*, *-ваять*, *-мельчать*, *-расходовать(ся)*, *-уродовать(ся)*;

4) *от-*. При помощи префикса *от-* образуются 15 корреляций: *-бузовать*, *-дубасить*, *-жолошматить*, *-лупить*, *-лупцевать*, *-никелеровать*, *-мстить*, *-пазанчить*, *-печатать*, *-полировать*, *-праздновать*, *-редактировать*, *-сыреть*, *-тузить*, *-чураться*;

5) *раз-*. При помощи префикса *раз-(рас-)* образуются 22 корреляции: *-бередить*, *-благовестить*, *-богатеть*, *-будить*, *-вередить*, *-гневаться*, *-горячить*, *-графить*, *-громить*, *-добреть*, *-дробить(ся)*, *-мякнуть*, *-каяться*, *-квитаться*, *-пороть(ся)*, *-пушить*, *-пьялить*, *-толочь*, *-транжирить*, *-трезвонить*;

6) *у-*. При помощи префикса *у-* образуются 23 корреляции: *-баюкать*, *-венчать(ся)*, *-видеть(ся)*, *-врачевать*, *-вянуть*, *-жалить*, *-зреть*, *-лицезреть*, *-множить(ся)*, *-наследовать*, *-наковать*, *-регулировать*, *-слышать*, *-совершенствовать(ся)*, *-совестить*, *-тонуть*, *-топить(ся)*, *-трамбовать*;

7) *вз-*. При помощи префикса *вз-(воз-)* образуются 25 корреляций: *-баламутить*, *-бесить(ся)*, *-бороздить*, *-боронить*, *-будоражить(ся)*, *-бунтовать(ся)*, *-волновать(ся)*, *-дорожать*, *-ложматить(ся)*, *-мутить*, *-ерепениться*, *-мужать*, *-противиться*, *-кипятить*, *-петушиться*, *-потеть*, *-топорщиться(ся)*, *-тревожить(ся)*;

8) *вы-*. При помощи префикса *вы-* образуются 26 корреляций: *-белить*, *-бучить*, *-валять*, *-гладить*, *-дрессировать*, *-дудить*, *-желтить*, *-клянчить*, *-жонопатить*, *-купать*, *-лепить*, *-мочить*, *-муштровать*, *-пороть*,

-потрошить, -рвать, -ругать, -сечь, -сморкать(ся), -стирать, -сушить, -тошнить, -травить, -утюжить, -холостить;

9) за-. При помощи префикса за- образуются 54 корреляции: -арканить, -балластировать, -баррикадировать, -бинтовать, -браковать, -бронировать, -бутить, -вербовать, -вуалировать, -вянуть, -гвоздить, -гипнотизировать, -гипсовать, -глохнуть, -гримировать(ся), -грунтовать, -должать, -душить, -журить(ся) (обл.), -жухнуть, -индеветь, -интриговать, -клеить, -консервировать(ся), -коптить, -коченеть, -латать, -марать(ся), -мариновать(ся), -маскировать(ся), -маять, -мутить(ся), -мытарить(ся), -пеленговать, -плесневеть, -плеснеть, -пломбировать, -пятнать, -ржаветь, -ржавить, -скирдовать, -слюнявить, -фиксировать, -хлороформировать, -хотеть, -чахнуть, -черстветь;

10) про-. При помощи префикса про- образуются 55 корреляций: -гневить, -голосовать, -громыхать, -грохотать, -грохотить, -гудеть, -декларировать, -демонстрировать, -диктовать, -длить(ся), -звучать, -зевать, -зимовать, -компостировать, -конспектировать, -контролировать, -корректировать, -кричать, -метать, -мотать, -мурлыкать, -мчаться, -мяукать, -номеровать, -петь, -пиливать, -пищать, -пыхтеть, -реветь, -резинить, -ржать, -рычать, -скрежетать, -скрипеть, -слабить, -спрягать, -стонать, -стучать, -трещать, -трубить, -трусить, -храпеть, -хрипеть, -хрустеть, -хрюкать, -хрюкать, -цитировать, -читать, -шептать, -шипеть, -шнуровать, -штурдировать, -шуметь, -экзаменовать(ся);

11) на-. При помощи префикса на- образуются 86 корреляций: -баловать, -барахлить, -бедокурить, -беливать(ся), -ваксить, -ворсить, -ворсовать, -вожить, -взвешивать, -гадить, -гофрировать(ся), -гофрить(ся), -гримировать(ся), -грубить, -грубиянить, -грузить, -дрызгать, -душить(ся), -дымить, -именовать, -канифолировать, -клеветать, -клепать, -коксовать, -кормить, -крахмалить, -кренивать(ся), -линовать, -лощить, -ляпать, -магнитить, -мазывать, -малевать(ся), -марать, -мелить, -мельчить, -метать, -метить(ся), -мозолить, -морищать(ся), -мусорить, -мыть(ся), -одеколонизировать, -пакостничать, -печатать, -писать, -пичкать, -порошить, -проказывать, -проказничать, -пророчить, -пудрить(ся), -пыжиться, -пылить, -рисовать, -румянить(ся), -скандалить, -сквернословить, -следить, -солодеть, -солодить, -сплетничать, -торосить, -тренировать(ся), -трусить (обл.), -фабриковать(ся), -змурить(ся), -чёркать, -черкать, -чернить, -шпиговать;

12) о-. При помощи префикса о- (об-) образуются 98 корреляций: -банкротиться, -ветшать, -беднеть, -беспокоить(ся), -бесславить, -бесчестить, -лупить(ся), -луцивать, -лысеть, -нагнать, -кантовать, -найтивать, -нищать, -злить(ся), -радовать(ся), -ремизить(ся), -брюзгнуть, -брюхатить, -стрекать(ся), -глохнуть, -деревенеть, -дичать, -дряхлеть, -вшиветь, -дряхнуть, -дуреть, -жеребиться, -животворить, -звереть, -знаменоваться, -золотить(ся), -каменеть, -кольцевать, -корнать, -котиться, -коченеть, -крепнуть, -крестить, -криветь, -кровавить, -лебенеть, -леденить, -мертветь, -мертвить, -палить, -паршиветь, -паршивить, -паскудить, -печалить(ся), -плешиветь, -позорить, -пороситься, -порочить, -пошлеть, -прыщаветь, -псоветь, -пьянеть, -пьянить, -сатанеть, -свежевать, -свидетельствовать, -свиристеть, -седлать, -серчать, -скалить(ся), -скандалить(ся), -скоромить(ся), -слепнуть, -советь, -соловеть, -солодеть, -стервенеть, -столбенеть, -стрекавить, -студить, -телиться, -трезветь, -трухляветь, -футеровать, -хулить, -цепенеть, -червиветь, -черстветь, -шелудиветь, -шельмовать, -штрафовать, -штукатурировать;

13) с-. При помощи префикса с- образуются 139 корреляций: -бондить, -брошюровать, -булгачить, -валить, -валять, -варганивать, -вековать, -великодушничать, -верстать, -вершить, -воровать, -глушить, -гноить,

-гоношить, -горбить(ся), -готовить, -группировать, -делать(ся), -дрейфить, -дрейфовать, -жать, -жесть, -жулить, -жульничать, -каламбурить, -калькировать, -калькулировать, -киксовать, -комбинировать, -компенсировать, -компилировать, -комплектовать, -компоновать, -компрометировать, -конструировать, -конфузить(ся), -концентрировать(ся), -копировать, -корезить(ся), -корчить(ся), -косить, -кроить, -крючить(ся), -кукситься, -кушать, -лавировать, -лепить, -лимонить, -ловить, -ломать(ся), -лукавить, -лузгать, -лупить(ся), -лямзить, -ляпать, -маклерить, -мастачить, -мерить, -месить, -молотить, -монтировать, -моргнуть, -морищить(ся), -мошенничать, -врать, -грешить, -жрать, -озорничать, -лгать, -преть, -сватать, -острить, -строить, -стрять, -путать(ся), считать, -творить, -ткать, -палить, -парить, -пеленать, переть, -петь, -печь, планировать, -планировать (на аэродром), -плоить, -плоищать, -плутовать, -подличать, -политиковать, -понтировать, -пресовать, -проверить, -прясть, -прятать(ся), -работать, -роднить, -сугулить(ся), -сучить(ся), -тасовать, -тибрить, -тихнуть, -торговать(ся), -трусить, -фальшивить, -фантазировать, -формировать(ся), формовать(ся), -фотографировать(ся), -формулировать, -фуговать, -хапать, -хоронить(ся), -шить, -есть, -ехидничать, -играть, -экономить;

(14) по-. При помощи префикса по- образуются 245 корреляций: -алеть, -бограветь, -балагурить, -балакать, -белеть, -белишь, -бить, -благодарить, -блестеть, -блещуть, -брататься, -брезгать, -брить, -буреть, -валить(ся), -везти, -венчать(ся), -верстать, -вечереть, -вечерять, -вздорить, -видаться, -виниться, -влиять, -вредить, -гасить, -гаснуть, -гладить, -глумиться, -глупеть, -глядеть(ся), -гнушаться, -голубеть, -грешить, -грозить(ся), -грузиться, -грузнуть, -губить, -дарить, -ехать, -жалеть, -жалиться, -желать, -желтеть, -жестковать, -живиться, -жиреть, -жулить, -жужнуть, -заботиться, -зариться, -звать, -здороваться, -здороветь, -зеленеть, -знакомиться(ся), -золотить, -интересоваться, -казаться, -калякать, -качать, -каяться, -клясться, -колебать(ся), -коробить(ся), -коситься, -красить, -краснеть, -крупеть, -крыть, -кумиться, -лакировать, -лакомить(ся), -ласкаться, -полдничать, -леветь, -леденеть, -лениться, -лечь, -любоваться, -мазать(ся), -манить, -мериться, -меркнуть, -мертветь, -мешать(ся), -милосердствовать, -миловать(ся), -молиться, -молодеть, -молотить, -морить, -мочиться, -мрачнеть, -муравить, -мутить(ся), -мыть(ся), -надобиться, -нюхать, -обедать, -обещать, -плакаться, -платиться, -плотнеть, -полнеть, -потчевать, -праветь, -пробовать, -просить(ся), -простеть, -процать(ся), -пытаться, -пятить(ся) -радеть, -радовать(ся), -редеть, -роднить(ся), -розоветь, -русеть, -рыжеть, -рябеть, -рядить(ся), -садить, -сватать(ся), -светлеть, -светлить, -седеть, -сечься, -сеять, -сиветь, -синеть, -скупиться, -слушаться, -слонить, -слышаться, -сметь, -смотреть(ся), -совеститься, -советовать(ся), -содействовать, -солить, -соловеть, -спеть, -спорить, -способствовать, -ссорить(ся), -стараться, -стареть, -стесняться, -стлать, -сторониться, -страдать, -строить(ся), -сулить(ся), -темнеть, -теплеть, -тереть(ся), -терять(ся), -теснить(ся), -тонуть, -тончать, -топить, -торопить(ся), -трапезовать, -тратить(ся), -трафить, -требовать(ся), -тревожить(ся), -трепаться, -трескаться(ся), -трясти, -тускнеть, -тухнуть, -тучнеть, -тушить, -тянуть(ся), -ужинать, -умнеть, -утюжить, -хвалять(ся), -хвастать(ся), -херить, -хлопать, -хотатайствовать, -холодеть, -хорошеть, -хоронить, -храбреть, -христосоваться, -худеть, -хужеть, -целовать(ся), -церемониться, -чернеть, -чернить, -черстветь, -чесать(ся), -чинить, -чувствовать(ся), -чуять, -шабашить, -шевелить(ся), -шутить, -щадить, -щупать.

Для раскрытия всех особенностей префиксов как видовых формантов необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что обозначение вида

есть не единственная и не основная функция данных морфем, которые в несравненно большем числе случаев выступают как носители деривационных значений: *с-* кроме видового значения выражает 5 деривационных, *раз-* — 10 деривационных значений, *за-* — 7 и т. д. Сравнительная частота употребительности приставочных морфем в грамматической и деривационной функциях выясняется из следующих фактов: глаголов с выделяющейся приставочной морфемой *от-* всего 1260, среди них с видовым префиксом только 15, с приставкой *из-* — 457, с видовым префиксом — 7. С другой стороны, из 1260 глаголов с приставкой *от-* 895 образуют суффиксальные корреляции, из 457 с приставкой *из-* — 337.

Из изложенного следует, что хотя префиксальные корреляции способны, подобно суффиксальным, выражать абстрагированные от лексических значений видовые различия глаголов, между обеими группами корреляций имеется существенная разница в характере и способах выражения этих видовых различий. В отличие от суффиксальных, префиксальные корреляции не обладают строго ограниченным числом единообразных, полностью выделившихся из области словообразования средств, что является характерным качеством подлинно грамматических категорий.

Это, однако, не имеет определяющего значения для характера проявления категории вида в целом. Характер и структура видов как подлинно грамматической категории определяется ведущей группой суффиксальных корреляций, где полностью абстрагированные грамматические значения выражаются минимальным числом средств, единообразных как по своему внешнему облику, так и в своем соотношении со всеми другими словообразовательными и грамматическими средствами языка.

Следует отдельно упомянуть об относительно немногочисленной группе глаголов, которые способны в некоторых из своих форм сочетать различные видовые значения: *телеграфировать*, *телеграфировал* в значениях обоих видов. Не подвергая анализу характерные черты этой группы глаголов¹, отмечу, что наблюдающиеся у этих глаголов активные тенденции образовывать видовые корреляции, аналогичные господствующим в языке (ср. *атаковать* — *атаковывать*, *откомандировать* — *откомандировывать*, *расформировать* — *расформировывать* и под.), свидетельствуют о выдающейся организующей роли в системе языка категории вида и ее основных структурных моделей.

*

Если учесть, с одной стороны, что наибольшая часть глаголов образует строго грамматические видовые корреляции, получающие единообразное морфологическое выражение, и, с другой стороны, что видовое значение глагола тесно связано с другими грамматическими категориями, — можно с полным основанием считать соотносительные глаголы совершенного и несовершенного видов не разными словами, а разными формами одного и того же глагольного слова. Акад. В. В. Виноградов безусловно прав, когда указывает: «Одним из доказательств того, что формы совершенного и несовершенного вида объединяются в составе одного и того же слова, является наличие глаголов, имеющих общие формы для обоих видов. Таковы, например, глаголы: *велеть*, *женить(ся)*, *казнить*, *крестить*, *ранить*, *родить...*»².

¹ Ряд интересных соображений о природе этих глаголов сформулирован в диссертации Н. С. А в и л о в о й «Вопросы глагольного суффиксального словообразования в современном русском литературном языке. Глаголы с суффиксом *-ова-*» (М., 1953).

² В. В. В и н о г р а д о в, указ. соч., стр. 498.

Показательны в этом отношении ошибки, которые часто наблюдаются как в средней, так и в высшей школе: от инфинитивов несовершенного вида учащиеся образуют причастные и деепричастные формы совершенного вида, и наоборот. Это свидетельствует, конечно, о том, что те и другие формы выступают в языке как единая структурно-семантическая система форм слова.

Следует указать на существенные противоречия, к которым неизбежно приводит противоположная трактовка рассматриваемого вопроса. Как уже указывалось выше, глагол *бить* в значении «наносить поражение» соотносится с *побить*, а в значении «раздроблять» — с *разбить*. Если считать *бить* и *побить*, *бить* и *разбить* различными словами, получается парадоксальное положение: варианты лексической семантики вмещаются в рамки одной лексемы *бить*, а грамматические варианты при лексическом тождестве формируют две разные лексемы. Несостоятельность подобного допущения очевидна.

Аргументацию, приводимую в защиту другой точки зрения, нельзя считать убедительной. Так, П. С. Кузнецов указывает: «Одной семантической близости для отнесения различных образований к одной лексеме недостаточно. Необходимы основания структурно-грамматические. Между тем каждый из членов видовой пары образует всю систему форм, ему свойственную (времена, наклонения, лица, залоги, причастия, деепричастия), точно так же, как образует ее каждый из двух глаголов, несомненно различающихся в лексическом отношении (например, *нести* — *принести*)»¹.

Что нужно учитывать структурно-грамматические основания, абсолютно неоспоримо. И все же аргументация П. С. Кузнецова несостоятельна. Это можно доказать на приведенном им же примере *нести* — *принести*, дополнив его только одним словом *приносить*. *Нести* и *принести* обладают двумя системами форм, разъединенных различием их лексических значений. В *принести* — *приносить* обе эти системы форм соединяются в целостную систему форм, взаимно дополняющих друг друга.

Исторически категория видов коренится в значительной мере в словообразовании; она и сейчас находится в органическом взаимодействии с системой глагольного словообразования. Но своей грамматической абстрагированностью и универсальностью она поднялась над частностями словообразования и превратилась в важнейшую структурную черту русского глагола.

С этой точки зрения представляется целесообразным осветить некоторые полемические высказывания о природе видов, имевшие место в литературе. С. Карцевский в своей работе «Система русского глагола» говорит: «Введя термин „степень“, Павский лишний раз проявил тонкое чутье грамматиста: он чувствовал словообразовательные (деривационные) связи, которые связывают между собой все русские глаголы и без которых была бы невозможна система видов. Он, однако, ошибался в отношении характера этого словообразования. Для него вид выступает на первом плане, меж тем как роль собственно словообразования заключается только в выражении тройного видового изменения (*la triple transformation aspective*) глаголов. Так воздвигаются три видовых степени Павского, а именно: „Первая степень: глаголы однократные, к которым относятся мгновенные (например: *мелькнуть*), решительные (например: *прочитать*) и частью однообразные (например: *лететь*). Вторая степень: глаголы многократные неопределенные, к которым причисляются продолжительные неопре-

¹ «Современный русский язык. Морфология (Курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, М., 1952, стр. 323.

деленные (например: *мелькать*), прерывистые (например: *почитывать*) и разнообразные (например: *летать*). Третью и последнюю степень занимают глаголы многократные дальние. Сюда причисляются продолжительные дальние (например: *читывать*) и разнообразные дальние (например: *хаживать*)¹. (Г. Павский, Филологические наблюдения над составом русского языка, Рассуждение 3—о глаголе—СПб., 1850, стр. 4—5).

Вот почему Павский нашел возможным провести параллель между глагольными степенями и степенями сравнения прилагательных: „в прилагательных именах три степени означают сравнительную меру качеств, в глаголах степенями означаетсся мера продолжительности и объем действия“ (там же, стр. 205). (Цитаты из Г. Павского приводятся по оригиналу. — И. М.).

«Наша точка зрения, — говорит далее Карцевский, — совершенно иная. Вид, по нашему мнению, явление, до некоторой степени (en quelque sorte) вторичное, которое присоединяется к явлению словообразования. Глаголы образуются одни от других и в своем движении выстраиваются как степени одной шкалы или как этажи одного здания. Каждый глагольный этаж имеет свои собственные особенности и отличается ими от других глагольных этажей. На основе семантических и морфологических различий возникают различия в транзитивной (переходность и непереходность) природе глаголов и, что особенно важно, происходит регулярное чередование различных видов»¹. Несколько ниже, в разделе «Глагольное словообразование», Карцевский указывает: «Игра видов (le jeu des aspects) является частным случаем более обширной и более сложной игры, которую представляет собой глагольное словообразование во всей его совокупности»².

Карцевский, считая видовые формы частным случаем глагольного словообразования, недооценивает роль категории вида — этого важнейшего элемента грамматической структуры русского глагола. Видовые формы глагола и различные участки глагольного словообразования — явления, принципиально отличающиеся друг от друга. Любые факты глагольного словообразования, будучи связаны с теми или иными изменениями лексических значений слов, обособляют одни образования от других, между тем как видовые формы, опираясь на лексическую тождественность, только расширяют единую систему грамматических форм одного глагольного слова. Видовые формы глагола, которые органически взаимно связаны с грамматическими категориями времени, залога (переходности и непереходности), наклонения, никак не могут быть рассматриваемы как проявления процесса словообразования.

Определение категории видов как категории в своей основе формообразовательной делает актуальным вопрос об объединении в одной системе спряжения различных видовых форм глаголов. Ведь спряжение глаголов распалось на обособленные видовые части главным образом под влиянием справедливых возражений против объединения в одном спряжении глаголов различных лексических значений. Так, А. Болдырев в свое время писал, выступая против Академической грамматики, объединившей в одну систему спряжения глаголы *дуть*, *дунуть*, *сдуть*, *дувать*: «Дунул не значит просто: „il souffla“, но „il souffla une fois“. Сдул получает также новую идею, которая не была заключена в значении глагола „дуть“; ибо он значит: „il souffla de dessus“, „il emporta en soufflant“ или, как немцы говорят:

¹ S. K a r c e v s k i, *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*, Prague, 1927, стр. 94—95.

² Там же, стр. 95.

„er hat weggeblasen“. Форма *дувал* не значит: „il avait soufflé“, но „souffla plusieurs fois à plusieurs reprises“»¹.

Эти по существу справедливые возражения теряют свою силу, когда в видовую корреляцию выстраиваются глагольные формы с совершенно тождественным лексическим значением. Вопрос об объединении в одном спряжении глагольных форм, соотносительных по виду, имеет большое принципиальное значение, так как только в этой объединенной системе полностью выявляются связи между видами и временами, и значение каждой отдельной формы времени проявится во всей своей полноте.

Конечно, введение видовых форм в единую систему спряжения возможно только на основе максимальной абстрагированности видовых корреляций; но, как мы видели, такие максимально абстрагированные корреляции представляют собой суффиксальные корреляции, так что именно они должны составлять основу спряжения русского глагола. Разумеется, для решения этой сложной проблемы требуются еще дополнительные исследования многочисленных относящихся сюда фактов. Но нет сомнения, что проблема весьма актуальна и требует своего разрешения.

¹ См. А. Болдырев, Рассуждение о глаголах, «Труды О-ва любителей росс. словесности», ч. II, М., 1812, стр. 73—74.

И. Р. ГАЛЬПЕРИН
О ТЕРМИНЕ «СЛЭНГ»

В английской лексикографии примерно с начала XIX в. появляется новый термин, которым составители словарей начали широко пользоваться как пометой для слов, не получивших по тем или иным причинам признания в качестве вполне литературных единиц словарного состава английского языка. Этот термин — «слэнг»¹. Этимология его точно не установлена и представляется спорной. Сам по себе это весьма показательный факт. Ведь если какое-либо явление вполне осознано, отграничено от других, смежных явлений, то и смысловая структура термина, обозначающего данное явление, должна быть достаточно прозрачной.

Как же рассматривают «слэнг» представители зарубежного языкознания — теоретики-лексикологи? Наиболее характерное теоретико-лингвистическое понимание «слэнга», уходящее корнями в психологическое направление в языкознании, отражено в следующем положении О. Есперсена: «...слэнг — форма речи, которая обязана своим происхождением желанию человеческой особи отклониться от обычного языка, навязанного нам обществом». Основной импульс в создании «слэнга» — это «...некое чувство умственного превосходства». «Слэнг — результат свойственного человечеству „желания позабавиться“» (love of play)². Большинство английских лексикологов в той или иной мере разделяют точку зрения О. Есперсена на «слэнг». Особенным успехом пользуется положение Есперсена, которое сводится к тому, что «слэнг» по своей природе требует беспрестанного обновления.

Дж. Б. Гринок и Дж. Л. Киттридж в своей известной работе образно описывают «слэнг» как язык-бродягу, который слоняется в окрестностях литературной речи и постоянно старается пробить себе дорогу в самое изысканное общество³. Необходимость прибегнуть к метафоре для определения понятия в данном случае, конечно, вызвана невозможностью адекватно выразить свою мысль при помощи логических определений, а это, как известно, часто является следствием туманности самой мысли. Применение образной речи в научном стиле дает возможность дополнительно разъяснить те или иные факты и служит средством выражения отношения автора к этим фактам. Однако в научной речи образность не может служить для определения сущности явления. Сравнение «слэнга»

¹ Одной из первых лексикографических работ, в которой используется термин «слэнг», является словарь Дж. Эндрюса (G. Andrews, A dictionary of slang and cant languages, ancient and modern, as used by Adam Tylers, badgers, bullies, etc. etc., London, 1809).

² O. Jespersen, Mankind, nation and individual from a linguistic point of view, Oslo, 1925, стр. 149, 150, 151.

³ См. J. B. Greenough and G. L. Kittridge, Words and their ways in English speech, New York, 1929, стр. 55.

с бродягой не разъясняет, а затемняет основной смысл, содержание понятия.

Одной из наиболее обстоятельных работ, посвященных проблеме «слэнга», является книга Э. Партриджа¹. Однако даже в этой специальной работе автор ограничивается самым общим, схематическим определением анализируемого явления. Под «слэнгом» понимается здесь разговорная речь, неапробированная установленными языковыми нормами. Такое определение разрешает подвести под «слэнг» любые лексические, морфологические, синтаксические и фонетические черты разговорной речи, расходящиеся с общепринятыми нормами литературного употребления, включая и всякого рода неправильности речи.

Известные английские лексикологи и лексикографы Г. В. Фаулер и Ф. Г. Фаулер в книге «The King's English», написанной в крайне реакционно-пуристском духе, говорят о «слэнге» следующее: «Слэнг уместен в жизни (т. е. — в разговорной практике. — И. Г.). Иной раз, быть может, писатель, передавая разговоры действующих лиц, вынужден будет вложить „слэнговые“ обороты в уста того или иного персонажа как средство его характеристики; ... и здесь... следует как можно реже пользоваться этим приемом. Вкрапывать же слэнг в кавычках или без кавычек в неразговорный текст книги или статьи так же неуместно, как пересыпать его французскими словами. Французские слова и слэнговые словечки — это одинаково ложный прием»².

Наиболее объективную оценку понятия «слэнг» мы находим в книге С. Робертсона «The development of modern English», хотя и его оценка, как мы увидим ниже, не проливает света на само содержание этого понятия. Полемизируя с проф. Креппом, Робертсон приходит к выводу, что под «слэнг» подводятся совершенно разнородные явления, ничего общего с ним не имеющие, и что «слэнг» состоит из «особых» слов, изобретаемых отдельными людьми и непонятных всем членам общества³.

Неопределенность теоретических концепций о «слэнге» не устранена и в некоторых советских исследованиях по английской лексикологии. Так, Г. А. Судзиловский делит «слэнг» на две группы: «... 1) общеупотребительную и общеизвестную лексику различного происхождения, но имеющую широкую сферу употребления; 2) лексику, употребляемую в более или менее узкой сфере и связанную с различными социальными группами»⁴. Такое определение фактически снимает самую проблему «слэнга», так как «слэнг» отождествляется со словарным составом языка. В дальнейшем изложении Г. А. Судзиловский смешивает понятия «слэнг», «жаргон», «разговорная лексика» и «просторечие».

Теоретическая путаница в определении «слэнга» не могла не сказаться и на практике лексикографии. Характер определения термина «слэнг» английскими и американскими словарями полностью отражает эту неясность теоретических концепций. Остановимся на некоторых из этих определений. В «Сокращенном оксфордском словаре», например, содержатся следующие определения значения «слэнга»: 1) «Особый словарь, употребляемый любой группой людей низкого происхождения; язык низменный и вульгарный (теперь слился с воровским жаргоном)»; 2) «Жаргон определенного класса или периода» (в этом определении обращает на себя внимание тот факт, что «слэнг» рассматривается уже не как язык людей

¹ E. Partridge, *Slang to-day and yesterday*, London, 1935.

² H. W. Fowler and F. G. Fowler, *The King's English*, Oxford, 1930, стр. 57.

³ S. Robertson, *The development of modern English*, New York, 1945, стр. 468.

⁴ Г. А. Судзиловский, К вопросу о «слэнге» в английской военной лексике. (Специфическая часть эмоционально-окрашенного слоя английской военной лексики.) Автореф. канд. дисс. [Калинин, 1954], стр. 10—11.

низкого происхождения», а как жаргон любого класса); 3) «Разговорный язык, стоящий ниже обычного языка образованных людей и включающий в себя новые слова или обычные слова, употребляемые в специфических значениях»¹. Таким образом, по оксфордскому словарю, «слэнг» — это и «жаргон», и «язык низменный», и «разговорный язык», и «новые слова», и «старые слова в новых значениях». Совершенно очевидно, что авторы приводимых определений, будучи не в силах отграничить сущность данного явления от других явлений, вынуждены признать полисемантическую этого термина.

В другом известном английском словаре, составленном Ч. Анандейлем, «слэнг» определяется следующим образом: «разговорный язык определенного класса или классов как образованных, так и необразованных людей, язык, не имеющий общего признания и часто рассматриваемый как язык неэскантный, неправильный и даже вульгарный»². Словарь Вебстера определяет «слэнг» совершенно с иных позиций: под «слэнгом» понимается здесь употребление слов, неапробированных нормами письменной речи, но которые делают речь яркой и живой³. В этом определении под «слэнгом» имеется в виду то же, что в русской лексикографии принято называть «просторечием»; однако это просторечие ограничивается только эмоционально окрашенными словами.

Из приведенного выше краткого обзора следует, что как лексикологи, так и лексикографы, занимавшиеся вопросами «слэнга», сходятся на том, что ему не место в литературном языке. Чем же можно объяснить столь резко отрицательное отношение законодателей английской языковой нормы к «слэнгу»? Дело в том, что под термином «слэнг» в английской лексикографии объединяются слова и фразеологизмы, совершенно разнообразные с точки зрения их стилистической характеристики и сфер употребления. Так, в различных словарях с пометой «слэнг» приводятся следующие разряды слов и словосочетаний:

1. Слова, относящиеся к воровскому жаргону, например: *to chant* (из франц. *chanter*) в значении «расхваливать лошадь при продаже»⁴; *cheese* в значении «хорошая вещь»⁵; слова *father* и *fence* — оба в значении «скупщик краденого»⁶.

В качестве других примеров явно жаргонных слов и выражений, подводимых английскими словарями под «слэнг», можно привести следующие: *to fig* «быстро наносить удары»; *to hog* «присваивать чужое добро с жадностью»; *tug* в значениях «рот, гримаса», «дурак, простака»; «экзамен»; *tug* в значениях «зубрить, усиленно готовиться к экзамену»; *backjump* «тюремное окно» и многие другие.

¹ W. Little, H. W. Fowler, J. Coulson, The shorter Oxford English dictionary on historical principles, 3-d ed., vol. II, Oxford, 1947, стр. 1911.

² Ch. Anandale, The concise English dictionary, London, 1910, стр. 637.

³ См. «Webster's new International dictionary of the English language», Springfield, Mass., 1955, стр. 2359.

⁴ С такой пометой это слово дано в одном из наиболее авторитетных английских словарей (см. W. Little..., указ. словарь, vol. I, стр. 291). Интересно отметить, что это слово в своем основном значении «петь» заимствовано английским языком еще в среднеанглийскую эпоху. В современном английском языке *to chant* в этом значении осталось лишь в сфере поэтического употребления и рассматривается как архаическое слово. Значение «расхваливать лошадь при продаже» слово *to chant* получило из фразеологического словосочетания *to chant a horse*.

⁵ Это слово зарегистрировано словарем в 1818 г. Оксфордский словарь указывает, что это слово было заимствовано из языка урду (*chiz* «вещь», см. W. Little..., указ. словарь, стр. 298).

⁶ Оксфордский словарь, правда, дает эти слова с пометой «воровской слэнг». Однако какая разница между «воровским слэнгом» и термином «cant», который используется словарем в значении «воровской жаргон», — остается неясным.

2. Р а з л и ч н ы е п р о ф е с с и о н а л и з м ы, например: *plunger* [от глагола *to plunge* «бросаться вперед (в атаку)»] «кавалерист» (из военной лексики); *length* (буквально «длина») «сорок две строки драмы» (из театральной лексики); *a noser* (от *nose* «нос») «удар по носу» (из боксерской лексики); *to be ploughed* (от *plough* «плуг») «провалиться на экзамене» (из студенческой лексики) и др. В результате включения различных профессионализмов «слэнг» начинает дифференцироваться. В английской и американской лексикографии появляются разновидности «слэнга»: военный «слэнг», спортивный «слэнг», театральный «слэнг», студенческий «слэнг», парламентский «слэнг» (!) и даже религиозный «слэнг» (!!).

3. М н о г и е р а з г о в о р н ы е с л о в а (коллоквиализмы). Слова и выражения, присущие лишь живому неофициальному общению, — явление, общее для многих языков, имеющих длительную историю развития своей литературной формы. Эти слова, иногда образные, чаще всего имеют эмоциональную окраску. Они характеризуются подвижностью своих семантических границ, своей многозначностью. Некоторые из таких разговорных слов ограничены в своем употреблении узким кругом семейных и дружеских отношений.

Примерами коллоквиализмов, причисляемых словарями к «слэнгу», могут служить следующие слова: *chink* — существительное ономапейстического происхождения со значением «наличные деньги»¹; *to soapbox* «митинговать»²; *a jolly* (от прилагательного *jolly* «приятный») «приятное время препровождение»³; *racket* «грязное дело, афера»; *to learn the ropes* [буквально «изучить веревки (в узле)»] «узнать все ходы и выходы»; *ripping* «очаровательный» и многие другие.

Возможно, что стилистическая характеристика этих слов как слов разговорного характера и требует уточнения. Может быть, их нужно выделить в особый разряд эмоциональной лексики, как это делают некоторые из советских языковедов. Однако неоспоримым является то, что смешивать явно жаргонные слова и фразеологизмы, имеющие хождение лишь в ограниченном кругу «посвященных» лиц, с общеупотребительными словами живой разговорной речи — значит еще более усложнить и без того трудную задачу дифференциации словарного состава английского языка.

4. П о д «с л э н г» п о д в о д я т с я т а к ж е с л у ч а й н ы е о б р а з о в а н и я, которые возникли в результате литературных ассоциаций и значение которых обусловлено их смысловыми связями с исходным понятием. Так, например, словарь Вебстера фиксирует слово *Syrano* в значении «длинный нос» как слово, принадлежащее к «слэнгу». Слово это образовано от имени французского поэта Сирано де Бержерака, обладавшего, как известно из одноименной пьесы Ростана, длинным носом.

5. О б р а з н ы е с л о в а и в ы р а ж е н и я. Здесь следует различать, с одной стороны, образные профессионализмы, например *land-shark* (буквально «земная акула») «юрист» (профессионализм английских моряков); *gospel-grinder* «пастор» (буквально «грызун библии»), а с другой стороны, общеупотребительные образные слова типа *yes-man* «льстец» или *rubber-neck* (буквально «резиновая шея») «зевака».

¹ Это слово, относимое словарем Вебстера к «слэнгу», является образным, разговорным синонимом более общего обозначения понятия *money* «деньги» или *cash* «наличные деньги».

² От существительного *soapbox* «ящик от мыла, который использовался в качестве трибуны для выступления».

³ Интересна стилистическая характеристика этого слова, даваемая Д. Голсуорси в романе «Сдается в наем». Уинфред в записке к Профонду приглашает его на *Jolly*. Голсуорси так комментирует употребление этого слова: «... она всегда старалась пользоваться ходячими словами и выражениями» (*phrases of the day*).

6. «Слэнгом» считаются нередко и контекстуальные значения слов, возникающие в результате применения отдельных стилистических приемов (иронии, перифразы и др.). Так, в цитированном выше сочинении О. Есперсена сочетание *nice fellow* «хороший парень», *beauty* «красотка», использованные в контексте в значениях, обратных их предметно-логическим значениям, рассматриваются как «слэнг». Интересно, что эвфемистическое словосочетание *social evil* «общественное зло», метонимически использованное для обозначения проституции, также объявлено «слэнгом».

7. Наконец, слова, образованные в результате использования одного из наиболее продуктивных способов словообразования в современном английском языке (конверсия), также в некоторых случаях причисляются к «слэнгу». Так, например, существительное *sneak* «доносчик, ябеда» не имеет пометы «слэнг», а глагол *to sneak* «доносить, ябедничать», от которого образовалось существительное *sneak*, имеет помету «слэнг»; прилагательное *jolly* в значении «приятный, веселый», согласно словарям, является словом литературного употребления, а *to jolly* — глагол со значением «веселить», образованный от этого прилагательного, относится к «слэнгу».

8. Иногда как «слэнг» рассматриваются также аббревиатуры. Например, слово *pro* (сокращение от *professional*) «профессионал» или слово *props* (от *stage properties*) «реквизит» причислены к театральному «слэнгу». Слово *biz* (от *business* «дело») отнесено к торговому «слэнгу». Ставшее весьма употребительным слово *pub* (из *public-house*) «трактир» также включено в некоторые словари «слэнга».

Даже обычные слова и словосочетания английского литературного языка иногда зачисляются в разряд «слэнга» слишком яркими ревнителями «чистоты» английского языка. В упоминавшейся выше работе «The King's English» в качестве примеров «слэнга» приводятся следующие слова и словосочетания: *to run (the show)* в значении «ставить (пьесу)»¹; *up-to-date* «современный»; *to tackle (a problem)* «решать (вопрос)»; *on one's own* «самостоятельно»; *to corner (a person)* «прижать кого-либо, вынудить признание»; *world policy* «мировая политика»; *frontal attack* «фронтальная атака»; *to exploit* «эксплуатировать» и др. Все эти слова и словосочетания являются общеупотребительными словами словарного состава английского языка. Если их возможно классифицировать с точки зрения стилистической, то только по линии разграничения литературно-книжных слов и слов разговорных. Так, слова *to run*, *up-to-date*, *to corner* имеют слабо выраженную разговорную окраску. Совершенно непонятным представляется отнесение к «слэнгу» таких слов и словосочетаний, как *world policy*, *frontal attack*, *to exploit*. Очевидно, авторы цитируемой работы склонны относить к «слэнгу» каждый неологизм даже литературно-книжного и терминологического характера.

Надо сказать, что не все словари единообразны в стилистических пометах; в особенности это относится к помете «слэнг». В этом расходятся не только английские и американские, но и английские словари между собой. Так, например, слово *brass* в значении «деньги, наличные» рассматривается словарем Дж. Маррея² как принадлежащее к «слэнгу» или как диалектизм, американским словарем Вебстера — как диалектальное слово и английским словарем Анандейля — как разговорное. Слово *chink* «наличные деньги» в словаре Вебстера определяется как «слэнг»,

¹ Это значение закрепилось за словом *to run* еще в середине прошлого века (появилось это значение в США из сочетания *to run a business* «вести дело»).

² См. «A new english dictionary on historical principles», ed. by J. A. H. Murray, vol. I, Oxford, 1888, стр. 1059.

в словаре Дж. Маррея как «разговорное»¹ и в словаре Анандейля — как «вульгаризм». Количество примеров такого рода можно было бы значительно умножить, однако в этом нет никакой необходимости. Достаточно взять два разных словаря и сличить стилистические пометы, для того чтобы убедиться в почти полном расхождении оценок слов, которые по каким-то соображениям в словарях отнесены к «слэнгу».

Интересно отметить еще один факт, свидетельствующий о весьма нечетких границах понятия «слэнг» в английской и американской лексикографии. Во многих случаях словари дают две пометы словам, которые они относят к «слэнгу». Так, например, в «Сокращенном оксфордском словаре» слово *fishy* в значении «подозрительный, сомнительный» дается с пометой «colloq. or slang», т. е. «разг. или слэнг»; слово *rag* в значениях «бранить, строго выговаривать, раздражать» имеет пометы «dial. and slang» «диалект. и слэнг»; слово *rig out* «наряжаться» определяется словарем Вебстера как «vulg. or slang», т. е. «вульг. или слэнг». Это же слово в «Сокращенном оксфордском словаре» определяется как «colloq. or slang», т. е. «разг. или слэнг».

Стилистическая характеристика слова *filly* «девка» неодинаково интерпретируется в разных словарях.

Колебания в отнесении того или иного слова к соответствующему стилистическому разряду слов, вообще говоря, — явление вполне закономерное. Язык развивается, сферы действия языка приходят в постоянное соприкосновение друг с другом, поэтому слова из одной сферы действия попадают в другую сферу и в ней ассимилируются. Однако слишком уж широк диапазон стилистических разрядов слов, с которыми могут граничить слова, относимые к «слэнгу». Это и вульгаризмы, и разговорные слова, и жаргонизмы, и диалектальные слова, и профессионализмы и пр. Естественно возникает вопрос: а существует ли вообще «слэнг» как особый лексический слой в словарном составе английского языка? К тому же, как было указано выше, многие слова и выражения, квалифицируемые как «слэнг», являются вполне литературными словами — просто неологизмами, чаще всего эмоционально окрашенными, возникающими иногда в связи с кратковременной потребностью выделить какой-нибудь один, в данных условиях ведущий признак предмета. Такие неологизмы могут появляться в разных сферах употребления языка: и в литературном языке, и в живом разговорном, и в жаргонах.

Именно потому, что под термином «слэнг» объединяются разнородные явления, английская лексикология выделяет как одну из характерных черт этого лексического слоя его неустойчивость, преходящий характер. Интересно отметить, что, в противоположность приведенным выше утверждениям о «жаргонном» характере «слэнга», некоторые исследователи усматривают в нем живые факты словотворчества, прогрессивное явление в развитии и совершенствовании языка². Ряд английских лексикологов утверждает, что многие «слэнговые» слова и обороты прочно вошли в литературный язык и перестали ощущаться в нем как чужеродные элементы. Наряду с такими словами, как *maltout* (очевидно, из франц. *matelot* «моряк»), которое употреблялось в конце XVIII в. как кличка матросов и которое полностью исчезло в настоящее время, к «слэнгу» относят такие слова, как *kid* (буквально «козленок») «ребенок»; *snob* «сноб»; *sky-scraper* «небоскреб»; *sweater* (от *sweat* «пот») «свитер» и др., которые потеряли свой «слэнговый характер» и получили права гражданства в литературном языке как общеупотребительные слова.

¹ См. указ. словарь, vol. II, Oxford, 1893, стр. 354.

² См., например, E. Partridge, указ. соч.; J. B. Greenough and G. L. Kittridge, указ. соч.; H. Bradley, *The making of English*, London, 1937.

Следует упомянуть о том различии, которое существует в отношении к «слэнгу» в Англии и Америке. Литературный английский язык в Америке широко пользуется и воровским жаргоном, и узкими профессионализмами, и случайными словообразованиями. В особенности неудержим здесь язык американской прессы, который, явно в демагогических целях, использует языковой шпак разных социальных групп. Язык американской газеты в этом отношении настолько далеко отходит от норм литературной английской речи, что можно без преуменьшения говорить о сильном засорении английского газетного языка в Америке. В Англии, наоборот, в сфере письменной речи сильны пуристические тенденции. В литературный язык, включая и газетный, почти совершенно не допускаются слова и обороты, не получившие признания в качестве единиц словарного состава литературного английского языка. В этой связи интересно утверждение английского новеллиста Ф. Суинертона (F. Swinerton) о том, что англичане с охотой пользуются американским «слэнгом» в разговорной речи, но неохотно в письменной¹.

Стремление некоторых законодателей английской языковой нормы оградить литературный язык от вторжения в него слов и выражений живой, разговорной речи иногда приводит к тому, что новые значения слов и словосочетаний независимо от их объективной идеографической или стилистической ценности долгое время остаются за пределами литературного употребления.

Проведенный анализ слов и словосочетаний, относимых к «слэнгу», убеждает нас в необходимости уточнения этого термина. Это важно еще и потому, что помета «слэнг» широко используется в двуязычных (англо-русских и русско-английских) словарях, издаваемых в Советском Союзе.

«Англо-русский словарь», составленный проф. В. К. Мюллером, пятое издание которого (исправленное и дополненное) вышло в 1955 г., вообще не делает никакого различия между пометой «sl.» («слэнг») и жаргоном, отождествляя «слэнг» с жаргоном², разговорными словами, профессионализмами и пр. Так, в этом словаре под пометой «sl.» объединены слова: *good-looker* «красавец»; *at-a-boy* «молодец» (от *what a boy* «что за парень»); просторечные эмоциональные и образные слова и обороты: *by g' (ей-богу)*, *eye-opener* «глоток спиртного утром» (буквально «открывающий глаза») и др.; *flash-house* «воровской притон» — слово, не имеющее никакой пометы в английских словарях, т. е. стилистически нейтральное; жаргонизмы, например: *flimsy* «телеграмма», *токе* «осел» и другие слова явно жаргонного характера; профессионализмы, например: *a repeat* «студент-второгодник» (существительное образовано конверсией от глагола *to repeat* «повторять»); *flag wagging* «сигнализация флагами» (буквально «размахивать флагом») — военный термин; слова-вульгаризмы, например: *skirt* «женщина» (буквально «юбка»), *to quench* «заставить замолчать», «заткнуть рот кому-либо» (буквально «гасить», тушить, подавлять желание» и др.); общеупотребительные разговорные слова, например *double-cross* «перехитрить, надуть», *to be in a wax* «быть в бешенстве» и многие другие.

Общее количество слов с пометой «sl.» в этом словаре составляет довольно значительный процент по отношению к общему словнику. Во многих случаях словарь В. К. Мюллера «обогнал» английские словари в популяризации «слэнгизмов». Так, в этом словаре с пометой «слэнг» даны такие слова, как *rozzy* «варенье»; *plonk* «бросать, швырять»; *tweaker* «рогатка» и ряд других, которых вообще нет ни в двухтомном «Сокращенном оксфордском словаре», ни в большом словаре Вебстера. Конечно, не нам

¹ См. G. H. M c n i g h t, *Modern English in the making*, New York — London, 1930, стр. 557.

² См. «Англо-русский словарь», сост. В. К. Мюллер, 5-е изд., М., 1955, стр. 9.

устанавливать терминологию для английской лексикографии. Это дело американских и английских ученых. Но нам представляется существенным указание акад. В. В. Виноградова о необходимости проводить различие между словами, являющимися продуктами интеллектуального творчества разных общественных групп, и теми специфическими классово-диалектными жаргонными словами, которые примешиваются к общенародному языку и нередко засоряют его, например: *заложить за галстук, под шефе, под мухой, положение хуже губернаторского*.

Если помета «слэнг» должна остаться в качестве термина советской лексикографии, то нужно определить содержание этой пометы, пересмотреть слова, относимые к этому слою, и отграничить их от слов жаргонного характера¹, диалектизмов, профессионализмов и общеупотребительных образных слов (типа *yes-man*). Помета «слэнг» должна быть оставлена для той части словарного состава языка, которая, будучи противопоставлена литературному словарю, не содержит вульгаризмов, жаргонизмов, профессионализмов и диалектизмов.

Некритическое пользование этой пометой в словарях, выпускаемых Издательством иностранных и национальных словарей, нередко ведет к неправильному толкованию особенностей языкового стиля того или иного писателя, в произведении которого встречаются слова и обороты, относимые этими словарями к «слэнгу». Ведь известно, что такие крупные представители английского и американского критического реализма, как Диккенс, Теккерей, Голсуорси, Драйзер и др., не только в прямой речи персонажей, но и в авторской речи пользуются словами и оборотами, имеющими в словарях помету «слэнг»².

Конечно, в стихии английской разговорной речи, в которой «слэнг» развивается особенно плодотворно, трудно строго отграничить этот слой слов от пограничных с ним слоев профессионализмов, диалектизмов и вульгаризмов. Однако эти трудности свидетельствуют лишь о постоянных процессах движения и взаимодействия указанных лексических пластов. Пограничные случаи не исключают, а лишь подтверждают факт существования крайних случаев. Задача составителей англо-русских словарей — критически пересмотреть слова, относимые к «слэнгу», и попытаться более четко отграничить общеупотребительное, живое, нарождающееся от языкового шлама, засоряющего литературный английский язык.

¹ Для этого разряда лексических единиц существует термин «жаргон» («jargon» или «cant»), содержание которого с относительной точностью определено практикой лексикографии.

² Иногда такие слова оформлены кавычками, если новизна и условность их употребления особенно ощущается или же если их употребление считается предосудительным.

Я. А. СПРИНЧАК

К СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ МОСКОВСКИХ И УКРАИНСКИХ ГРАМОТ XIV—XV вв.

Важной проблемой в области изучения истории русского народа и истории русского языка XIII—XVI вв. является проблема формирования великорусской (русской) народности и ее языка.

В связи с этим перед исторической лексикологией русского языка встают определенные задачи, а именно: а) восстановить основной словарный фонд языка великорусской народности и определить его отношение к основному словарному фонду языка древнерусской народности, а также к основному словарному фонду складывающихся в то же время языков белорусской и украинской народностей; б) проследить отражение лексики великорусского происхождения в письменных памятниках эпохи формирования языка великорусской народности; в) изучить диалектную лексику, зафиксированную в письменных памятниках этого периода, и установить ее отношение к диалектам древнерусского языка, а также к современным говорам русского и других восточнославянских языков; г) рассмотреть взаимодействие общеславянской и старославянской лексики с исконно русской лексикой в эпоху формирования языка великорусской народности; д) исследовать лексические заимствования из других языков, проникшие в русский язык этого периода; е) изучить исторические изменения в отдельных семантических разрядах русской лексики данного периода; ж) разработать историю отдельных слов и выражений в связи с историей русского народа этой эпохи и т. п.

При решении намеченных вопросов наряду с этимологическими исследованиями, проводимыми на основе сравнительно-исторического метода, нам представляется целесообразным применение более широкого сравнения словарного состава языков восточнославянских народностей в эпоху их формирования, в процессе которого учитывалось бы не только сходство, но и различие изучаемых лексических фактов. Эти факты должны рассматриваться как составные элементы целостных лексических систем того или иного языка.

При изучении процессов лексической дифференциации формирующихся языков восточнославянских народностей следует различать явления двух родов: во-первых, использование этими языками лексических единиц, унаследованных из языка древнерусской народности, и, во-вторых, употребление новых лексических единиц, входящих в словарь языка той или иной восточнославянской народности из местных говоров или заимствованных из языков соседних народов. Важно подчеркнуть при этом, что такие новые слова, в отличие от общего унаследованного из языка древнерусской народности основного словарного фонда, неизвестны другим родственным языкам.

Так, например, в словаре языка великорусской народности появляется

ряд новых слов, не употреблявшихся в древнерусском языке и не встречающихся в языках белорусской и украинской народностей или только одной из них: *деньги* (ср. белорус. *грошы*, укр. *гроші*), *деревня* [ср. белорус. *вёска*, укр. *село*, хотя в украинском языке слово *деревня* изредка употребляется со значением «срубленный лес для постройки»¹, «деревья» (собирает.)²], *мельница* (белорус. *млын*, укр. *млин*), *крестьянин* (белорус. *селянін*, укр. *селянин*), *кружево* (белорус. *карункі*, укр. *мереживо*), *лавка* «торговое заведение» (ср. белорус. *крама*, укр. *крамниця*, но встречается диалектное *лаўка*), *пашня* (белорус. *ралля*, *ніва*, укр. *рілля*, *нива*, *поле*), *пруд* (белорус. *сажалка*, *стаў*, укр. *став*), *пуговица* (др.-русс. *пугы* — *пугъве*, белорус. *гузік*, укр. *гудзик* при диалектном *пуви́чка*). Употребление этих слов зафиксировано московскими грамотами XIV—XV вв.³

Отметим отражение великорусской лексики в других письменных памятниках XV в. В Судебнике великого князя Ивана Васильевича 1497 г. встречаются такие слова великорусского происхождения: *гобѣ*, *государь* «владелец холопа», «хозяин», *деньга*, *деньги*, *деревня*, *за жигальщикъ*, *ищя* «истец», *кабама*, *кнутъ*, *крестьянинъ*, *лошадь*, *небѣльщикъ*, *пашня*, *ответчикъ*, *пожня*, *полтина*, *помѣщикъ* — фонетический и словообразовательный вариант «помѣстникъ», *росчетъ*, *цѣловальникъ* и др.

Еще больше таких слов можно отметить в Московском летописном своде конца XV в.: *взметчикъ* «посол со взметной грамотой», *врагъ* «овраг», *государь* «титул великого князя», *дворане* «дворовые люди», *денежникъ* «чеканщик денег», *деревня*, *истобникъ*, *коверь*, *коврига*, *мониста*, *норовникъ*, *нардѣ* «управление», «порядок», *околотокъ*, *окольный*, *опасчикъ* «посол, имеющий грамоту на безопасный проезд», *опришная*, *павозокъ* «судно с мелкой осадкой», *плотникъ*, *поварня*, *подъячий*, *полати*, *рожъ*, *сапоги*, *сермага*, *соха* «единица обложения», *стрѣльцы* «род войска», *тамга* «пошлина с продаваемого товара», *толмачъ* «переводчик», *топоръ*, *ужинъ*, *уха*, *уѣзды*, *хыдыричикъ* «местный чиновник», *часовицикъ* и др.

Можно предположить, что некоторые из слов, ставших принадлежностью словаря отдельных восточнославянских языков, первоначально относились к территориальным диалектам, входившим в состав единого языка древнерусской народности, т. е. к древнейшему слою диалектной лексики (к сожалению, очень слабо изученному). Поскольку языки восточнославянских народностей создавались на основе территориальных диалектов, можно думать, что областная лексика из этих говоров могла проникнуть в основной словарный фонд отдельных языков восточнославянских народностей.

В памятниках древнерусского языка, написанных на юге и на севере Киевской Руси, исследователи неоднократно отмечали употребление областных слов, характерных для определенных территориальных диалектов, например в южнорусской летописи по Ипатьевскому списку: *вълна* «овечья шерсть», *въверица* «белка», *гать* «мост через топь», *кры* «льдина» (ср. укр. *крига*), *укропѣ* «кипяток», *хлоудѣ* «жердь», «шест»

¹ Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, [Харьков], 1925, стр. 411. Кстати, там же отмечено значение «деревянный дом».

² «Украинско-русский словарь», т. I, Киев, Изд-во АН УССР, 1953, стр. 392.

³ Большая часть указанных слов отмечена в автореферате кандидатской диссертации О. В. Горшковой «Язык московских грамот XIV—XV веков» (лексика и фразеология) (М., 1951, стр. 14—18.) Следует, однако, заметить, что отдельные слова в этой работе автор ошибочно относит к великорусской лексике. Так, например, слово *мельникъ*, встречающееся в московских грамотах, О. В. Горшкова считает великорусским по происхождению словом. С этим мнением нельзя согласиться, так как данное слово является принадлежностью словаря всех восточнославянских языков. Русскому слову *мельник* соответствуют белорус. *мельнік*, укр. *мельник*, *мірошник* (последнее появилось в украинском языке позднее). На основании этого полагаем, что слово *мельник* восходит к древнерусскому словарю.

и др.; в севернорусской Первой Новгородской летописи по Синодальному списку: *вѣща* «белка», *вѣрьшъ* «хлеб», «посевы», *рѣль* «поемный луг», *волога* «род пищи», *олонесь* «в прошлом году», *одерень* «навек», «крепко», «сполна», *удьнье* «полдень», «отдых после обеда» и т. п.¹

Обращаясь к изучению характера процессов лексической дифференциации языков великорусской и украинской народностей в период их формирования, сравним словарный состав московских и украинских грамот XIV—XV вв.² Сравнимые с лексической стороны московские и украинские грамоты XIV—XV вв. являются памятниками официально-делового языка, применявшегося в административно-судебной жизни Московского великого княжества и Великого княжества Литовского. Относительная близость этого языка, обслуживавшего сферу производственной, торгово-экономической и судебно-государственной жизни общества, к живой народной речи дает основание думать, что в московских грамотах мы имеем дело с отражением языка формирующейся великорусской народности, а в старинных украинских грамотах этого же периода зафиксирован формирующийся язык украинской народности. Однако следует отметить, что в словаре сравниваемых московских и украинских грамот встречается много общих слов, употреблявшихся в административно-деловом языке Киевской Руси.

Приведем некоторые примеры, характеризующие общность лексического состава тех и других источников.

Казнь «наказание»: «А чересъ сю мою грамоту хто на них што возмет или чимъ ихъ изобидитъ, быти ѿ мене в казни» (Жал. Вас. Дм. Тр. м-рю 1415—1425); «а не испра^{ва} ка. судити намъ бѣ.й честный кѣтъ. и шеподарѣ казнь ѿ гроза» (Роз., № 15, ок. 1386).

Розъѣздъ «размежевание»: «а кн(а)зю великомѣ олгѣ не встѣпатиса по томъ роз(ъ)ѣздъ» (Док. Дм. Ив. с в. кн. ряз. Ол. Ив. [1382]); «тогда ѿблззничекъ трѣе братиничи. оучинили. с даниломъ розъѣздъ» (Роз., № 43, 1411).

Исправа «решение дела»: «А кто иѣметъ насъ сваживати..., [исп]рава ны учинити» (Док. Сем. Ив. с братьями [ок. 1350—1351]); «оучинит(ъ) который дѣлѣны члвкъ кривдѣ, любо воювода. а любо панъ. оучинити исправу ис нимъ» (Роз., № 3, 1352).

Послухъ «свидетель»: «А на сю грамоту послус(и)» (Дух. Ив. Ив. [ок. 1358]); «Я кто на то оустанитъ тотъ заплатитъ грѣшнѣ золота вны а грѣшнѣ золота послухо.мъ» (Роз., № 8, 1368).

Продолжим перечень таких слов, приводя их без привлечения соответствующего контекста³.

Бортъ «лесной пчельник», *истецъ* «ищущая сторона в судебном процессе», *гривна* «денежная единица», *грамота* «письменный акт», *вѣданье* «ведомство», «подчинение», *волостель* «управитель волости», *десѣтина* «налог в размере 1/10 дохода», *мытъ* «торговая пошлина», *порука* «поручительство», *приказъникъ* «должностное лицо феодальной администрации»,

¹ Значительный материал по диалектной лексике приводит Ф. П. Филин в своей работе «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» («Уч. зап. [Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена]», т. 80., Л., 1949).

² Лексический материал из украинских грамот приводим по книге проф. В. Розова «Українські грамоти», т. I (Киев, 1928). В тексте номер грамоты по этому изданию указываем в скобках. Словарный материал из духовных, договорных и жалованных грамот московских великих князей приводим по сборникам «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1950) и «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», т. I, (М., 1952) с сохранением особенностей воспроизведения текста в этих изданиях.

³ Значения этих слов определялись при помощи «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, словарей Кочина, Дювернуа, Даля, Тимченко и ряда других.

продажа «денежный штраф в пользу князя», *орудие* «дело», *перевъсье* «снасть для ловли птиц», «охотничье угодьё», *погость* «поселение», «административно-хозяйственная единица», *ростъ* «приплата за ссуду», «процент», *радъ* «договор», «сделка», *татьба* «кража», *ратъ* «война», «войско», «поход», *рътъ* «процент», *серебро* «деньги», *серебреникъ* «крестьянин, взявший у феодала ссуду», *сотникъ* «должностное лицо, возглавляющее сотню», *станъ* «административный центр», «лагерь», «обоз», *староста* «лицо выборной администрации в общине», *сто* «сотня», «единица самоуправления городского населения», «купеческая организация», *тиунъ* (вариант *тивунъ*) «должностное лицо феодальной администрации», *товаръ* «товар», «имущество», «обоз», *уздъ* «административно-территориальная единица», *чернецъ* «монах», *жтство* «заключение», *юрлыкъ* «ханская грамота» и т. п.

Наличие общей лексики в словаре московских и украинских грамот, отражающих процесс формирования языков великорусской и украинской народностей, объясняется тем обстоятельством, что эти языки создавались на основе языка древнерусской народности. Приведенные слова были усвоены составителями грамот из официально-делового языка Киевской Руси. Часть их, повидимому, входила в основной словарный фонд языка древнерусской народности, например такие слова, как *ключникъ*, *холоп*, *роба*, *староста*, *грамота*, *приказникъ*, *отчина*, *ряд*, *полон*, *товар*, *серебро* и др.

Небольшую часть общей лексики в московских и украинских грамотах составляют слова, проникшие в официально-деловой стиль древнерусского языка из церковнославянского, например: *богородица*, *евангелистъ*, *благословение*, *апостоль*, *маслоустъ*, *митрополитъ* *всея Роуси*, *милостью бжию*, *великомученикъ*, *икона*, *ржство хрво* и т. п.

Лексические различия в словарном составе московских и украинских грамот определяются путем сопоставления семантически эквивалентных слов, употребляемых в этих грамотах. Такие различия, по нашему мнению, отражают процессы дифференциации формирующихся на основе местных диалектов языков великорусской и украинской народностей в области словарного состава, в котором эти процессы проявляются в первую очередь.

Лексические различия восточнославянских языков особенно отчетливо обнаруживаются в словах с одинаковым значением при различной лексической основе (ср. русск. *пруд* и укр. *став*) или различающихся по значению при одинаковой лексической основе (например, русск. *неделя* равнозначно укр. *тиждень*, а укр. *неділя* имеет значение «воскресенье»).

Приведем некоторые примеры употребления различных, но семантически эквивалентных слов в московских и украинских грамотах XIV—XV вв.

Врагъ — *юръ*; *вражекъ*, *врагъ* (совр. *овраг*): «да вражком ¹ вниз до рѣки до Городенки, да рѣкою Городнею въверхъ, а из рѣки из Городни въ Воловеи врагъ направо» (Жал. Ив. Вас. кн. вол. Фед. и Ив. Бор. 1497); *юръ*: «землю Держати Маетъ по самѣю Сѣхѣю каменницю С подолынами тамъ того мѣсца по рѣчкѣ рашковкѣ Кетералъ в днѣстръ впадаетъ И з оными Городищами И нѣхъ широкостю И дългостю зямалюю И изъ стѣлками И шрами Долонами Пѣ на днѣстромъ И въ полахъ» (Роз., № 93, 1459).

Впрокъ — *въчно*, *въ вѣки* ²; *впрокъ*: «А вымѣнил есми 8 своих брагани-

¹ Ср. название улицы в Москве «Сивцев вражек» (см. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, вып. 9, М., 1914, стр. 636).

² В новгородских грамотах в этом значении употребляется слово *одерънь*: «Даю за все за то два села съ обильемъ, и съ лошадьми, и съ бортью, и съ малыми селищи, и пень и колода, одерънь святому Гергью» (Дух. Климента не позднее 1270); текст

чевѣ ихъ земли во всемъ своемъ великомъ княжествѣ, гдѣ ни бѣди, себѣ и своимъ дѣтемъ въпрокъ» (Жал. Ив. Вас. кн. вол. Фед. и Ив. Бор. 1497); *въчно*: „а даемъ тому предъ писаному пану. андрѣю вологовичю. крѣху менованна мѣста. вѣчно и непорочно“ (Роз., № 65, 1433); *оу въки*: „ана продала петрашковн радѣцкѣ вѣскому свою дѣдинну оу вѣки и дѣтемъ нго“ (Роз., № 5, 1359).

Годъ, лѣто—*рокъ, лѣто*; *годъ*: «А оудутъ четьре годы, и тобѣ давати дань и юмъ по старому» (Док. Вас. Вас. с кн. гал. Юр. Дм., 1428); *рокъ*: „нчѣмъ ѣму то заплатити тыхъ шдину тысячу рублевъ. фразьского серебра. ѿ сего дни вышѣ писанаго. за два roky цѣла“ (Роз., № 42, 1411).

Правда, в украинских грамотах слово *рокъ*, согласно его этимологии, употребляется еще в значении «срок»: „а кто на рокъ не станеть. не а ни вкажеть. тотъ стратилъ тогда“ (Роз., № 36, 1401). Слово *лѣто*, имеющее значение русского слова *год* и украинского *рік*, употребляется одинаково как в московских, так и в украинских грамотах.

Господинъ—*панъ*; *господинъ*: «А тобѣ, г(о)с(поди)не, княз(ь) вел(и)кий, к собѣ его не примати же въ бокре» (Док. Сем. Ів. с братьями Іок. 1350); *панъ*: „а панъ ключъ имать того існого села. шидлова. оуживати“ (Роз., № 33, 1400).

В московских грамотах слово *господинъ* обычно встречается при обращении к великому князю. Аналогичный случай употребления в звательной форме слова *господинъ* можно отметить в Жалованной грамоте Свидригайла Ольгердовича Ивану Мущате (1445): „мущата рекъ предъ нами ѿ гне какъ коли не бѣло десятины“ (Роз., № 81). Кроме того, как в московских, так и в украинских грамотах употребляется слово *господарь* «хозяин», «владелец».

Грамота—*листъ*; *грамота*: «А дан(а) грамота на Москвѣ июл(я) того лѣта, коли город Москва погорѣла» (Жал. Вас. Дм. Тр. м-рю [1415]); *листъ*: „ѿ писанъ. листъ. оу смотричи“ (Роз., № 10, 1375). Иногда в украинских грамотах в этом значении (т. е. «письменный акт») встречается слово *грамота*: „а дана юсть грамота оу кохури“ (Роз., № 12, 1377).

Городской человекъ, горожанин—*мѣстичъ*; *городской человекъ*: «также игумен не вступаетъ в городскоз(о) ч(е)л(о)в(е)ка» (Жал. Вас. Вас. Тр. м-рю 1439); *мѣстичъ*: „коупила панъ ганько сварця мѣстичъ лвовски старшин. Б оленька оу. малечковича. дѣдичство на цирку“ (Роз., № 8, 1368).

Дьякъ—*писарь*; *дьякъ*: «А грамоту пис(а)лъ дьякъ Нестеръ» (Дух. І Дм. Ив. 1378); *писарь*: „а писалъ. писарь. Малохѣй. королевымъ приказомъ“ (Роз., № 32, 1399).

Очень редко в украинских грамотах встречается слово *дьякъ*, например: „а писалъ грамоту писарь пана старестыня дьякъ изъ болестрашничъ именовъ дьячковичъ“ (Роз., № 5, 1359).

Деньга, деньги—*грошь, гроши*; *деньга*: «А мыта с воза по дензе» (Док. Дм. Ив. с вел. кн. ряз. Ол. Ив. [1382]); *грошь*: „ѿ шты могорич оу выкицкого оу дому за копу грошии“ (Роз., № 5, 1359). Формы множественного числа этих названий монет являются общим наименованием денег. Правда, в этом значении в московских и украинских грамотах употребляется еще древнерусское слово *серебро*.

Заняти—*позичити*; *заняти*: «А что есмь занал оу гостей и оу суконьниковъ шестьсотъ рублевъ» (Док. Вас. Вас. с кн. гал. Юр. Дм. [1433]); *позичити*: „пано петр воево моладавы. зать и приатѣлъ нашъ. позичило на д тысячѣ рубели фразьского серебра“ (Роз., № 19, 1388).

приводится по изданию «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949. Сравнение лексики московских грамот с лексикой новгородских письменных памятников проведено в кандидатской диссертации О. В. Горшковой «Язык московских грамот XIV—XV веков».

Золожити — заставити; заложено: «а заложено 8 нег(о) в тѣх денгах чепь золота, да пояс золот, да ковшь золот» (Дух. кн. вол. Андр. Вас. [1481]); *заставити*: „а се в панъ миѡхано. нѡановичъ. заставилъ свое село. черпыны. григореву снѹ дѣдѣвского. останкеви“ (Роз., № 16, 1386).

Колодазь — криница; колодазь «соляной колодез»: «да что взяли колодаз(и) и с варницею оу Ивана оу Семенович(а) варити соль на три годы за росты» (Жал. Вас. Вас. Тр. м-рю 1449); *криница*: „ѡтъ тое сеножати земля оуся по ланы а по гостиницѣ по Кешиенский по старый а по белоте, а по криницѣ оу солотиннахъ земля и сеножати ѡ колодаза до колодаза по уквозицѣ по Добраенский пѹть, а по криницѣ подѣ оуво: нѣмѣ ѡ лисен горы по белоте“ (Роз., № 78, 1443).

В приведенном отрывке, как видим, рядом употребляются слова *криница* и *колодазь* в одном лексическом значении.

Или — або; или: «ты, или твой бояръ» (Док. Дм. Ив. с в. кн. тв. Мих. Алекс. [1375]); *або*: „ѡан жѣ заплативши триста кѣпъ широкиѣ грошей панѹ Чусѣ аѡ по темѣ будѹчимъ“ (Роз., № 70, 1434).

Рядом с *або* в украинских грамотах встречается и союз *или*: „ажѣ побегнѣтъ рѹсина а любо рѹска. нѣн во львѣскѣ. нѣн хѣлѣпѣ чини. нѣн роба. выдати его“ (Роз., № 3, 1352).

*Крестъ юнинъ — кметъ*¹; *крестъ юнинъ*: «своим есми намѣсником и волостелем хрестъян ихъ судити не велѣл» (Жал. Вас. Вас. Тр. м-рю [1455—1462]); *кметъ*: „не каждого кметѣ. по два гроша широка. оу княжую коморѹ давати на каждыи рекѣ“ (Роз., № 12, 1377).

Льгота — привиле; льгота: «дал еси лготу на пат(ь) лѣтъ выхода не дати» (Док. Вас. Вас. с белоз. кн. Мих. Андр. 1450); *привиле*: „я писалъ привилѣ сѣ поповицѣ болѣстрашницкѣи“ (Роз., № 6, 1366).

Мельница — млинъ; мельница: «Да в Можайске даю своеи кн(а)г(и)нѣ село Чертановское з деревнами и з дворы з городскими... да мелницю под городом под Можайском на Москвѣ на реце» (Приписн. к Дух. Вас. Вас. 1461); *млинъ*: „кратъ нашѣ. кнѣ. юрийнѣ. корѣтовѣ. придалъ млинѣ. кѣ. црквѣ. кѣ матцѣ. бѣн“ (Роз., № 10, 1375).

Недѣля — тыжьдень; недѣля: «недѣля до Юрьева да недѣля по Юрьевѣ дни, въ двѣ недѣ(ь)ли» (Грам. Ив. Вас. в Ярославль боярину И. Оболенскому [1463—1468]); *тыжьдень*: „а писанѣ лнстѣ оу коломынѣ. оу тыжьднѣ по стѣмѣ миѡханаѣ“ (Роз., № 31, 1398).

Как известно, слово *недѣля* в современном украинском языке обозначает «воскресенье». В этом значении слово *недѣля* зафиксировано в украинских грамотах: „а те сѣ дѣлао оу недѣѣ. оу дѣѣ стѣго васнана“ (Роз., № 49, 1419). С иным значением это слово употребляется в устойчивом словосочетании *свѣтаѣ недѣля*: „а дѣѣ ѹ лвоѣ ѹ средѹ свѣтоѣ недѣлѣ“ (Роз., № 46, 1414).

Но — але; но: «тыхъ ны въ службу не приимати, но блюсти ны ихъ ихъ с одного (Док. Дм. Ив. с кн. серп. Влад. Андр. [ок. 1367]); *але*: „нижъ было на двоѣ. але а далѣ за одно“ (Роз., № 2, 1349).

Пашня — рольѣ; пашня: «а до верхов(ь)а мало не дошод, да направо во враг, поперег пашен, да врагом вверхъ» (Жал. Ив. Вас. кн. вол. Бор. Вас. 1483); *рольѣ*: „нѣ ланѣ. ѣсмо. со млинѣ. с полми сѣ рольѣми сѣ сѣножатни. сѣ лѹками. сѣ пѣстѣми. сѣ водами“ (Роз., № 54, 1424).

Изредка в украинских грамотах встречается и слово *пашня* (отмечено по 5 случаям): „село наше тѹланы со всиѣ тыѣ што к тому Белѹ нѣздавна прислѹхало с паш-

¹ Современное украинское слово *кметъ* имеет значение «крестьянин», «хлебопашец» (см. Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, стр. 793). Следует, однако, отметить, что в последнее время оно вышло из употребления и заменилось словом *селянин*. Ср. древнерусск. *къметъ* «витязь», «знатный», при др.-чеш. *kmetský* «крестьянский»; ср., впрочем, совр. чеш. *kmel* «старик», «член сельского суда».

чнѣмъ ѿ сѣ сеножатми сѣ земами борѣтными ѿ зѣ борзовыми гены ѿ с ловы" (Роз., № 89, 1457).

Послухъ—свѣдокъ; послухъ: «А на се послуси» (Дух. Ив. Дан. [ок. 1339]); *свѣдокъ:* „а прѣ томъ бѣли свѣдци“ (Роз., № 52, 1421).

Как отмечалось выше, в древних украинских грамотах иногда употребляется слово *послухъ* (см. Роз., №№ 6, 8, 14). (Слово *послоухъ* в украинских грамотах встретилось 8 раз, слово *свѣдокъ*—47 раз).

Прудъ—ставъ; прудъ: «да Глушицою вверхъ на Михалев пргдъ» (Жал. Ив. Вас. кн. вол. Бор. Вас. 1483); *ставъ* (вариант *ставокъ*): „дали есмъ о емоу Бело липсую оу перемьяскомъ Повѣтѣ 6 окѣма берги ставоу ѿ со манномъ ѿ со мшанцѣ 6 мытемъ“ (Роз., № 85, 1451).

Тать—злодѣи; тать: «А тата, и д(у)шегупца, и розбоиника, и грабежника, гдѣ имуть, тгѣ судатъ» (Док. Вас. Дм. с в. кн. твер. Мих. Алекс. [ок. 1396]); *злодѣи:* „иже пондетъ к[тѣ] за своѣмъ злѣдѣмъ горачи пытѣ“ (Роз., № 73, 1435).

Тагло—повинность; тагло: «и тѣм численнымъ людемъ и ординцомъ тянути по старинѣ всякое тагло с числаки и с ординпы» (Разъезжая Ив. Вас. сыну Юрию 1504); *повинность:* „а повио сѣтъ и сѣсѣтъ Прѣкомъ Нашимъ Шдавали И наѣмъ Шдають“ (Роз., № 93, 1459).

Оуѣздъ—повѣтъ; оуѣздъ: «село на Сѣверьспѣ в Похранѣскомъ оуѣздѣ» (Дух. Ив. Дан. [ок. 1339]); *повѣтъ:* „дали есмо тому прѣреченому пану андрѣю за ѿго кѣрнѣю сѣмоу михани. оу луцкомъ. повѣтѣ протнѣя ѿго ѣтчины загорска“ (Роз., № 6, 1433).

Оудѣль, часть—дѣлница; удѣль: «а того оудѣломъ подѣлитъ ихъ мою княгини» (Дух. II Дм. Ив. [1389]); *часть:* «и княгини моя подѣлитъ его возма по части у болшиѣ его братиѣ» (Дух. II Дм. Ив. [1389]); *дѣлница:* „панаъ волѣчко панаъ хѣдакъсѣ. сыновецѣ. лѣвничѣ. не пани хѣдаковою женою. и сѣ ѣѣ дѣтми. и затѣмъ ѣѣ кѣюсомъ. поведналисѣ. о сѣла виштка. о дѣлницу“ (Роз., № 28, 1393).

Приведенный здесь лексический материал дает известное представление о начавшемся процессе дифференциации языков великорусской и украинской народности в области словаря. Особенно показательным в этом плане оказывается сопоставление тех слов из московских грамот, которые не встречаются в украинских грамотах, и соответствующих им по значению слов из украинских грамот, которые не употребляются в московских грамотах. Значения этих слов обычно являются почти тождественными, иногда — синонимичными.

Приведем некоторые слова, употребляющиеся в московских грамотах XIV—XV вв. и неизвестные памятникам белорусского и украинского языков: *деревня* «небольшое поселение», *костки* «дорожная торговая пошлина», *статокъ* «имущество нарушителя закона», *животъ* «имущество», «пожитки», *числакъ* «человек, который платит подушную подать», *рухладъ* «движимое имущество», *впрокъ* «навечно», *оброчникъ* «лицо, платящее оброк», *крестъ юнникъ*, *дворанинъ*, *третчикъ*, *пуговица*, *кружево*, *свободчикъ*, *недѣльчикъ*, *лавка* «торговое заведение», *деревеничикъ*, *таможникъ* и т. п.

В лексике московских грамот можно отметить употребление татарских слов, заимствованных русским языком в период татаро-монгольского ига: *алтынъ* «монета стоимостью в шесть денег», *деньга* «мелкая монета», *кабала* «долговое обязательство», *тамга* «торговая пошлина», *юсакъ* «подать», *юмъ* «содержание почтовой гоньбы и пошлина на ее содержание», *юрлыкъ* «ханская грамота» и др.

В украинских грамотах этого периода встречаются, кроме отмеченных выше, следующие слова: *брунатъный* «коричневый», *копа* «счетная единица, равная 60», *корчма* «кабак», *коштъ* «средства», *зрѣженъе*, «договор, соглашение», *згадати* «подумать», *иный* «иной», *мешканье* «место

жительства», *личба* «счет», *мочило* «пруд для мочения льна и конопли», *понедѣлокъ* «понедельник», *полонина* «горное пастбище», *пригода* «случай», «приключение», *нащадокъ* «потомок», *рада* «совет», «дума», *сведоцтво* «свидетельство», *скарбъ* «казна», *тесла* «плотник», *урадник* «чиновник», *часъ* «время», *шкода* «ущерб», «вред», *уживати* «пользоваться» и т. п.

В лексическом составе украинских грамот заметное место занимают словарные заимствования из польского языка, например: *влость* «область» (польск. *włość*), *вшелакый* «всякий» (польск. *wszelaki*), *кды* «когда» (польск. *gdy*), *моцно* «сильно» (польск. *mocno*), *круль* «король» (польск. *król*), *зацный*, *цный* «честный», «благородный» (польск. *zasny, cny*), *маршалокъ* «дворецкий» (польск. *marszałek*), *опатренье* «попеченье» (польск. *opatrzanie*), *обѣцати* «обещать» (польск. *obiecąć*, др.-русс. *обѣчевати*), *свенеть* «улей» (польск. *swiepet*), *шляхта* «дворянство» (польск. *szlachta*) и др.

Различия в словарном составе московских и украинских грамот объясняются тем, что процессы формирования языков великорусской и украинской народностей совершались на различной диалектной основе и протекали в различных общественно-исторических условиях и притом в границах разных государственных объединений.

Рассмотренный лексический материал, извлеченный из московских и украинских грамот XIV—XV вв., дает основание полагать, что при сохранении унаследованного из древнерусского языка устойчивого основного словарного фонда в языках великорусской и украинской народностей в этих языках происходит его пополнение за счет лексики местных говоров и частично иноязычных заимствований. Особенно заметные изменения наблюдаются в области словарного состава формирующихся языков восточнославянских народностей, в его наименее устойчивых элементах. Черты сходства, унаследованные из предшествующей эпохи восточнославянской языковой общности и восходящие к языку древнерусской народности, дольше сохраняются в области устойчивого основного словарного фонда этих языков.

Я З Ы К О З Н А Н И Е З А Р У Б Е Ж О М

Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ИНДИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В Индии существует древняя языковедческая традиция, насчитывающая не менее двух с половиной тысяч лет. Эта традиция не является одним лишь достоянием истории — она продолжает оказывать сильное влияние на индийское языкознание (особенно на методы обучения) и в наши дни. До сих пор в Индии имеются многочисленные учебные заведения, в которых пандиты обучают своих учеников языку ведийских гимнов, санскриту и трудам древних грамматистов традиционным способом, т. е. устно, на слух, не прибегая к каким-либо книгам или письменным пояснениям. Для некоторых филологов языком науки продолжает оставаться санскрит, а не их родной разговорный язык или английский. Индийские ученые публикуют написанные ими на санскрите комментарии к древним текстам во многих филологических журналах.

Влияние древней грамматической традиции распространяется прежде всего на изучение древних языков Индии, которое составляет лишь определенную часть научных интересов современных индийских лингвистов. В Индии широко поставлено также изучение современных языков индоевропейской и дравидской групп. Актуальными задачами индийского языкознания, требующими применения новых научных методов, является описание современных разговорных диалектов и создание диалектологического атласа, разработка исторических и нормативных грамматик отдельных языков Индии, создание сравнительно-исторических грамматик этих языков, определение связей между языками разных систем (индоевропейскими, дравидскими, мунда и др.).

В центре внимания языковедов Индии находятся, естественно, языки самой Индии. Из неиндийских языков наиболее широко изучаются языки стран, граничащих с Индией, а также языки, в свое время оказывавшие определенное влияние на языки Индии. Это прежде всего иранские языки¹, арабский и китайский². Из западных языков широко изучается английский, который до сих пор является одним из двух государственных языков Индии (другим является хинди). В некоторых учебных заведениях Индии

¹ Среди последних работ по иранской филологии отметим: J. C. T a v a d i a, *Indo-Iranian Studies*, Santiniketan: vol. I—1950, vol. II—1952; D. D. K a r a d i a, *Glossary of Pahlavi Vendidad*, Bombay, 1953; F. D. R a b a d i n a, *The Gathas of Zarathustra*, Madras, 1948 — перевод, 1954 — комментарии и др. Вообще следует отметить большой интерес к Авесте со стороны парсов из Гуджарата, издающих в Бомбее переводы этого текста, комментарии и глоссарии к нему. Вопросам индо-иранских культурных и языковых связей посвящен ряд специальных журналов: «Iran league quarterly» (Bombay); «Indo-Iranica» (Calcutta); отчасти «The Indo-Asian culture» (Calcutta) и др.

² В Калькутте выходит журнал «Sino-Indian studies», публикующий работы об индо-китайских связях.

(например, в Делийском, Калькуттском университетах и др.) изучается также русский язык.

Охарактеризуем теперь кратко отдельные центры индийского языкознания и круг научных проблем, разрабатываемых каждым из этих центров.

Один из главных центров востоковедения Индии находится в Пуне, где расположены крупнейшие научно-исследовательские ориенталистические институты: Научно-исследовательский институт Бхандаркара (Bhandarkar oriental research institute), Отделение диссертантов и Научно-исследовательский институт при Декканском колледже (Deccan college, post-graduate and research institute), Общество по изучению Вед (Vaidika samcōdhan mandal) и др. Круг проблем, разрабатываемых в этих институтах, охватывает всю историю развития индоевропейских и дравидских языков Индии, начиная от ведийского периода и кончая современными разговорными диалектами.

Важным участком научной работы в Пуне является критическое издание основных древнеиндийских памятников с комментариями. В результате многолетнего труда коллектива индийских ученых вышло в свет пятитомное издание древнейшего ведийского памятника — Ригведы и издание древнеиндийского эпоса Махабхарата, получившие высокую оценку специалистов¹. В Пуне издается большое количество журналов по индийской филологии, в которых сотрудничают также западные ученые².

Монографии и диссертации по таким важным и до сих пор недостаточно разработанным вопросам, как историческая грамматика пракритов и апабхранш, история развития отдельных дравидских языков и др.³, регулярно публикует Декканский колледж. Этот колледж, являющийся одним из крупнейших языковедческих научных учреждений страны, кроме того, проводит подготовку научных кадров на основе последних достижений современной лингвистики. Летом 1955 г. при Декканском колледже были организованы лингвистические курсы для преподавателей колледжей и профессоров из разных мест Индии под руководством виднейших лингвистов Индии и специально приглашенных западных ученых. Курс общего языкознания и общей фонетики был прочитан проф. Сунити Кумар Чаттерджи — одним из известных языковедов Индии, автором книги «Происхождение и развитие языка бенгали»⁴, курс древнеиранских языков и культуры — бывшим директором этого колледжа проф. Тарапореваля. Курс исторической лингвистики прочли проф. Сукумар Сен — автор исследований по истории пракритов и проф. Бабурам Саксена — крупный специалист в области исторической диалектологии.

Оживленная языковедческая работа ведется в Калькутте, где живет и работает С. К. Чаттерджи, а также в Бомбее. Там изучаются индоевропейские и дравидские языки Индии, как древние, так и современные (в Калькутте — главным образом бенгали, в Бомбее — маратхи и гуджарати). Издаются неопубликованные тексты и надписи на индийских

¹ «Rgveda-Samhitā with the commentary of Sāyanāgārya», Poona: vol. I (манд. 1-я) — 1933, II (манд. 2—5-я) — 1936, III (манд. 6—8-я) — 1941, IV (манд. 9—10-я) — 1946, V (индекс) — 1951; «The Mahābhārata, for the first time critically ed. by V. S. Sukthankar and S. K. Belvalkar» (Bhandarkar oriental research institute, 1949—1951).

² Важнейшие из этих журналов: «Annals of the Bhandarkar oriental research institute» (в дальнейшем ABORI), «Bull. of the Deccan college research institute», «Poona orientalist» и «Vāk».

³ В планы Декканского колледжа входит создание монографий по истории развития всех основных дравидских языков, что отчасти уже осуществлено.

⁴ S. K. Chatterji, The origin and development of the Bengali language, Calcutta, 1926.

языках¹, выходят многочисленные журналы по индийской филологии², в том числе специальный лингвистический журнал «Indian linguistics. A quarterly bull. of the Linguistic society of India» (IL) в Калькутте.

Подготовка полного критического издания эпоса Рамаяны по образцу изданной в Пуне Махабхараты является основной задачей Востоковедческого института в Бароде (штат Бомбей). В связи с этой задачей текст Рамаяны подвергается комплексному изучению с лингвистической (изучением этой стороны Рамаяны занимается Нилмадхав Сен), исторической, литературной, географической и других точек зрения. Печатным органом местного Востоковедческого института является «Journal of the Oriental institute M. S. university of Baroda» (в дальнейшем — JOI Baroda).

Крупным центром традиционной индийской филологии является Бенарес с его индуским университетом³ и Обществом по распространению хинди (Nāgarī pracārīṇī sabhā)⁴. Специальный институт по изучению вед имеется, кроме Пуны, также в Хошиарпуре, куда он был переведен из Лахора в 1947 г. В работе этого института принимает участие один из ведущих лингвистов Индии, известный санскритолог, лексикограф и диалектолог Сиддхешвар Варма. В Дели находится Индийская национальная академия литературы (Sahitya academy)⁵, занимающаяся современными индийскими литературами и языками; в Патне — научно-исследовательский институт пали⁶, в Шантиникетане (Бенгалия) — университет, основанный Рабиндранатом Тагором⁷, и многие другие.

В Южной Индии, на родине дравидских языков, изучаются прежде всего языки этой группы, но, кроме того, широко распространено изучение санскрита. Главным центром санскритологии является Мадрас, где находится Академия санскрита (Madras Samskr̥ta academy) и специальный научно-исследовательский институт (Kuppuswami Shastri research institute). Конференции санскритологов Юга обычно проводятся в Мадрасе⁸. Санскрит изучается также во многих других городах Южной Индии⁹.

Современные дравидские языки и их история изучаются во многих научных учреждениях Южной Индии. Центром изучения тамили является Мадрас, в библиотеках которого хранится большое количество древних тамильских рукописей, представляющих собой ценный материал для изучения истории языка; рукописи эти периодически издаются одна за

¹ Например, в Бомбее научное общество Haritoṣa samiti издает ряд ранее не опубликованных санскритских текстов с комментариями в серии «Haritoṣa māla»; Институт изучения маратхи (Marāṭhī post-graduate and research institute) публикует тексты и работы по маратхи в журнале «Marāṭhī ṣaṁśodhana patrikā» и т. д.

² Отметим среди них выходящие в Калькутте: «Journal of the Asiatic society», «Journal of the Buddhist text society of India», «The Indian historical quarterly» (в дальнейшем ИИО), в котором печатаются не только исторические, но и языковедческие статьи; «The Sanskrit sāhitya parishad patrikā» и др. В Бомбее печатаются: «Journal of the Bombay branch of the Royal asiatic society», «Journal of K. R. Cama oriental institute», «Indian antiquary», «Bhāratiya vidyā» и др.

³ Бенаресский университет издает на санскрите филологический журнал «Sārasvatī suśamā».

⁴ Оно издает на хинди журнал «Nāgarī pracārīṇī patrikā» (Banaras).

⁵ Из филологических журналов, выходящих в Дели, назовем «Epigraphia Indica» и «Ancient India».

⁶ В издаваемом в Патне «Journal of the Bihar research society» публикуются санскритские тексты и надписи на новоиндийских языках.

⁷ Его печатным органом является журнал «Visva Bharati quarterly».

⁸ В Мадрасе выходит ряд востоковедческих журналов: «Annals of oriental research» (University of Madras); «Journal of the oriental research»; «Brahmavidyā»; «Journal of the oriental research» (The Kuppuswami Sastri research institute) и др.

⁹ Об этом см. T. V. Mahalingam, Sanskrit studies in South India, «Journal of oriental research», vol. XXIII, Madras, 1954.

другой¹. Исследования по языку малаялам проводятся главным образом в Эрнаукуламе, где работал один из самых крупных знатоков дравидской филологии Л. В. Рамасвами Айяр; языком каннада занимаются преимущественно в Карнатакском университете (г. Дхарвар), язык телугу изучается в Хайдерабаде².

В деле изучения дравидских языков и публикации древних рукописей и текстов большую роль играют недавно созданные академии отдельных дравидских языков и литератур. Изучению новоиндийских языков в значительной мере способствует также деятельность литературных организаций, имеющих почти в каждой крупной языковой области. Они ставят своей целью — содействовать изучению родного языка и литературы, публиковать древние и классические тексты, создавать словари (энциклопедические, толковые и переводные), нормативные грамматики и т. д.³. Эти же задачи в масштабах всей страны осуществляет Литературная академия, основанная в Дели в 1953 г., и Всиндийская ассоциация поэтов, драматургов, прозаиков, очеркистов и издателей (Indian P. E. N.), которая основана в 1934 г. и центр которой находится в Бомбее, а филиалы — во многих городах страны. Таковы главные научные лингвистические центры Индии.

Рассмотрим теперь круг основных вопросов, которые затрагиваются в работах современных индийских лингвистов. Многие из этих работ посвящены изучению отдельных периодов развития индоевропейских языков Индии (древний: ведийский и санскрит; средний: пали, пракриты и анабхранши; новый: языки Северной Индии, начиная с X в.), а также исследованию современных и древних неиндоевропейских языков (главным образом дравидских).

Одной из важных отраслей индийского языкознания является изучение ведийского языка. Веды, т. е. древние собрания гимнов богам (всего их четыре: Ригведа — гимны, Атхарваведа — заклинания, Самаведа — напевы и Яджурведа — ритуальные тексты), представляют большой интерес как для лингвистов, так и для историков.

Изучение вед сопряжено с большими трудностями вследствие наличия целого ряда не вполне понятных мест, связанных с доисторической мифологией, неясности значений многих слов и т. д. При таком положении особенно важно иметь научные критические издания ведийских текстов с комментариями, переводами, словарями, индексами к ним и пр.⁴. Задачи под-

¹ См. «Bull. of the Government oriental manuscript library» (Madras)

² В Южной Индии выходит большое число журналов широкого гуманитарного профиля, в которых печатаются работы по санскриту и дравидским языкам: «Ṣṛīman-mahārāja saṃskṛt mahāpāṭhaśālā patrikā» (на санскрите) (Mysore); «Journal of the Shri Venkateshwara oriental research institute» (Tirupati); «Bull. of the Ramvarma research institute» (Trichur); «Tamil culture. A quarterly review dedicated to the study of Tamiliana» (в дальнейшем TC) (Tuticorin); «Journal of the Telugu academy» (Oocanada) и другие многочисленные журналы университетов и колледжей.

³ Вопросами языка хинди и литературы на нем занимается Общество по распространению деванагари (Nāgarī pracāriṇī sabhā) в Бенаресе; соответствующими вопросами языка бенгали — Бенгальское литературное общество (Vaṅgīya sāhitya pariṣad) в Калькутте; вопросами языка гуджарати — Гуджаратское научное общество (Gujarāt vidyā sabhā) в Ахмедабате; языка маратхи — Литературное общество Махараштры (Mahārāṣṭra sāhitya pariṣad) в Пуणे; языка телугу — Научное общество Андхра (Andhrā Sarasvat parishat) в Хайдерабаде и т. д.

⁴ Следует отметить, что за последние годы вышел ряд работ, посвященных как общим вопросам текстологической интерпретации вед, так и толкованию наиболее трудных для понимания гимнов. Ср.: D. T. T a t a c h a r y a, Methods of Vedic interpretation, «Journal of Shri Venkateshwara oriental research institute», vol. XIV, № 2, 1953; T. D. Dh a v a n, Exposition of Vibhrat hymn of the Rig Veda, «Vedic digest», vol. I, Baroda, may, june — july, 1955; B. V i d y a l a n k a r, How Ved—mantras are wrongly translated and interpreted, «Vedic digest», vol. I. march — apr. 1955 и др.

готовки таких изданий ставит перед собой Институт ведийских исследований Вишвешварананда (Vishveshvaranand Vedic research institute) в Хошиарпуре, где разработан проект издания 101 тома ведологических работ: алфавитный указатель ведийских слов¹, грамматический указатель к Ригведе, Атхарваведе и к Тайттирия Самхите, двенадцатитомный ведийский словарь, критические издания текстов вед, их перевод, комментарии к ним и ведийская энциклопедия². Над подготовкой этих изданий сейчас работает большой коллектив индийских ученых.

Особый интерес для лингвистов представляет наиболее древняя из вед — Ригведа, в которой засвидетельствован один из самых древних образцов индоевропейских языков, хорошо сохранивший ряд архаичных фонетических и грамматических явлений. Тщательное изучение языка Ригведы даст ценный материал не только для истории индийских языков, но и для сравнительно-исторической грамматики других индоевропейских языков.

В Пуне было осуществлено образцовое издание Ригведы, которое в общем основывается на издании М. Мюллера³, хотя при этом был использован целый ряд новых рукописей⁴. В 1953 г. в ежемесячном журнале «Rigvedachen Marathi Bhashanter» был опубликован новый полный перевод Ригведы на язык маратхи.

Начиная с 30-х годов в журнале Бомбейского университета время от времени печатаются работы Х. Д. Веланкара, интерпретирующего гимны Ригведы, посвященные Индре⁵. С. Састри посвятил свое исследование анализу стиля и содержания гимнов 9-й мандалы, обращенных к Соме⁶. Тема этого исследования особенно интересна потому, что затрагивает такой дискуссионный вопрос, как место в Ригведе 9-й мандалы, которую некоторые ученые считают самой древней, так как она связана с индоиранским культом Сомы (авест. haoma).

Не менее важен для специалистов вопрос о редакции Ригведы. Хотя этот памятник в течение многих веков передавался только устным путем, передача была настолько точной, что до нас дошел только один вариант канонического текста. Ряд мантр Ригведы повторяется в более поздних ведах, причем порядок гимнов и стихов часто бывает там совсем иным. В. М. Апте, сопоставляя совпадающие данные Ригведы и поздних вед⁷, приходит к выводу, что в период сложения поздних ведийских сборников, возможно, существовала особая редакция Ригведы, предназначенная для ритуальных целей⁸.

Ряд работ индийских языковедов посвящен изучению отдельных линг-

¹ Из 14 запланированных томов этого труда (ред. Вишва Бандху) 5 томов выпущены за период 1935—1945 гг. Остальные тома, согласно пятилетним планам Института, должны выйти в свет к 1959 г.

² Эти труды публикуются в издаваемой Институтами серии «Shantakuti Vedic series».

³ «Rig-Veda-Samhitā», ed. by F. M. Müller, vol. I—IV, 2-d ed., London, 1890—1892.

⁴ Нельзя не упомянуть также о последнем издании Ригведы, снабженной самыми древними из дошедших до нас комментариями. См.: «Rigveda with the pre-Sayana commentary of Venkata Madhva», critically edited by Dr. L. Sarup in 4 big volumes, 1956.

⁵ См. последнюю по времени работу Х. Д. Веланкара (H. D. Velankar, Hymns to Indra in mandala X, «Journal of the University of Bombay», vol. XXII, part 2, 1953), представляющую собой переводы и аннотации этих гимнов.

⁶ См. S. Sastri, The Soma lyricism of Ṛg Veda, IHQ, vol. XXX, № 4, 1954.

⁷ См. V. M. Apté, Textual imperfections of the extant Ṛg Veda, сб. «Siddha-Bhārati. The rosary of indology. Presenting 108 original papers on indological subjects in honour of the 60-th birthday of Dr. Siddheshwar Varma», part I, Hoshiarpur, 1950.

⁸ К той же мысли, но иным путем пришел ранее немецкий индолог А. Хиллебрандт (см. A. Hillebrandt, Spuren einer älteren Rigvedarecension, «Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen hrsg. v. Dr. A. Bezzenberger», Göttingen, Bd. 8, 1884.

вистических явлений вед: акцентологии¹, сложных слов, этимологии и семантики различных слов². Среди этих работ отметим интересную статью С. С. Бхаве, в которой автор, полемизируя с К. Гельднером по поводу его перевода Ригведы, дает новую интерпретацию ряда сложных слов из 9-й мандалы на основе правил об акцентуации, указанных Панини³.

Большой интерес для исследователей представляет собой Ригведа также с точки зрения ее исторической основы. Как известно, существует обширная литература, посвященная вопросу о том, где и в какое время создавался этот памятник. Понятно, что для индийских ученых эти вопросы имеют особо важное значение. Согласно точке зрения западных ученых, имеющей наибольшее распространение, Ригведа создавалась приблизительно в конце II тысячелетия до н. э. Индийская традиция обычно признает этот памятник более древним⁴. Местом окончательного оформления дошедшей до нас редакции считается Пенджаб, куда индийские племена пришли через Малую Азию. Именно этой хорошо аргументированной гипотезы придерживается большинство специалистов⁵. Иная точка зрения высказывается в работе Р. Б. Пандея, который на основании такого шаткого довода, как порядок перечисления рек в одном из гимнов, предполагает, что так называемые «арийцы» были не пришельцами в Индию, а коренным населением, двигавшимся с востока страны на северо-запад⁶. Интересны также многие работы индийских ученых, посвященные изучению ведийской культуры, мифологии, символики и т. д.⁷.

Почетное место в индийском языкознании занимает изучение санскрита. Санскрит для индийских ученых представляет интерес не только как язык древней индийской литературы и культуры, но также как связующее звено между различными новоиндийскими языками, ибо в современной Индии санскрит продолжает функционировать в качестве языка литературы и науки. На санскрите создается художественная литература всех жанров, выходят газеты и журналы, пишутся научные статьи, ведутся научные и религиозные диспуты⁸. Санскрит для всех языков Индии является источником создания современной научной, технической и политической терминологии. В силу указанных причин правительство Индии уделяет большое внимание изучению этого языка, что нашло свое отражение в Конституции Республики Индии⁹.

¹ См. S. V a r m a, The Vedic accent and the interpreters of Pāṇini, «Journal of the Bombay Branch of the Royal asiatic society», vol. XXVI, № 1, 1950.

² См., например: V. M. A p t e, A problem presented by the word *śva-ghn-in* in the Rgveda, ABORI, vol. XXXI, 1950; R. N. D a n d e k a r, *Hṛd* in the Veda, там же, и др.

³ S. S. B h a w e, Interpretation of some Rgvedic compounds, JOI Baroda, vol. IV, № 4, 1955.

⁴ Этому вопросу посвящены следующие работы: D. R. M a n k a d, Date of the Rgveda, Ananda, 1952; P. C. D i v a n j i, The age of the Veda, «Journal of the Gujarāt research society», vol. XVI, № 3, Bombay, 1954, и др.

⁵ Например: Д. С. Триведа [D. S. T r i v e d a, Land of the Vedas, ABORI, vol. XXXIII, parts I—IV (1952), 1953] и Р. Сингх (R. S i n g h, Homeland of the Aryans, «Journal of the Bihar research society», vol. XV, part 2, 1954).

⁶ См. R. B. P a n d e y, The historical interpretation of the Nadi-Stuti hymn in the Rgveda, IHQ, vol. XXVI, № 4, 1950.

⁷ См., например: R. N. D a n d e k a r, The cultural background of the Veda, «University of Ceylon review», vol. XI, №№ 3—4, Colombo, 1953; H. G. N a r a h a r i, Soma and Rudra in Vedic mythology, «Bhāratiya vidyā», vol. XIII, Bombay, 1953; B. R. S h a r m a, Symbolism of fire-altar in the Vedas. A study with special reference to Arah, ABORI, vol. XXXIII, parts I—IV (1952), 1953 и др.

⁸ Любопытно отметить, что при переписи населения Индии в 1951 г. 555 человек объявили санскрит своим родным языком.

⁹ См. статью 351 Конституции. См. также выступление президента Индии Раджендра Прасада в Бароде—«The importance of Sanskrit» («Vedic digest», vol. I, march — apr.

В Индии издается большое количество санскритских текстов. Ведется обширная работа по изучению, комментированию и подготовке к печати ранее неопубликованных рукописей, хранящихся в библиотеках востоковедческих институтов Пуны, Калькутты, Бомбея, Мадраса и других городов. Переиздается ряд важнейших произведений древнеиндийской литературы, в том числе эпос Махабхарата, вышедший в Пуне в 1949—1951 гг., и Рамаяна, подготавливаемая к печати в Востоковедческом институте в Бароде (на специальном отделении Ramayana department). С лингвистической точки зрения особый интерес представляет выпускаемая Декканским колледжем серия «Sources of Indo-Aryan lexicography», включающая в себя издания средневековых санскритских синонимических и специальных словарей, а также грамматических трактатов¹. Из средневековых грамматических трактатов важно отметить издание знаменитого труда Вopaдевы, посвященного глагольным корням и образованию глагольных форм².

Работа над изданием санскритских текстов придавала особую актуальность выработке общих методологических принципов критики текстов. В «Prolegomena» В. С. Суктханкара был обобщен опыт критики текста Махабхараты, новый же этап работы — сличение редакций и критика текста Рамаяны — нашел свое отражение в интересной книге С. М. Катре и П. К. Гoде³. В этой книге на материале индийских рукописей формулируются общие принципы критики текстов и дается ряд практических указаний составителям критических изданий⁴.

В связи с подготовкой издания Рамаяны изучаются лингвистические особенности этого памятника. Работы Нилмадхава Сена в этой области затрагивают вопросы сравнительного изучения языка различных редакций Рамаяны⁵, а также целый ряд вопросов морфологии (глагол⁶ и имя⁷), синтаксиса⁸, лексики⁹ и т. д. Языку эпоса свойственны многочисленные отклонения от тех норм, которые устанавливаются грамматикой Панини. Эти отклонения объясняются проникновением в язык эпоса многих пра-
критизированных разговорных форм и значительным влиянием пра-
крит-

1955); ср. Н. L. H a r i y a p p a, The position of Sanskrit in the educational curriculum of free India, «Poona orientalist», vol. XIV, 1951.

¹ Среди них: «Śāradīyākṣhya-nāma-mālā of Harṣakīrti», critically edited by M. M. Patkar, Poona, 1951; «The Śivakoṣa of Śivadatta, Miśra» ed. by R. G. Harsh, Poona, 1952; «Liṅgānuśāsana of Durgasimha», ed. by D. G. Koparkar, Poona, 1952; «Chāndra-vyākaraṇa of Candragomin», part I, ed. by K. C. Chatterji, Poona, 1953; «Śālihotra of Bhoja», ed. by E. D. Kulkarni, Poona, 1953; «Nānārtha-mañjara of Rāghava», ed. by K. V. K. Sharma, Poona, 1954; «Nānārtha ratnamālā of Trugapa Daṇḍādhinātha», ed. by B. R. Sharma, Poona, 1954; «Ekārthanāma-mālā-dvyaṅga-ranāma-mālā of Saubhari», ed. by E. D. Kulkarni, Poona, 1954; «Nāma-mālīka of Bhoja», ed. by E. D. Kulkarni and V. D. Gokhale, Poona, 1955, и др.

² «Kavikalpadruma of Vopadeva», ed. by G. B. Palsule, Poona, 1954.

³ S. M. K a t r e and P. K. G o d e, Introduction to Indian textual criticism, 2-d ed., Poona, 1954 (1-е изд. — 1941).

⁴ Аналогичной теме посвящена статья П. С. Диванджи (P. C. D i v a n j i, Textual criticism as a branch of indology, JOI Baroda, vol. I, № 2, 1951), носящая более практический характер и содержащая ряд предложений относительно издания Рамаяны.

⁵ N. S e n, A comparative study in some linguistic aspects of the different recensions of the Rāmāyaṇa, JOI Baroda, vol. I, № 2, 1951.

⁶ Егo же, Some epic verbal forms in the Rāmāyaṇa, там же, vol. III, № 2, 1953; егo же, The future-system of Rāmāyaṇa, IL, vol. XII, parts 1—2, 1951; егo же, Un-Pāṇinian infinitive-forms in the Rāmāyaṇa, IL, vol. XII, parts 3—4, 1952; егo же, The secondary conjugations in the Rāmāyaṇa, «Poona orientalist», vol. XIV, 1951.

⁷ Егo же, Un-Pāṇinian nominal declension in the Rāmāyaṇa, JOI Baroda, vol. V, № 2, 1955.

⁸ Егo же, Syntax of tenses in the Rāmāyaṇa, JOI Baroda, vol. I, № 4, 1952; егo же, On the syntax of the cases in the Rāmāyaṇa, там же, vol. II, 1953.

⁹ Егo же, The vocabulary of the Rāmāyaṇa, «Vāk», vol. II, 1952.

ского синтаксиса. Именно подобные отклонения и их соотношение с формами классического санскрита, а также выяснение общих тенденций развития разных грамматических категорий являются предметом исследования Нилмадхава Сена.

М. Джаясурия посвятил специальное исследование лингвистическому изучению особенностей брахман — комментариев к ведам¹. Язык этих комментариев довольно близок к ведийскому, однако в нем обнаруживается определенная тенденция к постепенной утрате ряда ведийских форм и категорий.

Остановимся на некоторых работах индийских лингвистов, касающихся отдельных вопросов санскритской грамматики. На страницах ABORI была продолжена начатая американским индологом Ф. Эджертоном² дискуссия относительно значения санскритского грамматического термина «*karmadhāraya*». К. В. Абхъянкар, опираясь на высказывания Панини, определяет «*karmadhāraya*» как сложное слово типа «*taljuruṣa*, компоненты которого выражают идею одного и того же предмета»³. Г. Б. Палсуле, исходя из маловероятных предположений исторического характера, пытается дать собственное толкование значения этого грамматического термина⁴.

В статье С. Вармы рассматриваются сложные слова с абстрактным значением, а также суффиксальные способы выражения абстрактных понятий в санскрите, который, как известно, характеризуется экономией языковых средств при выражении целого комплекса понятий⁵. Изучению в позднем санскрите роли служебных слов — частиц, которые управляют определенными падежами и при помощи которых образуется новый тип аналитических конструкций, посвящена работа К. Ч. Чаттерджи⁶. Можно было бы продолжить перечисление работ, где рассматриваются те или иные вопросы санскритской морфологии⁷, лексики⁸, семантики⁹, этимологии¹⁰, метрики и просодии¹¹.

Важное место в санскритологии занимает изучение наследства древнеиндийских грамматистов, из которых первым, чьи труды дошли до нашего времени, был Панини. Согласно наиболее распространенной точке зрения, Панини жил в V в. до н. э. Правильность этого предположения подтверждается последним по времени исследованием известного индийского ученого В. С. Агравалы, использующего в своей работе данные истории, географии, политики, нумизматики и т. д.¹².

¹ См. М. Н. Ф. Jāyasaurya, Linguistic studies of the Brāhmaṇas, «University of Ceylon Review», vol. XI, №№ 3—4, Colombo, 1953.

² F. Edgerton, Karmadhāraya, JAOS, vol. 72, № 2, 1952.

³ K. V. Abhyankar, The term *karmadhāraya*, ABORI, vol. XXXIII, parts I—V (1952), 1953.

⁴ G. B. Palsule, A new explanation of the term *karmadhāraya*, там же.

⁵ S. Varma, Sanskrit as a medium of conveying the concept of abstraction, IL, vol. XI, 1949.

⁶ K. Ch. Chatterji, On the cases governed by some Sanskrit particles, сб. «Siddha-Bhārati», part I.

⁷ Например, Hian-lin Dachi, On the ending *-matha* for the first person plural atm. in Buddhist mixed dialect, IL, vol. XI, 1949 и др.

⁸ V. S. Agrawala, Some foreign words in ancient Sanskrit literature, IHQ, vol. XXVII, № 1, 1951; T. Choudhury, Katipayānam avyāyānam ābhidhānikavaicitryāṇi (на санскрите), сб. «Siddha-Bhārati», part I.

⁹ P. S. Sastri, Four laws in Sanskrit semantics, там же.

¹⁰ K. M. Shembavnekar, The genesis of roots *rabh*, *labh* and *lab*, там же; J. T. Parikh, On postulating a root *nr*, «Bull. of the Chunilal Gandhi Vidyabhavan Surat», № 1, 1954 и др.

¹¹ A. Mukhopadhyaya, The Āryā metre. A peep into its origin and variations in early literature, JOI Baroda, vol. IV, № 4, 1955; V. Sitaranih, Samskṛt and Prakṛt prosody, «Journal of oriental research», vol. XIX, № 1, Madras, 1951.

¹² V. S. Agrawala, Some chronological considerations about Pāṇini's date, IHQ, vol. XXVII, № 4, 1951.

Грамматика Панини, помимо ценных сведений, которые сообщаются в ней о санскрите, интересна для нас своими методологическими установками, так как она представляет собой первый в истории языкознания образец формалистического изучения языка.

В связи с трактовкой различных вопросов грамматики, Панини упоминает имена своих предшественников и, дискутируя с ними, приводит выдержки из их сочинений. Р. Ш. Бхаттачарья на основании этих цитат в грамматике Панини пытается охарактеризовать систему грамматических взглядов Панини в отличие от взглядов его предшественников¹. Важной задачей является также выяснение места грамматики Панини в истории древнеиндийской литературы².

Грамматика Панини вызвала многочисленные комментарии³. Наличие или отсутствие тех или иных сутр Панини в работах его более поздних комментаторов может служить одним из критериев для критики текста этой первой грамматики⁴. В ряде работ индийских ученых рассматриваются различные грамматические вопросы в интерпретации Панини⁵.

О том, какое большое значение придается в Индии изучению трудов Панини, можно судить хотя бы по тому, что летом 1954 г. по предложению С. Вармы была созвана двухнедельная конференция, посвященная изучению наследия Панини; в ней приняли участие лингвисты всей страны. Широко изучаются в Индии также труды последователей Панини, комментировавших работы своих предшественников и создавших новые грамматики санскрита⁶.

В современной санскритологии значительное место отводится исследованию топонимики, которая за последние годы привлекает внимание ученых разных стран. Так, В. С. Агравала в одной из своих работ рассматривает грамматику Панини в новом аспекте — с точки зрения тех географических названий, которые в ней встречаются⁷. Сопоставляя их с соответствующими названиями у греческих и других иноземных авторов древности, автор пытается очертить географический горизонт Панини и выяснить историческое содержание этих названий⁸. В том же плане исследует материал произведений Калидасы Bimala Churn Law. В его работе анализируется около 100 названий городов, стран, гор и рек⁹.

В упомянутой выше статье о заимствованных словах в санскритской литературе Агравала касается также некоторых топонимических названий

¹ R. Sh. B h a t t a c h a r y a, Some chief characteristics of Pāṇini in comparison to his predecessors, JOI Baroda, vol. II, 1953.

² Об этом см., например: V. S. A g r a w a l a, Panini, «Journal of oriental research», vol. XIX, № 2, Madras, 1952; P. C. D i v a n j i, Bhagavadgītā and Aṣṭādhyāyī, ABORI, vol. XXX, parts III—IV (1949), 1950.

³ Общую их характеристику можно найти в следующей работе: R. Sh. B h a t t a c h a r y a, Some characteristics of the ancient vṛttis on the Aṣṭādhyāyī, IHQ, vol. XXXI, № 2, 1955.

⁴ Этим методом пользуется, например, в своей работе Г. Б. Палсуле [G. B. P a l s u l e, An interpolated passage in the Aṣṭādhyāyī, ABORI, vol. XXX, parts I—II (1949), 1950].

⁵ См.: R. Sh. B h a t t a c h a r y a, Pāṇinian principles of determining the desired import of words, «Journal of the Andhra historical research society», vol. XXI, Rajahmundry, 1950—1952; е г о ж е, Kinds of agent as depicted by Pāṇini, «Vāk», vol. III 1954.

⁶ Отметим, например: S. S a s t r i, Lectures on Patañjali's Mahābhāṣya, Annamalaiagar: vol. I—1944, vol. II — 1955; D. V. G a r g e, Jaimini-Śābara and the science of grammar, ABORI, vol. XXX, parts III—IV (1949), 1950.

⁷ V. S. A g r a w a l a, Geographical data in Pāṇini, IHQ, vol. XXIX, № 1, 1953.

⁸ Изучению древней топонимики посвящена работа того же автора: V. S. A g r a w a l a, Ancient Indian geography, IHQ, vol. XXVIII, № 3, 1952.

⁹ B i m a l a C h u r n L a w, Geographical aspect of Kālidāsa's works, Calcutta, 1954.

на территории Советского Союза¹. Автор, в частности, считает, что встречающееся у Панини слово *kanthā*, не засвидетельствованное в древнейшей санскритской литературе, но хорошо известное в буддийской литературе на хотан-сакском и согдийском языках, является иранским заимствованием (ср. тот же элемент в названиях *Самарканд*, *Ташкент*, *Чимкент*, *Коканд* и др.). Изучению санскритской гидронимии посвящена работа Д. Ч. Сиркара, в которой приводится список цитат из пуран с упоминаниями различных рек и дается их географическое описание².

По сравнению с древним, средний период развития индийских языков изучен гораздо меньше, хотя он и является чрезвычайно важным в истории индийских языков. С одной стороны, именно в среднеиндийском периоде следует искать объяснения многих явлений новоиндийских языков, которые свойственны совсем иной, по сравнению с санскритом, аналитический строй. С другой стороны, с языками древнего периода среднеиндийские языки связаны сложными отношениями (некоторые явления, встречающиеся в пали и пракритах, известны также в ведийском языке, но не засвидетельствованы в санскрите)³. Среднеиндийский период изучался очень неравномерно: наиболее исследован пали — язык священных буддийских текстов⁴, менее всего известны апабхрانشи — поздние среднеиндийские диалекты, из которых развились новоиндийские языки. Среди публикаций среднеиндийских рукописей особенно многочисленны издания палийских текстов, подготовкой которых занимаются Институт буддийской культуры⁵ и др. научные общества⁶. Специального упоминания заслуживает изданный С. Радхакришнаном в Лондоне философский трактат на пали «Dhammapada» с английским переводом и примечаниями⁷. Общую характеристику пали и пракритов, их роли в истории индийской культуры, а также краткий обзор литературы на этих языках дают работы С. М. Катре⁸, Х. Р. Кападиа⁹, С. Агравала¹⁰, А. Тхакура¹¹ и др.

Вопросы исторической диалектологии пали и пракритов, а также преемственности между ними и различными древнеиндийскими диалектами являются одними из мало разработанных. Обычно отмечали лишь некоторые общие черты, свойственные ведам и среднеиндийским диалектам и не имеющие места в санскрите. Выяснению подобных ведийских языковых элементов в пали посвятил свою работу П. В. Бапат. Анализируя языковой материал буддийских текстов на пали и упанишад в сравнении с языком вед, автор отметил ряд общих окончаний именного склонения,

¹ См. V. S. Agrawala, Some foreign words in ancient Sanskrit literature, INQ, vol. XXVII, № 1, 1951.

² D. Ch. Sircar, Text of the Purāṇic list of rivers, INQ, vol. XXVII, № 3, 1951.

³ Среднеиндийские и древнеиндийские языки, кстати, долгое время сосуществовали; расцвет классической санскритской литературы относится к IV в. н. э. (Калидаса), а первые засвидетельствованные пракритские надписи — к III в. до н. э. (эдикты Ашоки).

⁴ В их изучение большой вклад внесли выдающиеся русские ученые И. П. Минаев и Ф. И. Щербатской.

⁵ Кстати, директор этого Института доктор Парху Вира, собирающий для издания буддийские рукописи в библиотеках всех стран мира, в 1955 г. посетил с этой целью Советский Союз.

⁶ В издании института им. Бхандаркара, например, напечатана работа: P. V. Bapat, A Pāli manuscript in an Indian script, ABORI, vol. XXXIII, parts I—IV (1952), 1953.

⁷ «The Dhammapada», ed. by S. Radhakrishnan, London, 1950.

⁸ S. M. Katre, Prakrit languages and their contribution to Indian culture, Bombay, 1945.

⁹ На гуджарати: H. R. Kapadia, Pāiya (Prākṛit) bhāṣhā ane sāhitya (Пракритские языки и литература), Bhavanagar, 1950.

¹⁰ На хинди: S. Agrawala, Prākṛit vimarsh (Изучение пракритов), Lakhnau, 1954.

¹¹ На хинди: A. Thakura, Pāli-prabodh (Знание пали), Banaras, 1954.

общих значений глагольных корней и грамматических неправильностей, а также сходных стилистических особенностей¹.

Некоторые вопросы, касающиеся распространения фонетических изменений, свойственных пракритам, разбирает в своей статье С. К. Чаттерджи². В результате изучения древнеиндийских названий и имен в передаче греков, персов, арабов и китайцев автор приходит к выводу, что в пенджабском диалекте пракритские ассимиляции согласных осуществились довольно поздно, и еще в III в. до н. э. (а возможно, даже позднее) фонетика этого диалекта была ближе к древнеиндийскому, чем к среднеиндийскому образцу.

На пракритах существует обширная литература разных жанров, созданная в различных областях Индии и относящаяся к различным периодам. Изучению языка и стиля этих памятников посвящен ряд работ. Так, Ч. Д. Чаттерджи исследует диалектные особенности отдельных эдиктов Ашоки, которые являются первыми из дошедших до нас письменными памятниками на индийских языках³. Р. Ч. Агравала анализирует стиль пракритских писем, найденных в Китайском Туркестане⁴, Г. В. Девастхали — литературный сценический пракрит, на котором написана знаменитая пьеса Шудраки «Глиняная тележка»⁵, П. Л. Вайдья — употребление пракритских диалектов в санскритских драмах⁶ и т. д.

Особенно важной задачей, имеющей большое теоретическое значение, является создание сравнительно-исторической грамматики пракритов. Нужно сказать, что за последние годы индийские ученые многое сделали в этой области. Вышла в свет «Историческая грамматика пракритских надписей» М. А. Мехендале⁷. Хотя ее материал ограничивается только эпиграфическим и в этом отношении она значительно уступает более полной «Грамматике пракритов» Р. Пишеля⁸, тем не менее «Историческая грамматика» представляет большой интерес, поскольку развитие форм отдельных категорий датируется с большой точностью и излагается в виде хронологических таблиц. Подобный метод изложения делает эту книгу ценным справочником. Что касается географической классификации пракритов, то она не всегда обоснована и вызывает справедливую критику⁹.

Важным этапом в сравнительно-историческом изучении среднеиндийских диалектов явились работы известного индийского ученого С. Сена по сравнительной грамматике¹⁰ и историческому синтаксису¹¹ языков этого периода.

¹ P. V. Bapat, *Vedicism in Pali*, сб. «Siddha-Bhāratī», part I.

² S. K. Chatterji, *Foreigners and Indian names: the Panjab speech through the ages*, там же.

³ Ch. D. Chatterji, *Studies in the inscriptions of Asoka*: № 1 (A) — ABORI, vol. XXXIII, 1953; № 1 (B) — там же, vol. XXXIV, 1954.

⁴ R. Ch. Agrawala, *Some family letters in Kharoṣṭhī script from Central Asia*, IHQ, vol. XXX, № 1, 1954.

⁵ G. V. Devasthali, *Introduction to the study of the Mṛcchakaṭika*, Poona, 1951.

⁶ P. L. Vaidya, *On the use of Prakrit dialects in Sanskrit dramas*, ABORI, vol. XXXIII, parts I—IV (1952), 1953. По правилам древнеиндийской драматургии персонажи разных каст и разного социального положения могли говорить только на каком-либо определенном пракрите, на санскрите же говорили боги и мужчины знатного происхождения. Соответствие сценического употребления пракритов этим правилам является темой статьи Вайдья.

⁷ M. A. Mehendale, *Historical grammar of inscriptional Prakrits*, Poona, 1948.

⁸ См. R. Pischel, *Grammatik der Prakrit-Sprachen*, Strassburg, 1900.

⁹ См. рецензию П. Тедеско (P. Tedesco) в JAOS, vol. 71, № 3, 1951.

¹⁰ S. Sen, *Comparative grammar of middle Indo-Aryan*, IL, vol. XI—XII, 1949 — 1952.

¹¹ Ероже, *Historical syntax of middle Indo-Aryan*, IL, vol. XIII, parts 1—2, 1952—53; vol. XIII, parts 3—4, 1953.

В «Сравнительной грамматике» С. Сен дает довольно полное и систематическое описание становления ряда среднеиндийских категорий, точнее — разрушения древнеиндийских категорий, в известной мере обусловленного теми фонетическими изменениями, которые ознаменовали собой новый этап в развитии языка. Автор стремится проследить в пракритах не только санскритское, но и ведийское (ряд местоименных окончаний, форм субъюнктива и т. д.) или даже индо-иранское (отдельные падежные окончания) наследие. К сопоставлению широко привлекаются данные разных диалектов. Систематизация излагаемого материала выгодно отличает эту работу от грамматики Пипеля, до сих пор не превзойденной по обилию материала, но по существу своему являющейся описанием разрозненных фактов языка.

Синтаксис среднеиндийских диалектов до недавнего времени оставался почти неразработанным, поэтому исследование С. Сена в этой области заслуживает особого внимания. Называя свою работу «Историческим синтаксисом», автор имел в виду то, что предметом исследования является синтаксис памятников разного времени (нужно сказать, что рассматриваются преимущественно ранние среднеиндийские памятники; это вполне понятно, так как апабхраниши изучены недостаточно). Последовательного же развития какой-либо определенной категории на протяжении всего среднеиндийского периода С. Сен обычно не прослеживает. Несомненный интерес и ценность представляет собой конкретное исследование отдельных разделов синтаксиса (например, значения и употребления падежей¹, роли послелогов, функции причастий и абсолютивов и др.). Частое привлечение к сравнению санскритского синтаксиса (прежде всего языка Махабхараты) делает особенно наглядной специфику среднеиндийских изменений.

Еще более новой областью в индийском языкознании является изучение поздних среднеиндийских диалектов — апабхраниш, интерес к которым проявляют не только индийские ученые, но и их иностранные коллеги². Большим событием для индийского языкознания явился выход в свет первой грамматики апабхраниш Г. В. Тагара³. Как и грамматика пракритов Мехендале, эта работа построена по принципу хронологического сопоставления форм тех или иных категорий в разных памятниках на апабхранишах и представляет собой единственный в своем роде справочник по истории развития индийского языка на грани среднего и нового периода⁴. Изучению цитат на апабхранишах в грамматике пракритов древнего индийского лингвиста Хемачандры посвящена статья С. Н. Гхошала⁵. Автор ее стремится установить первоисточники этих цитат путем сопоставления текста Хемачандры с рядом произведений на апабхранишах. Значительное усиление за последнее время интереса к изучению среднеиндийских диалектов в Индии⁶ привело, таким образом, к немалым успехам, достигнутым в этой области.

¹ Аналогичной теме на ведийском материале посвящена одна из прежних работ С. Сена — «The use of cases in Vedic prose», Poona, 1932.

² См., например, исследование: K. de Vreeze, *Apabhramśa studies*, JAOS, vol. 74, №№ 1, 3, 1954.

³ G. V. Tagare, *Historical grammar of Apabhramśa*, Poona, 1948.

⁴ Некоторых характерных особенностей языка этого периода касается такая работа: S. N. Ghosal, *Apabhramśa and post-Apabhramśa features in the early Prakrits*, IHQ, vol. XXX, № 3, 1954.

⁵ S. N. Ghosal, *Observations on the sources of the Apabhramśa stanzas of Hemacandra*, IHQ, vol. XXVII, № 1, 1951.

⁶ О возросшем интересе к этому периоду развития индийских языков свидетельствует также издание хрестоматий среднеиндийских текстов. См. A. M. Ghatage, *Kaṭhānaya-tigam, a Prakrit reader*, Kolhapur, 1951; S. K. Chatterji, S. Sen and G. D. e, *A Middle Indo-Aryan reader*, Calcutta, 1953.

Научное исследование новоиндийских языков ¹ началось сравнительно поздно (около середины XIX в.) и, естественно, не может иметь такой длительной традиции, как изучение санскрита или пали. Это новая и во многом недостаточно разработанная область в индийском языкознании, но значение ее исключительно велико, так как только при помощи науки можно разрешить те важные практические языковые проблемы, которые возникли перед молодой независимой Индийской Республикой.

Остановимся вкратце на этих проблемах. При английском владычестве государственным языком Индии был английский. По конституции 1950 г. государственными языками до 1965 г. являются хинди и английский, а с 1966 г. устанавливается один государственный язык — хинди; официальным языком того или иного штата могут быть различные местные языки (из числа 14 языков, перечисленных в 8-ом приложении к Конституции Индии). За указанный пятнадцатилетний период хинди должен внедриться во все те области, в которых раньше употреблялся английский язык (политика, делопроизводство, техника и т. д.). Понятно, что при таком положении возникает немало трудностей. Правительство Индии всячески поощряет распространение хинди в качестве официального языка всей страны. Однако для окончательного утверждения в этой функции языку хинди предстоит выдержать длительную борьбу с английским языком, долгое время внедрявшимся англичанами через колледжи, правительственные учреждения, суды и пр. и в различных иноязычных областях (например, на дравидском Юге) имеющим большее распространение, чем хинди. Этим объясняется непрекращающаяся дискуссия относительно официального языка Индии ² и роли этого языка в системе просвещения ³, а также по другим вопросам на страницах не только филологических, но также общественно-политических журналов и газет.

Важной проблемой, которая также возникла в связи с возросшим значением современных национальных языков Индии, является создание на этих языках самой разнообразной терминологии (политической ⁴, юридической, экономической, технической и пр.) вместо прежней английской. Базой для выработки такой терминологии является санскрит. Специальными комиссиями, в работе которых принимают участие многие видные лингвисты, разрабатываются принципы создания такой терминологии ⁵ и издаются словари ⁶.

¹ Мы имеем в виду те языки современной Северной и Центральной Индии, которые относятся к индоевропейской семье: хиндустани (с двумя литературными формами — хинди и урду), бенгали, гуджарати, маратхи, пенджаби, орийя и др.

² См., например: K. S. D o n g e r k e r y, The language problem, «The Indian P. E. N.», vol. XXI, № 5, Bombay, 1955; A. S e n t h a m i l l a n, The problem of a «national» or «official language» in India, TC, vol. IV, № 2, 1955; A. R. W a d i a, The future of English in India, Bombay, 1955 и т. п. Частным вопросом этой дискуссии является проблема соотношения и взаимовлияния хинди и урду, которые имеют в основном один и тот же грамматический строй и во многом совпадающую разговорную лексику, но отличаются друг от друга в отношении лексики, выражающей абстрактные понятия, и письменности. На эту тему в Индии существует обширная научно-популярная литература, часто полемически заостренная, которой мы здесь касаться не будем.

³ См., например, S. K. C h a t t e r j i, The language problem in Indian education, «Bull. of the Ramakrishna mission institute of culture», vol. V, № 1.

⁴ Интересно, что когда на хинди была издана Конституция Республики Индии ее сопровождал хинди-английский словарь политических терминов, впервые употребленных в этом документе.

⁵ См., например, на урду: J. H a s a n, Hindustani shabdiyaat ke usul (Терминологические принципы для хиндустани), Allahabad, 1954; P. R â y, Scientific terminology in Indian languages, «Science and culture», vol. 21, № 4, Calcutta — Madras — Bombay — New Delhi, 1955; R. V i r a, Terminology of logic, «International Academy of Indian culture», Nagpur, 1949 и др.

⁶ Целая серия таких словарей, составленных крупным индийским филологом Парху Вирой (Dr. R. Vira) в сотрудничестве с другими учеными, была издана в Наг-

Одной из основных задач новоиндийского языкознания является также изучение современных разговорных диалектов Индии. От успешного разрешения этой важной задачи во многом зависит создание нормативных и исторических грамматик отдельных языков. Поскольку диалектология является сейчас одной из самых актуальных областей индийской лингвистики, неудивительно, что она привлекает внимание все большего числа индийских ученых, не говоря уже о таких ее «ветеранах», как Сиддхешвар Варма¹ и Бабурам Саксена.

Б. Саксена в течение многих лет занимается изучением истории различных диалектов хинди². В 1952 г. вышла его книга, посвященная южному хинди³. Книга представляет собой историческое описание этого диалекта, который, будучи отделенным от северного хинди (вследствие временного политического разобщения Севера и Юга в XIV в.), развивался собственным путем и поэтому имеет множество специфических черт. Приложение к книге содержит отрывки текстов на южном хинди.

Ряд интересных работ по исследованию диалектов языка гуджарати принадлежит перу П. Б. Пандита. В одной из них дается обзор пограничных диалектов Гуджарата, до этого мало изученных⁴. В своих работах по фонетике гуджарати П. Б. Пандит широко привлекает диалектные данные и рассматривает отдельные фонетические особенности гуджарати с учетом их места в исторически сложившейся системе звуков новоиндийских диалектов; при этом постоянно прослеживается связь современной системы с средне- и древнеиндийской⁵. К сожалению, новые фонологические противопоставления, которые возникают в результате определенных фонетических изменений, не привлекают внимания П. Б. Пандита⁶.

Ряд работ индийских лингвистов посвящен общей характеристике отдельных диалектов⁷ и изучению тех или иных особенностей их структуры⁸. Не все новоиндийские языки в отношении исторического их изучения находятся в одинаковом положении. Имеется историческая грамматика маратхи, созданная французским индианистом Ж. Блоком⁹, и напи-

пуре Международной академией индийской культуры, например: «A dictionary of English-Indian terms of administration», 1950; «Hindi-English dictionary of technical terms», 1951; «A comprehensive English-Hindi dictionary of governmental and educational words and phrases», 1955 и др. В издательстве Maharashtra Kosha Mandal вышел составленный Y. R. Date и C. G. Karve словарь научной терминологии на базе санскрита (для языка маратхи): Y. R. D a t e, C. G. K a r v e, Śāstrīya paribhāṣā koṣa. The English-Indian dictionary of scientific terminology, Poona, 1948.

¹ С. Варма — неутомимый организатор ряда диалектологических экспедиций, в том числе в такие малообследованные районы, как Гималаи. Образцом описания диалекта является его работа «Bhalesi dialect» («Journal of the Royal asiatic society of Bengal», 1948). Одна из последних крупных работ С. Вармы, написанная на хинди, — «Grāmīn Hindī» («Сельский хинди»), к сожалению, еще не получена в Советском Союзе.

² См. его исследование одного из диалектов хинди в историческом аспекте — B. S a k s e n a, Evolution of Avadhi, 1938.

³ См. е г о ж е, Dakkhini Hindī (на хинди), Allahabad, 1952.

⁴ P. B. P a n d i t, Survey of the border-land dialects of Gujrat, «Journal of the Gujrat research society», Bombay, 1951.

⁵ См., например, е г о ж е, Indo-Aryan sibilants in Gujarati, IL, vol. XIV, 1954.

⁶ Так, например, автор намеренно оставляет в стороне вопрос о фонологической значимости закрытых и открытых *e* и *o* в гуджарати в своей интересной работе по исторической фонетике — «E and O in Gujratī», IL, vol. XV, parts 1—2, 1955.

⁷ Например, на хинди: S. K. C a ṭ u r j y ā, Rājasthānī bhāṣā (Язык раджастани), 1954; N. M. S ā n y ā l, Bihārī bhāṣāonkī utpatti aur vikās (Происхождение и развитие бихарских говоров), 1954; U. N. T i v ā r ī, Bhojpurī bhāṣā aur sāhitya (Языки и литература бходжпури), Allahabad, 1955; на англ.: R. P. V a i d y a, The language of the Padya Brahmins in Gomāntaka, «Marāṭhī saṁśodhana patrikā», vol. I, № 1, Bombay, 1953.

⁸ Например: S. G. h o s h a l, Some vocables from Birbhum colloquy, IL, vol. XII, parts 3—4, 1952; U. N. T i w a r ī, Bhojpurī verb roots, IL, vol. XIV, 1954.

⁹ J. B l o c h, La formation de la langue marathe, Paris, 1915.

санная по ее образцу книга С. К. Чаттерджи «Происхождение и развитие языка бенгали»¹. Необходимым пособием для изучения истории хинди является неоднократно переиздаваемый курс лекций Дхирендры Вармы, прочитанный им в университете². Однако, как указывает сам автор³, это пособие не может претендовать на необходимую полноту, ввиду недостаточной изученности отдельных диалектов хинди. По истории же языков гуджарати, пенджаби и др. более или менее обстоятельных работ пока еще не существует, и, таким образом, создание исторических грамматик ряда современных индийских языков продолжает оставаться одной из актуальных задач языкознания в Индии.

На материале языков маратхи, гуджарати и хинди с привлечением данных других новоиндийских языков, а также санскрита, пракритов и дравидских языков построено интересное и весьма ценное исследование Р. Н. Вале, посвященное сравнительному изучению такого своеобразного и широко распространенного во всех новоиндийских языках явления, как сложновербальные глаголы⁴. Сравнительное изучение этого явления в индоевропейских и дравидских языках привело автора к выводу о том, что сложновербальные глаголы развивались самостоятельно как в индоевропейских языках Индии, так и в дравидских языках. Заключение Вале о том, что единственным необходимым условием глагольного сложения (verbal composition) является семантическое единство, представляется нам не только интересным, но и правильным. В то же время с теоретическими взглядами автора, позволяющими ему объединять такие различные явления, как сложновербальные глаголы и сложные времена, мы не можем согласиться.

Многие индийские ученые ставят в своих работах вопросы о взаимосвязи ряда индийских языков⁵ или о связях между ними и другими индоевропейскими языками (например, английским⁶, персидским⁷). Кроме того, во многих работах исследуются те или иные частные вопросы морфологии, синтаксиса, этимологии и т. д. в новоиндийских языках⁸.

До сих пор речь шла о работах, касающихся индийских языков индоевропейского происхождения. Не менее значительное место в современной индийской лингвистике занимают работы, касающиеся неиндоевропейских, в первую очередь — дравидских языков⁹. Интерес к дравидским

¹ S. K. Chatterji, The origin and development of the Bengali language, Calcutta, 1926.

² D. Varma, Hindībhāṣā kā itihās, 4-е изд., Allahabad, 1953 (1-е изд. — 1933). К сожалению, в Советском Союзе еще не получено ни книги Тивари [U. N. Tivārī, Hindī bhāṣā kā udbhāo aur vikās (Возникновение и развитие языка хинди), Allahabad, 1956], ни ряда книг на хинди, вышедших в Индии в 1953—1954 гг., как, например: R. Sharmā, Hindī bhāṣā kā itihās (История языка хинди), Agra; S. K. Cātūrjya, Bhāratīya āryabhāṣā aur hindī (Индо-арийский язык и хинди), Allahabad; Dvarīkeṣ, Hindī bhāṣā kā vaigyaṇik itihās (Научная история языка хинди).

³ См. D. Varma, указ. соч., стр. 18.

⁴ R. N. Vale, Verbal composition in Indo-Aryan, Poona, 1948.

⁵ Например, M. J. Dar, Gujarat's contribution to Gujarati and Urdu, «Islamic culture», vol. XXVII, № 1, Hyderabad, 1953.

⁶ G. S. Rao, Indian words in English, Oxford, 1954.

⁷ R. M. Majumdar, Infiltration of Persian words in Indian languages, JOI Baroda, vol. I, № 1, 1951.

⁸ Среди них отметим на хинди: Viṣvanāth, Hindī kārakōṇ kā vikās (Развитие падежей в хинди), Banaras, 1954; на англ.: D. Basu, On the negative auxiliary in Bengali, IL, vol. XV, parts 1—2, 1955; S. Sen, Four Indo-Aryan etymologies, IL, vol. XIV, 1954. Ряд интересных этимологий приводится в написанной на хинди книге Б. Саксена [B. Sakṣena, Arth-vijñān (Семантика), 1951, стр. 100 и сл.].

⁹ На дравидских языках говорит около 20% населения Индии (т. е. более 70 млн. человек), занимающего большую часть Деканского полуострова (отдельные дравид-

языкам заметно возрос за последнее время; ряды дравидологов пополнились за счет некоторых известных ученых, занимавшихся ранее преимущественно языками Северной Индии (С. К. Чаттерджи, С. Варма).

Вопросы о месте дравидских языков среди языков мира и о древней истории дравидов до сих пор остаются неразрешенными, хотя и существует целый ряд гипотез¹. Недавно на страницах журнала «Tamil culture» по этим вопросам возникла дискуссия, в которой приняли участие не только индийские, но и английские ученые. Интересную точку зрения высказал Х. Фюрер-Хаймендорф (Лондон), предполагающий на основании материалов новых археологических раскопок в Майсуре и Брахмагири, что дравиды проникли в Индию сравнительно недавно (не ранее середины I тысячелетия до н. э.) морским путем или вдоль побережья². Индийский ученый Н. С. С. Гнана Пракасар вслед за автором первой сравнительной грамматики дравидских языков Р. Колдуэллом предполагает возможность древнего индоевропейско-дравидского языкового родства. Свою гипотезу Н. С. С. Гнана Пракасар строит на факте наличия в санскрите и в дравидских языках ряда слов, которые, как считает автор, восходят к одному прототипу³. Подобное доказательство гипотезы выглядит мало убедительным, потому что, во-первых, сопоставление корней разных языков проводилось без учета возможностей подобного сопоставления на основе законов фонетических соответствий, и, во-вторых, не учитывалась возможность древних заимствований из каких-либо общих источников⁴ (например, санскр. *gō*, др.-драв. *kud* «корова» < шумерск. *gud* и т. п.).

Проблемы дравидских заимствований в индоевропейских языках и индоевропейских — в дравидских языках⁵, а также вопросы взаимовлияния индоевропейских и дравидских языков интересуют многих индийских и западных ученых⁶. Изучение всех этих вопросов, а также исследование топонимики Южной Индии⁷ в известной мере способствует выяснению древней истории дравидских народов. Так, например, сравнительное

ские островки встречаются также¹ в Белуджистане и по нижнему течению Ганга). 4 языка дравидской группы (тамили, каннада, малаялам и телугу) имеют длительную, засвидетельствованную памятниками историю (первые надписи на тамили относятся к III в. до н. э.) и богатую литературу. 1,3% населения в районе между Бенгалией и Бихаром говорит на бесписьменных языках австронезийской группы (кол, мунда и др.), родственных языкам Юго-Восточной Азии. 0,35% населения на южных склонах Гималаев и в северной части Бенгалии и Ассама говорит на языках сино-тибетской группы, не имеющих письменности.

¹ В одной из последних работ на эту тему высказывается предположение о родстве дравидских языков с урало-алтайскими (и в первую очередь — с тунгусо-маньчжурской группой) (см. K. B o u d a, Dravidisch und Uralaltaisch, «Lingua», vol. V, 2, Amsterdam, 1956).

² Ch. v. F ü r e r-H a i m e n d o r f, New aspects of the Dravidian problem, TC, vol. II, № 2, 1953.

³ N. S. G n a n a P r a k a s a r, Linguistic evidence for the common origin of the Dravidians and Indo-Europeans, TC, vol. II, № 1, 1953.

⁴ Последнее справедливо отмечено английским ученым Х. С. Дэвидом в статье: H. S. D a v i d, The original home of the Dravidians: their wanderings in prehistoric times, B. C. 4,500 to 1,500, TC, vol. III, № 2, 1954.

⁵ Ср., например, F. L e g r a n d, Tamil loan words in Greek, TC, vol. III, № 1, 1954; P. C. G a n e s h s u n d a r a m and V. I. S u b r a m o n i a m, Marathi loans in Tamil, IL, vol. XIV, 1954.

⁶ Например, влияние хинди на язык гонди (дравидский язык в Центральной Индии, область распространения которого граничит с областью хинди) рассматривает С. Варма в статье: S. V a r m a, Indo-Aryan stamp on Gondi, IL, vol. XII, part 2—4, 1952. Отчасти сюда следует отнести также работу V. S h ā s t r i u, Relation of Telugu to Sanskrit and other Dravidian languages, Madras, 1951. Не случайно также обилие дравидских этимологий в этимологическом словаре санскрита М. Майрхофера (M. M a y r h o f e r, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Heidelberg, 1953).

⁷ См. R. P. S e t h u p i l l a i, Place-names in Tamil-akam, TC, vol. III, № 2, 1954.

изучение ряда географических названий в языке каннада, санскрите и пракритах приводит С. Б. Джоши к интересному выводу о том, что народ, называемый в Яджурведе Patti, тождествен с дравидским народом Paṭṭi (Haṭṭi). Этот народ жил, повидимому, в районе Ганга и Ямуны в период, когда там стали распространяться пракриты¹.

Ряд работ современных лингвистов посвящен изучению древней грамматической литературы на дравидских языках. Сведения о наиболее древней грамматике языка тамили (Tolkāṭṭiyam) сообщает С. В. Пиллаи². Обзор древних грамматик языка каннада (начало его грамматической традиции восходит к XI в.) представлен в работе Г. С. Гаи³. Вопрос частного характера — трактовка инфинитивов в языке малаялам в свете учения древних грамматистов — рассматривается в изданной посмертно статье наиболее известного индийского специалиста в области дравидских языков Л. В. Рамасвами Айяра⁴.

В соответствии с планами Декканского колледжа в Пуне за последние годы был опубликован ряд диссертаций и монографий по истории отдельных дравидских языков. В диссертации А. Ч. Секхара на материале 34 надписей периода X—XIII вв. прослеживаются особенности фонетической и грамматической структуры языка малаялам и намечаются некоторые вехи его развития⁵. Факты, приведенные в этой работе, позволяют ее автору утверждать, что ряд специфических черт малаялама, отличающих его от тамили, установился приблизительно в XII в.⁶ В монографии Ч. Р. Санкарана рассматривается фонетика древнего тамили⁷. Описание древнего телугу дается в работе М. Рамакришних⁸.

Общему вопросу периодизации истории развития дравидских языков посвящена статья С. К. Чаттерджи⁹. Автор выдвигает свою хронологическую схему эволюции дравидских языков (главным образом южной группы), построенную в результате изучения фонетических изменений древнего тамили в сравнении с другими родственными языками.

Многие индийские лингвисты заняты исследованием современных дравидских языков. Различные особенности сложной и своеобразной фонетики этих языков стали темой целого ряда работ. В статье Б. Кришнамурти дается анализ как строения слога, так и условий сокращения и удлинения корневых гласных при словообразовании глагола в телугу¹⁰. Т. Н. Срикантайя, исследуя произношение аффрикат в языке каннада, обнаруживает сходное произношение соответствующих фонем также в соседних языках — в дравидском (телугу) и индоевропейском (маратхи), что свидетельствует о взаимном влиянии соседних языков разных систем в области фонетики¹¹.

¹ S. B. J o s h i, Etymology of place-names Paṭṭi-Haṭṭi, ABORI, vol. XXXIII, parts I—IV (1952), 1953.

² Подробнее об этой грамматике см. S. V. P i l l a i, History of Tamil language and literature, TC, vol. III, №№ 3—4, 1954.

³ G. S. G a i, Linguistic approach to traditional grammars of Kannaḍa, сб. «Siddha-Bhārati», part I.

⁴ L. V. R. A i y a r, Kerala Pāṇini on infinitives, там же.

⁵ A. C. S e k h a r, Evolution of Malayalam, Poona, 1953.

⁶ В этой же серии диссертаций Декканского колледжа в 1946 г. вышла работа по истории языка каннада на материале надписей VIII—X вв.: G. S. G a i, Historical grammar of old Kannaḍa, Poona, 1946.

⁷ Ch. R. S a n k a r a n, Phonemics of old Tamil, Poona, 1951.

⁸ M. R a m a k r i s h n i a h, Telugu language in the first millenium A.D., «Journal of the Shri Venkateshwasa oriental research institute», Tirupati: vol. XII, № 1—1951; vol. XIII, № 2—1952.

⁹ S. K. C h a t t e r j i, Old Tamil, ancient Tamil and primitive Dravidian, IL, vol. XIV, 1954.

¹⁰ Bh. K r i s h n a m u r t i, The history of vowel-length in Telugu verbal bases, JAOS, vol. 75, № 4, 1955.

¹¹ T. N. S r e e k a n t a i y a, Affricates in Kannaḍa speech, IL, vol. XIV, 1954.

Общую характеристику фонетических особенностей разговорной устной речи тамили в отличие от письменного языка дает в своей работе С. Варма¹.

Многие работы посвящены также отдельным вопросам грамматики², лексики³ и этимологии⁴ современных дравидских языков. Особое место занимает книга, написанная совместно английским индологом Т. Бёрроу (Burrow) и индийским лингвистом С. Бхаттачарья о языке парджи, который до этого считали одним из диалектов языка гонди⁵. В грамматическом очерке авторы на конкретном языковом материале показывают, что язык парджи имеет общие черты как с гонди, так и с телугу, и в то же время обладает рядом специфических свойств (особенно интересна трактовка грамматического рода в парджи). К книге приложены тексты и словарь.

Изучение алфавитов дравидских языков⁶ преследует не только чисто научные, но и практические цели, а именно — необходимость упрощения алфавита в (в современном тамильском алфавите, например, имеется 247 букв, обозначающих как звуки, так и их сочетания), с тем чтобы наиболее распространенные из дравидских языков могли функционировать в качестве местных официальных языков в Южной Индии⁷.

Исчезающие языки Индии — наречия группы кол и мунда (на них говорят немногочисленные племена, часть из которых в настоящее время быстро усваивает соседние индоевропейские языки и становится билингвистичной) изучаются в Индии недостаточно. Из работ последних лет в этой области интерес представляет статья С. Бхаттачарья, где описывается диалект паренги в Ориссе⁸, не отраженный в «Лингвистическом обзоре Индии» Дж. Гирсона.

Таким образом, в настоящее время индийское языкознание вступило в период интенсивного развития, который характеризуется не только постоянным расширением круга изучаемых языков и рассматриваемых проблем, но и применением новых, более эффективных, чем прежние, методов исследования. Надо думать, что индийские лингвисты в скором времени заполнят пока еще существующие серьезные пробелы в изучении языков Индии и приступят к созданию сравнительно-исторических грамматик основных групп индийских языков.

¹ S. V a r m a, Tamil vowels in connected speech, там же.

² K. M. S a s t r i, Intensive and inclusive compounds in Telugu, там же.

³ V. U m a r j i, Household words current among the coastal dwellers of North Canara, «Half-yearly journal of the Kannada literary academy», vol. XXXVIII, parts 1—2, Bangalore, 1953.

⁴ L. V. R. A i y a r, Dravidic word-studies, IL, vol. XI, parts 2—4, 1949—1950.

⁵ T. B u r r o w and S. B h a t t a c h a r y a, The Parji language. A Dravidian language of Bastar, Hertford, 1953.

⁶ V. I. S u b r a m o n i a m, The evolution of the Tamil script, TC, vol. II, № 1, 1953.

⁷ T. P. M. S u n d a r a n, The Tamil script reform, TC, vol. II, № 1, 1953.

⁸ S. B h a t t a c h a r y a, Studies in the Parengi language, IL, vol. XIV, 1954.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

В настоящей статье дан обзор лингвистических статей, опубликованных в первых выпусках трех зарубежных славистических журналов: 1) «Die Welt der Slaven.—Vierteljahrsschrift für Slavistik», Jg. I, Heft 1 и 2, Wiesbaden, 1956; 2) «Zeitschrift für Slawistik», Bd. I, Heft 1, Berlin, 1956; 3) «Scando-Slavica», Copenhagen: t. I — 1954; t. II—1956. В последующих номерах журнала будут опубликованы обзоры и по ряду других (немецких, польских, чешских, болгарских) журналов.

1

Первому номеру журнала «Die Welt der Slaven» предпослана краткая вступительная статья его редактора Э. К о ш м и д е р а (Мюнхен) «Мир славян и мы» (E. Koschmieder, Die Welt der Slaven und wir), в которой говорится о задачах журнала. Новое издание призвано, по словам его редактора, способствовать лучшему пониманию славянской культуры, распространению подлинно научных знаний о славянах.

Далее следует статья А. Б е л и ч а (Белград) «К развитию языковых отношений. К вопросу о теории склонения» (A. Belić, Zur Entwicklung der Sprachrelationen. Ein Beitrag zur Deklinationstheorie) (стр. 4—10). Автор развивает те же мысли о падежных значениях, которые были высказаны им в его известной книге «О језичкој природи и језичком развоју» (Београд, 1941). А. Белич писал там: «... носителем падежного значения является не сама падежная форма, но падежная синтагма» (стр. 236). «Когда говорим *рублю* — в этой глагольной форме подразумевается и объект, который сейчас не выражен; но когда говорим *рублю дерево*, словом *дерево* мы его раскрываем. Слово *дерево* является объектом не по своей форме, а потому, что оно раскрыт о б ъ е к т, который скрыт в самом значении глагола *рублю*» (стр. 218). Отсюда следует, что и развитие падежных значений не связано с формальными изменениями в языке. Эта мысль подчеркивается А. Беличем и в его новой статье: «...отношения в языке в действительности остаются всегда одинаковыми, даже когда меняется их внешняя форма» (стр. 4). Например, в сербо-хорватском языке ряд падежных форм совпал. Тем не менее значения соответствующих падежей продолжают четко различаться. Основываясь на этом, А. Белич в качестве «рабочих гипотез» выдвигает следующие положения: 1) выравнивание падежей в отношении формы происходит независимо от значения падежей; 2) бесполезно и ошибочно выискивать что-либо общее в значении различных падежей, чтобы объяснить их формальное совпадение; 3) развитие значения форм склонения происходит в языках независимо от изменения их внешних (формальных) показателей. Автор иллюстрирует эти положения совпадением форм дательного, инструментального и локативного падежей во множественном числе в сербо-хорватском, произошедшим в результате сложных процессов, в которых играли роль звуковые изменения, морфологическое выравнивание, аналогия; значения же этих падежей оставались неизменными. Падежные формы являются в настоящее время, согласно А. Беличу, «дифференциальными знаками» (Differenzialzeichen) для целого ряда синтагм. Указанные падежи множественного числа в сербо-хорватском не представляют никакого отличия — их формы сохраняются как общий «дифференциальный признак», отграничивающий эти падежи от всех остальных. Их дальнейшее разграничение зависит, как и в других случаях, от отношений составных частей соответствующих синтагм.

Из всего этого вытекает, по мнению А. Белича, что формально различимые падежи стали излишними в языках, так как их различные значения сохраняются в синтагмах даже тогда, когда выравниваются их «дифференциальные формы». Основной вывод автора заключается в следующем: сами отношения значений слов в синтагмах приняли на себя выражение падежных значений также и в тех живых индоевропейских языках, в которых склонение сохранилось относительно хорошо.

Хотя некоторые выводы статьи вряд ли могут быть приняты, так как они несколько отвлечены, абстрагированы от реального многообразия языковых отношений, мысли А. Белича о независимости изменения надежных форм от развития их значений, его наблюдения, касающиеся соотношения грамматических и семантических моментов в синтагме, безусловно, заслуживают внимания.

Интересная статья принадлежит П. Дильсу (Мюнхен) — «Велярный спирант и гортанный спирант» (P. Diels, *Velarer Reibelaut und Kehlkopfreibelaute*) (стр. 11—17). Дильс указывает, что на нерусских исследователей русский звук *x* часто производит впечатление гортанного спиранта *h*, и они приравнивают русск. *x* к *h* их языков. То, что русские фонетисты отмечают лишь одно произношение *x*, автор объясняет нормативным характером их книг, а также тем, что «вариационные возможности» *x* могут казаться русским исследователям незначительными по сравнению с той разницей, которую они чувствуют при сопоставлении этого звука с немецким, английским или шведским. Отмечено ослабление *ch* в польском языке. В большинстве штокавских говоров сербохорватского языка этот звук исчез. Первой ступенью к исчезновению автор считает его произношение как *h*.

Для сербо-хорватского, польского и русского языков характерно, таким образом, то, что велярный спирант *x* в них в известной степени ослаблен — вообще или в определенном положении. Это совпадение трех языков можно, конечно, считать случайным. Но П. Дильс обращает внимание на следующее. «Ослабление» велярного спиранта происходило в тех областях, где не было фрикации общеславянского *g*. Правда, в ряде языков, например словенском, болгарском, сохраняющих взрывное *g*, сохраняется и *x* как велярный спирант. Характерно, однако, что языки, заменившие взрывное *g* фрикативным звуком, не знают ослабления *x*. Так, видоизменения *x* в *h* не наблюдается в украинском, белорусском, словацком, чешском, верхнелужицком. Создается впечатление, что языки «избегают» совпадения *x* и *g*, что различие между глухим *h* (из *x*) и звонким *h* (из *g*) было бы для славянских языков недостаточным. П. Дильс, однако, справедливо сомневается в достаточности подобного объяснения. Как показывает история языков, там, где происходит — в результате фонетических изменений — совпадение в звучании первоначально различных (по происхождению и значению) слов, язык «не заботится» о том, чтобы препятствовать этому сближению или задерживать его; если совпадение мешает пониманию, язык просто уничтожает одно из совпавших слов, заменяя его родственным. Автор, однако, не склоняется к тому, чтобы считать обрисованное им положение вещей случайностью, хотя и не берется объяснить его.

Во втором разделе помещена рецензия Дильса на книгу Лунта (H. G. Lunt, *Old Church Slavonic Grammar*, 1955; стр. 82—84) (рецензент сомневается в целесообразности в учебном пособии принятого автором структурального метода и в его преимуществе перед старым методом изложения) и две рецензии Э. Кошмидера — на изданный Академией наук БССР в 1953 г. «Русско-белорусский словарь» под ред. Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки (стр. 84—85) и на «*Slownik Staropolski*», издаваемый Польской академией наук (т. I, вып. 1) (стр. 86—87).

В третьем разделе помещен составленный О. Махом указатель — «Выбор важнейшей литературы по славистике за 1954—1955 гг.» (O. Mach, *Auswahl der wichtigsten Literatur zur Slavistik*, 1954/1955) (стр. 93—136), где указывается также и лингвистическая литература по всем славянским языкам.

Вышел также второй выпуск первого тома, открывающийся небольшим сообщением Хр. С. Станга (Осло) «К проблеме дифтонга *ie* в литовском языке» (Chr. S. Stang, *Ein Beitrag zum Problem vom Diphtong ie im Litauischen*) (стр. 137—139). Автор, привлекая встречающиеся в старолитовских текстах возвратные формы некоторых глаголов с древним несокращенным окончанием перед возвратной частицей, обращает внимание на формы 2-го лица единственного числа некоторых из этих глаголов, имеющие окончание *-ai*: *mekstais(i)*, *rupinais*. Сопоставив их с формами 1-го и 3-го лица, он делает следующий вывод: окончание *-i* < *-ie* (ср. возвратное *-lesi*) 2-го лица восходит непосредственно к *-ei*, а не к *-ai* (стр. 138). Это позволяет выдвинуть важное положение о том, что при известных условиях, которые автор не берется определять в данном случае, *ie* — по крайней мере в конце слова — оказывается произошедшим из *ai* (там же). Автор отмечает при этом, что самое *-ai* во 2-м лице единственного числа произошло из более раннего *-ei* в результате обобщения *a* как тематического гласного.

Наблюдения автора представляют безусловный интерес, так как вопрос о происхождении балтийского дифтонга *ie* не может считаться окончательно решенным — возможность его происхождения из *ai* (**oi*) чаще всего отрицается (Эндзелин). Для ряда корней, где сопоставление с другими языками дает именно эти соответствия, обычно предполагается влияние «народной этимологии» или «звуковых ассоциаций» (например, литовск. *piemiù* «пастух», возводимое вместе с греч. ποιμήν к и.-е. корню **poi-*, — под воздействием *plesas* «выгон, пастбище», или литовск. *dieveris*, латыш.

¹ Ср. Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, перевод с франц., М., 1955, стр. 199.

diēveris при арм. *taigr*, греч. δαῖρ из *δαῖρ, др.-в.-нем. *Zeichur*, слав. *дѣверь* при ассоциации с литовск. *diēvas*, латыш. *diēvs*¹).

Далее следует заметка А. Вайяна (Париж) об этимологии старославянского *spyti* и *tunje*, польского *tani* (A. Vaillant, *Etymologica*) (стр. 140—142). Автор предлагает новое объяснение происхождения этих слов. Он считает, что первое из них заимствовано из германского (др.-в.-нем. *spuot* «быстро»), хотя и признает трудность объяснения славянского *y* из герман. *ō*. Для второго А. Вайян выдвигает следующее объяснение. Он сближает, — как это делает Миклошич, не подддержанный, впрочем, последующими исследователями, — со старославянским *tunje* польск. *tani* «дешевый». Поскольку **tun-* и **tan-* не могут объясняться чередованием гласных, автор считает нужным допустить в основе этих слов такой оборот, где *tu-* и *ta-* могли заменять друг друга. А. Вайян предполагает **tu na* (?) «вот, возьми» и «региональный вариант» **tu na* (?).

П. Ивич (Новый Сад) в заметке «Некоторые замечания к славянской этимологии и географии слов» (P. Ivíč, *Einige Beiträge z. slavischen Etymologie u. Wortgeographie*) (стр. 143—147) использует данные сербо-хорватских диалектов, уточняя представления о распространении некоторых славянских слов (*buj*, *kuznica*, *prělav*, *tăksi*, *úgor*, *vigled*).

Последней из лингвистических работ, опубликованных в данном выпуске, является статья И. Поповича (Новый Сад) «Состояние и задачи исследования говоров Воеводины» (I. Popović, *Stand und Aufgaben der Erforschung der Vojvodina-Mundarten*) (стр. 148—158), в которой автор касается истории изучения говоров Воеводины, вопроса о их происхождении и устанавливает определенные «типы говоров» на рассматриваемой территории.

Номер заканчивается библиографическим указателем «важнейшей литературы по славяноведению» (стр. 232—263), составленным О. Махом (Мюнхен).

Т. В. Булыгина и Д. Н. Шмелев

2

Первый номер нового журнала «*Zeitschrift für Slawistik*» открывается статьей В. Махека (Брно) «Слав. *ot-*, балт. *at-*» (V. Machek, *Slav. ot-, balt. at-*) (стр. 3—10). Автор пытается установить первоначальное значение этого префикса, сближая его с греч. *ἀντ(i)*, герм. *and-*, *end-* (нем. *ant-*, *ent-*), лат. *ante*, ирл. *aith*, *aid*, арм. *энд-*. По мнению Махека, первоначальное значение *ant(i)* лучше всего выясняется из древнегреческого языка. Это префикс, который придает глаголу значение обратимости или взаимности действия: Б является целью действия со стороны А, но Б «возвращает» действие или делает что-либо подобное в отношении А. Это значение может развиваться в двух направлениях: перевод получает или аблативное или противительное значение. Махек сопоставляет употребление *ἀντι* и *от* с родительным падежом имени при сравнении в древнегреческом и славянских языках. Однако приводимый им пример из чешского языка (*jsem lepi od bratra*) не может подтвердить древности подобных конструкций — нельзя быть вполне уверенным, что они не являются новообразованием в славянских языках. Развитие функций славянского *от-* Махек представляет в следующем виде: 1) «возвращаемое» действие (*die rückläufige Wechselhandlung*); 2) доведение действия до исчерпанности; 3) отделение.

Наибольшие затруднения вызывает фонетическая сторона. В соответствии с *ant* в славянском ожидалось бы *о* носовое. Махек справедливо указывает, что редукция служебных слов не является необычной, однако приводимый им в связи с этим «вполне надежный, довольно похожий» случай: слав. *ob-* из и.-е. **ambhi* (греч. *ἄμφι-*, лат. *ambi-*) может представляться и сомнительным. Несколько наивным выглядит объяснение различия в употреблении рассматриваемых префиксов в древнегреческом и современных славянских и балтийских языках «условиями и обстоятельствами жизни», а именно тем, что «взаимные действия» (*Wechselseitigen Handlungen*) «были частыми в античной жизни: боевые сражения пар противников, состязания атлетов и художников, соревнования, переговоры на собраниях, взаимный обмен подарками при расставании» — все это, по мнению Махека, поддерживало соответствующее употребление префикса (стр. 7).

Статья Ф. Ливера «Об экспрессивных языковых средствах в славянских языках» (F. Liewehr, *Über expressive Sprachmittel im Slawischen*) (стр. 11—27) является развитием и продолжением его прежних работ, посвященных этой же теме². Автор рассматривает ряд слов в славянских языках, звуковой

¹ См. E. Fraenkel, *Analogische Umgestaltung und Volksetymologie besonders im Baltischen und Slavischen*, «*Zeitschrift für slavische Philologie*», Bd. XXIII, Heft 2, Heidelberg, 1955.

² См. F. Liewehr, *Zur Ausdrucksverstärkung im Slawischen*, «*Zeitschrift für slavische Philologie*», Bd. XXIII, Heft 1, Heidelberg, 1954; там же указаны предыдущие работы автора и других исследователей, связанные с данной темой.

облик которых нарушает регулярные фонетические соответствия, и объясняет эти отклонения экспрессивным характером значений данных слов. Так, например, реконструируемая форма **ning*-рассматривается как «отмеченный экспрессивной назализацией и палатализацией» вариант к **neik-*, **neig-*, и связываются **vežati*, **vežnoti*, **vežēti*, **vešti* (< **vežti*) и чеш. *vaz*, арм. *viz* «пея», прус. *vinus* (стр. 11). При сопоставлении этих слов со ст.-слав. *ozъkъ*, русск. *узкий* и т. д. автор говорит об экспрессивном начальном *v-* в этой группе слов, привлекая в связи с этим и такие примеры, как слав. *verpъ* при лат. *aper* и чеш. *vajce* > *vejce* при ст.-слав. *auce* (стр. 13—15). В некоторых словах наблюдается чередование начальных **q-*, **vq-*, **gq-* (например, русск. *ус*, польск. *wąs*, ст.-слав. *gq-sъnica*, польск. *wąsienica*, *gąsienica*, чеш. *housenica*). Автор объясняет это чередование эмоциональной окраской данных слов (стр. 14—15). Кроме экспрессивной назализации (о ней говорится также в связи с **mězga*—**mezga*—стр. 16), Ф. Ливер указывает на «экспрессивное смягчение согласных»: ст.-слав. *dragъ*, болг. *drъg*, русск. *друж* и т. д. и русск. *друж*; ср. также русск. *дранать*—*дранать*; в этом же плане рассматриваются Ф. Ливером словацк. *driapat'*, *briadka*, *vianoce*, *dalekų* по отношению к чеш. *brádka*, *vánoce*, *dalekų*. «Словацкий язык, — замечает автор, — вообще богат экспрессивными языковыми средствами и часто употребляет их... гораздо более широко, чем другие славянские языки» (стр. 20).

Следствием языковой экспрессии объясняются мены гуттуральных в таких словах, как чеш. *rozha* и *rozka*, *miezha* > *miza* и *miezka* > *miska*, ст.-чеш. *mozh* и *mozk* (современ. *mozek*). Ливер справедливо возражает против объяснения *zk*, *sk* в этих словах оглушением и ассимиляцией конечного согласного после падения *đ* перед паузой и перед глухими следующих слов. Вряд ли, действительно, форма род. падежа мн. числа *mězga* реально употреблялась, а в ст.-чеш. *vozhr* и *voskr k* находится не на конце слова. Стремлением к «усилению выразительности» (Ausdruckverstärkung) объясняет автор также колебание *zg* и *sk* в *brěskъ* и *brěžskъ* (чеш. *brěsk*, польск. *brzask* и ст.-слав. *probřěsgъ*, русск. *брега*, *брежит*) (стр. 17—19). Экспрессивная мена гуттуральных предполагается Ф. Ливером также в ряде **květ*—*cvětъ*, **světъ*, **gvězga*. Сохранение *k* в укр. *keim* автор считает также стремлением к экспрессивному усилению (стр. 22—25). Экспрессивным характером слова объясняется и *o* в южнославянском *rob* < **orbъ* (стр. 26—27). Отклонения от звуковых соответствий рассматриваются также как результат «свободного экспрессивного наращивания звуков», перестановки согласных. Интересны наблюдения автора над «контаминацией» (например, наличие *l* в словацк. *miazga* < **mъzga* определяется звуковой близостью к «экспрессивной группе **melzivo*» и, наоборот, значение словацк. *mleza* «древесный сок под корой» развилось у этого слова под влиянием **mězga*)¹.

«Экспрессивность», как видно уже из приведенных примеров, понимается Ф. Ливером весьма широко. Собственно, все звуковые отклонения подводятся им под «экспрессивное усиление». В результате стремление автора выделить те или иные семантические группы экспрессивных слов не всегда представляется вполне оправданным, так как «экспрессивность» этих слов, в конечном счете, определяется для автора отклонением этих слов от регулярных звуковых закономерностей, а эти отклонения, в свою очередь, объясняются их «экспрессивностью». Не всегда и сближения автора представляются достаточно убедительными (например, русск. *бочка* как «экспрессивный вариант» с перестановкой согласных — в *куб*, *кубок*, др.-инд. *kumbhās*, греч. *κύβος*, лат. *кура*, греч. *κύβη* и т. д., стр. 15). Может быть, в некоторых случаях естественнее предполагать сближения, сходные с так называемой «народной этимологией», не ставя их в зависимость от чередований определенных звуков (например, в приведенных выше славянских названиях «гусеницы»). Иногда более убедительным представляется предположение о звуковом уподоблении первоначально неродственных, но близких семантически слов, чем те объяснения, которые дает автор (напр., слав. **kloniti* и **sloniti* — стр. 21)². В целом статья Ф. Ливера представляет несомненный интерес для этимологов: систематическое выявление и изучение слов, представляющих нарушения определенных фонетических соответствий, какие бы объяснения ни давались этим нарушениям, само по себе является весьма ценным для сравнительного изучения славянских языков.

В краткой статье Л. Фальбуша «Славянский материал в „Словаре альтенбургского диалекта“ Даубе» (L. Fahlbusch, Slawisches aus Daubes Wörterbuch der Altenburger Mundart) (стр. 29—31) для некоторых слов, засвидетельствованных в неизданном словаре альтенбургского диалекта, предлагаются «новые возможные этимологии».

Второй раздел журнала начинается составленным О. Фейлем библиографическим обзором, охватывающим работы по славистике и изучению восточноевропей-

¹ В другой работе Ливер приводит такой пример контаминации: **tresq* объединяет *tremō* и *tresō* (см. указ. статью, стр. 92).

² См. K. Būga, Kalba ir senovė, I, Kaunas, 1922, стр. 194 и сл.; ср. E. Fraenkel, Die baltischen Sprachen, Heidelberg, 1950, стр. 15—16.

ских стран, вышедшие за десятилетие (1945—1955 гг.) на немецком языке в Восточной Германии («Zehn Jahre Slawistik und Osteuropa-Kunde im Spiegel der deutschsprachigen Veröffentlichungen Ostdeutschland», 1945—1955) (стр. 112—132). Далее следует заметка Шустера-Шевца (стр. 132—138) о культурной жизни лужицан после 1945 г., об изданиях на сербо-лужицком языке, а также о работах, посвященных сербо-лужицкому языку и литературе, появившихся в послевоенные годы. Автор отмечает некоторые особенности и недостатки вышедших за последние годы грамматик верхне- и нижнелужицкого языка. В этом же разделе помещен составленный Э. Эйхлером указатель «Славистические и германо-славистические работы по топонимике в ГДР (до марта 1955 г.)» (стр. 138—139).

Т. В. Булыгина и Д. Н. Шмелев

3

В I томе «Scando-Slavica» (1954 г.) помещены 8 лингвистических статей. Г. Якобсон (Гетеборг) в статье «Исконная форма названия варягов» (G. Jacobson, La forme originelle du nom des varègues) (стр. 36—43) делает попытку дать новое решение вопроса о происхождении слова *варяг* и о путях его проникновения в древнерусский, древнеисландский языки, в византийские документы и в некоторые другие источники, в которых это слово известно. Г. Якобсон считает, что исконной формой этого слова было **varang-*, давшее в древнерусском языке *var'agъ*, как др.-швед. *stang* дало *st'agъ*; подобные же изменения претерпели на восточнославянской почве имя *Константин* — др.-русск. *Kost'atinъ* и название народа франков — *fr'agъ*, *fr'azi*. Из формы **varang-* выводит автор и визант. βαράγγος и соответствующие формы в других языках. Излагая взгляды некоторых ученых, занимавшихся вопросом о происхождении названия варягов¹, Г. Якобсон критикует их за то, что они, допуская происхождение др.-русск. *var'agъ* от формы на *ing* (**varing*), не давали этому достаточно ясного фонетического обоснования. Однако Г. Якобсон также не приводит исчерпывающих фонетических доказательств правильности своей точки зрения. Точно так же, отмечая у А. Д. Стендер-Петерсена² противоречивость его точки зрения, согласно которой визант. βαράγγος восходит к древнесевному *varing* — через древнерусское посредство, что не вполне объяснимо из известных в настоящее время фактов конкретной истории, Г. Якобсон, к сожалению, не подвергает эти факты анализу, необходимому для обоснования его собственной гипотезы.

В статье имеются также интересные соображения об этимологии корня **varang-* и о путях проникновения этого корня в некоторые топонимические названия разных народов.

В. Кипарский (Бирмингем) в своей статье «О хронологии некоторых фонетических изменений в славянских языках» (V. Kiparsky, Sur la chronologie de quelques altérations phonétiques en slave) (стр. 19—21) высказывает интересные соображения об абсолютной и относительной хронологии явления перестановки групп **or*, **ol*, **er*, **el* между согласными и изменений **tj*, **dj* в славянских языках.

Исследуя звучания заимствованных в финских языках славянских слов корня **vertja*: финское диалектное *värtsi*, карельск. *värt'ti'si*, восток. *värttsi*, В. Кипарский отмечает, что здесь наблюдается изменение группы *tj*, но в группе, соответствующей праславянскому *er* между согласными, отсутствует как перестановка, так и возникновение второго гласного элемента (ср. ст.-слав. *врѣшѣ*, болг. *вѣщи*, сербо-кroatск. *vrěša*, словенск. *vrěša*, словацк. *vrecko*, ст.-чеш. *vřese* и русск. *вереть* < **verję*). Автор делает вывод, что в славянских языках изменение **tj*, **dj* предшествовало изменениям **ar*, **al*, **er*, **el* между согласными.

Анализируя некоторые другие славянские заимствования в финских языках, содержащие сочетания **tj*, **dj* или их соответствия, В. Кипарский приходит к выводу, что изменение этих сочетаний следует относить ко времени около IX в., причем можно предполагать, во-первых, что в то время еще существовали носовые гласные в каких-то диалектах некоторых славянских языков, а во-вторых, что процесс изменения групп **tj*, **dj* мог протекать неравномерно на территории восточнославянских племен и распространялся с юга на север.

В статье Хр. С. Станга «Предлоги *ing* (*i*), *prieg* (*i*), *nuog* (*i*), *išg* (*i*) и литовский местный падеж» (Chr. S. Stang, Die Präpositionen *ing* (*i*), *prieg* (*i*), *nuog* (*i*), *išg* (*i*) und die litauischen Lokalkasus) (стр. 11—18) рассматривается история современных литовских предлогов *i*, *prie*, *niū*, *iš*. Автор предполагает, что история этих предлогов должна быть поставлена в связь с существованием в латышско-литовский

¹ См.: А. J. Sjögren, Ueber das Werk des Königl. Dänischen Etatsrathes und Professors Finn Magnusen «Runamo og Runerne» betitelt, St. Petersburg, 1842; W. v. Gutzet, Warägen und Warangen, Riga, 1882; E. Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, St. Petersburg: Abt. I—1844; Abt. II—1845.

² Ad. Stender-Petersen, Die Väringer und Kyllfinger, «Varangica», Aarhus, 1953.

период вторичных временных падежей (Illativus, Allativus, Adessivus). Первоначально *-gi* должно было иметь эмфатическую функцию, передававшуюся образованиям *in + g (i)*, *prie + g (i)*, которые стали восприниматься как основные формы предлогов и влияли на *pid* и *iš*; позднее эмфатическое значение предлогов утратилось, эти формы обобщились и имела место редукция *gi*. Этим предположением может быть объяснено и меньшее распространение в древнелитовском языке предлога *išg (i)* как более позднего образования.

«Этимологические заметки» К. Торнквист (Гётеборг) (C. Thörnquist, Etymologiske Bemerkungen) (стр. 22—26) представляют собой замечания по поводу девяти этимологий из первого тома «Русского этимологического словаря» Фасмера. Соглашаясь с некоторыми из его этимологий, К. Торнквист указывает на не отмеченные в словаре значения (например, *камера* — помещение в шлюзе, в котором находится судно во время шлюзования, стр. 24). Говоря об этимологии слова *бейшлот* «канавка по краю дороги», автор считает необходимым привлечь параллельную форму *бейшлот* «плотина», восходящую к голл. *bijlsloot* с тем же значением (стр. 22). Вместо голл. *dregtow* «название для якоря на малых судах», с которым Фасмер сближает слово *дрог* (дрок) со значением «морская снасть для подъема паруса», в «Заметках» предлагается норвежский судовой термин *drag* «бечева» (стр. 24). Кроме этого, «Этимологические заметки» содержат замечания по поводу этимологии слов *бородба* (бродба), *бурак* в значении «берестяной сосуд», *верк*, *кэнтат*, *кйна*.

Статья А. Галлиса (Осло) «Употребление предлога *od* вместо родительного принадлежности в сербо-хорватском языке» (A. Gallis, Gebrauch der Präposition *od* statt des Genitivs des Eigentums oder der Zugehörigkeit im Serbokroatischen) (стр. 27—35) рассматривает синтаксическую тенденцию (как квалифицирует это явление автор), существующую и в других славянских языках, например словенском, польском, кашубском, чешском. Начинается статья изложением взглядов сербских и хорватских исследователей этого вопроса. Статья содержит результат исследования 70 случаев употребления предлога *od* вместо родительного принадлежности, собранных автором в текстах, охватывающих период с XIV в. до наших дней.

Распределяя материал по разрядам в соответствии со значением имен существительных, управляющих предлогом *od*, А. Галлис на первом месте (одна треть собранных примеров) ставит существительные со значением «владелец», «господин» и др.; вторая группа объединяет существительные со значением «прочной принадлежности» или «определенной составной части» (например, *ключ*, *срце*); третью группу составляют немногочисленные существительные, обозначающие место или время; кроме того, отмечены 20 существительных, которые не смогли быть распределены по разрядам в соответствии со значением (стр. 31—32). Материал, собранный автором, показал, что норма современного сербо-хорватского языка — выражение принадлежности предлогом *od* с управляемыми существительными, обозначающими не живые существа, а предметы, — не характерна для древнейших источников: почти в одной трети примеров А. Галлиса существительные, управляемые предлогом *od*, обозначают живые существа (стр. 33).

Касаясь вопроса о причинах замены родительного принадлежности родительным с предлогом *od*, автор рассматривает это явление как имманентную тенденцию всех индоевропейских языков, связанную с развитием их от синтетического к аналитическому типу (стр. 34). Исходя из этого взгляда, автор принимает предположение Л. Теньера¹ о влиянии итальянского языка, «дальше продвинувшегося в направлении аналитической структуры» (стр. 35), на сербо-хорватские диалекты, отвергая выдвинутую тем же ученым возможность влияния субстрата древнейших балканских языков, не позволяющую объяснить рассматриваемую тенденцию в других славянских языках, например в польском, кашубском и чешском (стр. 33—34).

Г. Хр. Соренсен в статье «Русский разговорник 17 века» (H. Chr. Sørensen, Ein russisches Gesprächsbuch aus der 17. Jahrhundert) (стр. 54—63) поднимает вопрос о значении для изучения русской разговорной речи XVII в. рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене и впервые отмеченной А. Стендер-Петерсеном в 1918 г. Рукопись имеет 54 страницы и состоит из трех глав, каждая из которых является беседой на определенную тему (Беседа 10 человек; О купле и о продаже; Как долги выбирать); каждая страница разделена на 2 части: в левой написан русский текст, правая (неисписанная), по мнению автора, должна была содержать параллельный немецкий текст (стр. 56). На основании анализа палеографических данных автор приходит к предположению о написании рукописи «внутри великорусской области или же великоруссом» (стр. 58) и о времени написания: характер написания *Ѣ*, *и* и т. д., а также употребление слова *ефимо* и содержание первой главы позволяют думать, что рукопись была написана между 1635 и 1660 гг. (стр. 60). В связи с приурочением рукописи к середине XVII в. отмечается актуальность исследования языка

¹ L. Tesnière, *Rur le système casuel du slovène*, «Mélanges linguistiques offerts à M. J. Vendryes», Paris, 1925, стр. 358—359.

рукописи в сравнении с языком Уложения 1649 г.¹ и с языком русского перевода 1647 г. книги Вальхаузена (I. I. von Wallhausen, *Kriegskunst zu Fuss*)²; подобное сравнение, считает автор, могло бы «осветить развитие разговорного языка этого периода» (стр. 61).

Предполагая детальное исследование языка рукописи в дальнейшем, автор статьи останавливается лишь на формах *тобя, собя, тобб, собб*, представленных в рукописи в многочисленных случаях; из этого автор делает вывод, что указанные формы продержались (вопреки мнению Унбегауна) в разговорной речи несколько дольше, чем это считали до сих пор (стр. 62).

В конце статьи высказываются предположения о том, что наличие рукописи в Королевской библиотеке в Копенгагене может быть объяснено развитием датско-русских торговых отношений в XVII в.

Короткая заметка А. Беклунда (Стокгольм) «Что означает *теремтете* у Гоголя?» (А. Baeklund, *Was bedeutet teremtete bei Gogol?*) (стр. 103—105) посвящена вопросу о значении и происхождении слова *теремтете*, дважды встречающегося в 18-й сцене комедии Н. В. Гоголя «Игроки». Автор отмечает закономерный характер употребления этого слова, являющегося по происхождению венгерским страдательным причастием *teremtette* и имеющего значение проклятия, в сцене, где речь идет о гусарах (Венгрия является родиной гусар как особого рода кавалерии). А. Беклунд предполагает, что употребление этого слова в комедии явилось результатом изучения Гоголем русского военного жаргона, заимствовавшего *теремтете* от австрийских военных во время войн начала XIX в.

В статье К. Неттеберга (Копенгаген) «Об исчезновении простых форм прошедшего времени в русском языке» (К. Netteberg, *On the disappearance of uncompounded preterit forms in Russian*) (стр. 44—53) ставится вопрос о вытеснении форм аориста и имперфекта в русском языке формами прошедшего времени на -л. Касаясь причин исчезновения аориста и имперфекта, автор бегло указывает на некоторые существующие взгляды и выражает свое неудовлетворение ими. По мнению автора, «церковнославянская глагольная система была разрушена в течение 17 века» (стр. 43); до этого времени авторы, употреблявшие «архаический церковный язык» в своих политических, исторических, богословских и т. д. произведениях, по всей вероятности, пользовались им также «и разговаривая об этих возвышенных предметах» (стр. 48). «Народный язык» отказался от форм простых времен «задолго до этого» (стр. 52).

Причины и подробности этого процесса, по существу, не освещаются автором, хотя в статье и говорится о роли видовых различий, о второй волне влияния византийской культуры в XIV и XV вв. и возрастающем употреблении в это время причастных конструкций, способствовавших затемнению у авторов «чувства личных спрягаемых форм» (sens of personal inflexion) (стр. 53).

Автор почти не привлекает фактического материала и в статье приводится только несколько примеров из «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» и следующие цифры: перфект встречается во всем этом тексте 35 раз, из них 14 случаев — это повторения трех глаголов: *взял, пошел и поставили* (стр. 49).

Во II томе «Scando-Slavica» (1956) опубликовано семь лингвистических статей. В статье Р. Экблума (Стокгольм) «Происхождение новых интонаций в славянских языках» (R. Ekblom, *L'origine des intonations nouvelles en slaves*) (стр. 3—12) затронуты очень сложные и далеко еще не изученные вопросы.

Появление этой статьи следует связывать с желанием автора уточнить отдельные моменты его воззрений на качество некоторых интонаций в балтийских и славянских языках³, которые были не вполне точно изложены в работе А. Мейе «Общеславянский язык». Кроме того, Р. Экблум уточняет здесь свою гипотезу о причинах переноса ударения со слога с циркумфлексной интонацией на последующий акутовый слог (закон Фортунатова — де Соссюра) и подчеркивает, в чем заключается отличие этой гипотезы от предположения де Соссюра: если, по де Соссюру, перенос этот происходил со слога с восходящей интонацией (старый литовский циркумфлекс) на слог с нисходящей интонацией (старый литовский акут), то Р. Экблум утверждает, что перенос осуществлялся со слога с циркумфлексной, нисходящей интонацией на слог с акутовой, восходящей интонацией в силу неустойчивости ударения на высшей точке нисходящей интонации. Тем самым он старается показать общность старых литовских и славянских интонаций.

Большое значение Р. Экблум придает в ряде случаев отпадению конечных редуцированных и образованию в связи с этим новых закрытых слогов, в результате чего имели место передвижение ударения и изменение характера интонации (метатония). Привлечая новые данные физиологии звуков речи и экспериментальной фонетики, автор

¹ См. П. Я. Черных, *Язык Уложения 1649 года*, М., 1953.

² См. Chr. S. Stang, *La langue du livre* «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей. 1647», Oslo, 1952.

³ См. R. Ekblom, *Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavobaltischen*, Uppsala, 1922.

дает характеристику качества отдельных новых интонаций в славянских и балтийских языках.

В статье содержатся также некоторые критические замечания по поводу неясности терминологии и неточности изложения разделов об ударении в работах А. Мейе «Общеславянский язык» и А. Вайяна «Сравнительная грамматика славянских языков».

Автор «Заметок о проникновении поздних русских заимствованных слов в некоторые северо-курляндские диалекты» К. Д р а в и н ь ш (Лунд) (K. Dravins, Beobachtungen über das Eindringen spätrussischer Lehnwörter in einige nordkurländische Mundarten) (стр. 48—61) в течение 30 лет изучал латышские диалекты Курляндского полуострова (вблизи от Тальзена) — местности, уроженцем которой он сам является. Используя частично данные прежних исследователей, частично собственные записи, он приводит богатый материал, иллюстрирующий то, как в различные исторические периоды контакт с русскими приводил к усвоению русских слов и выражений тальзенскими говорами. Заимствованные из русского языка слова расположены по группам в зависимости от содержания (военные термины, администрация и суд, меры и т. д.); многие из заимствованных слов употреблялись в качестве исходных для дальнейшего словообразования (с латышскими суффиксами).

Г. Б и р н б а у м (Стокгольм) в статье «К вопросу о праславянском *kv-*» (H. Birnbaum, Zu urslav. *kv-*) (стр. 29—40) рассматривает вопросы, связанные с изменением начального **kv-* в славянских языках. В первой части статьи автор стремится отграничить круг слов, которые должны явиться надежным материалом для анализа. С этой целью последовательно рассматриваются сравнительно многочисленные группы заимствованных (ср. *квадрат*) и звукоподражательных (ср. *квакать*) слов, квалифицируемых как «вторичные» (стр. 29) или древнейшие образования, свойственные отдельным языкам (стр. 32); в результате Г. Бирнбаум приходит к выводам, что только отдельные слова, как, например, устанавливаемые им **kvariti*, **kvisti*, **kvasъ*, могут быть выделены в качестве «прочного праславянского словарного наследия с *kv-*» и что «славянские рефлексy возможных индоевропейских *ku-* чрезвычайно редки» (стр. 34).

Связывая вопрос об изменении **kv-* с изменением начального **gv-* и со звуковым качеством индоевропейских *k* и *g*, автор во второй части статьи рассматривает гипотезы о причинах различия в развитии праславянского **kv-* и **gv-* перед гласными переднего ряда в южно- и восточнославянских языках и в западнославянских языках: гипотезу А. А. Шахматова, предполагающего наличие лабиального полугласного в едином юго-восточнославянском языке; гипотезу Р. Экблома, согласно которой в группах *kv-*, *gv-* согласные *k*, *g* и *v* произносились отчетливо раздельно в западнославянских языках и слитно (род аффрикаты) в южно- и восточнославянских языках; гипотезу Каллемана, пытающегося примирить воззрения А. А. Шахматова и Р. Экблома; гипотезу Ван Вейка, предполагавшего депалатализацию в западнославянских языках; наконец, близкое к гипотезе Ван Вейка предположение Грубечного, объясняющего наличие в западнославянских языках *kv-*, *gv-* явлением диссимиляции, отсутствовавшей в южно- и восточнославянских языках.

Критически рассматривая перечисленные гипотезы, Г. Бирнбаум признает «лучшей точкой зрения» «фонетико-психологическое понимание» Р. Экблома, считая необходимым объединить воззрения последнего с предположением о билабиальной артикуляции в южных и восточнославянских диалектах позднеобщеславянского языка и организовать инструментально-фонетическое исследование произношения начальных *kv-* и *gv-* в славянских языках.

Среди имен существительных уменьшительных особое место занимают в балтийских языках уменьшительные формы от фамилий; анализ их образования и значений содержит статья В. Рукс-Д р а в и н ы (Лунд) «Уменьшительные формы фамилий в латышском и литовском языках» (V. Rūke-Dravina, Diminutive bei Familiennamen im lettischen und litauischen) (стр. 41—47). Присоединение уменьшительных суффиксов к фамилиям широко распространено в латышском и литовском языках; уменьшительные фамилии могли попадать даже в паспорт и официальные документы. Уменьшительные формы фамилий могут употребляться для обозначения молодых людей, для различения двух людей с одинаковыми фамилиями; особый случай представляют образования фамилий детей (с целью отличить их от родителей).

Фамилии с уменьшительными суффиксами становятся подобными уменьшительным именам — как в формальном отношении, так и в отношении оттенков значения. Они приобретают обычно оттенок интимности, доверительности. В статье отмечается, что «уменьшительные фамилии варьируются не столько по диалектам, сколько главным образом индивидуально, в зависимости от оттенков отношения, которые хотят передать этим способом» (стр. 46). Рассматривая уменьшительные фамилии как стоящие наравне с обычными фамилиями, которые даются по отцовской линии, автор приходит к выводу, что «более ранний способ образования фамилий от имен отца или матери в современном латышском языке становится устаревшим. Теперь в отношении современного общества фамилии частично перенимают роль, которая некогда падала на имена и клички...» (стр. 44).

Э. Ниеминен (Хельсинки) в статье «Славянские (*j*) *ustro*, (*j*)*utro* и родственные слова» [E. Nieminen, Slavisch (*j*)*ustro*, (*j*)*utro* und Verwandte] (стр. 13—28) рассматривает происхождение и соотношение различных форм для выражения слова *утро* в славянских языках. Рядом примеров иллюстрируется распространение формы *jutro* наряду с *utro* во многих славянских языках, причем представленная в Синайской псалтыри форма с мягким *p* (*kъ jutru*) разъясняется автором путем привлечения соответствующих форм в литовском языке и новгородского диалектного *в утрѣхъ* (стр. 14). В качестве доказательства существования варианта *justro* привлекается прилагательное *justrzejszy* «утренний» из польского языка XV—XVI вв. (стр. 15). Используя соответствия литовск. *auōrà*, лат. *aurōra*, латыш. *aústrinš* «восток», автор выводит из индоевр. *auēs* «светить» существительное мужского рода **austrs* (стр. 15); при этом высказывается предположение о том, что литовск. *aušra* и славянск. *ustro* могли бы быть прилагательными со значением «принадлежащее восходу» (см. замечания о *risa ustra*, стр. 19 и далее).

Касаясь утраты *s* в *ustro*, автор присоединяется к мнению Миккола¹, который предполагает решающую роль диссимиляции с предлогами, обычно выступающими с *ustro* и очень часто содержащими *s* или *z* (стр. 23).

Опираясь на соотношение начального *a—ja* (с вторичным *j*), Э. Ниеминен решает вопрос о соотношении форм *jutro* — *utro* в пользу большей древности последней формы (стр. 27) и присоединяется к мнению о том, что *j* в *ymro* развился «не только по нормам фонетики», а в результате взаимного влияния *utro* и *juče* (при этом отмечается, что *utro* и *juče* являлись единственными исконными в старославянском языке словами, которые имели колебания между *u* и *ju* (стр. 28).

Статья З. Фолеевского (Висконсин) «Проблема польских фонем» (Z. Folejewski, The problem of Polish phonemes) (стр. 87—92) посвящена главным образом двум наиболее спорным моментам фонологического истолкования польского консонантизма и вокализма: 1) наличию корреляции по мягкости-твердости (palatal — nonpalatal) в системе согласных фонем и 2) фонематической самостоятельности (phonemic character) гласного *ę*.

По первому вопросу автор полемизирует с известным американским структуралистом Дж. Трейджером, который отрицал существование указанной корреляции, считая все палатализованные согласные польского языка (в отличие от палатальных) не простыми фонемами, а сочетанием соответствующих непалатализованных фонем с фонемой [j]. З. Фолеевский возражает против различной фонологической интерпретации палатализованных (*b'*, *p'*, *v'*, *f'*, *g'*, *k'*, *m'*, *x'*) и палатальных (*ž*, *ś*, *ǰž*, *ć*, *ń*, *ł*) согласных, например, *ń* и *m'*: отношение между *ń* и *nj* совершенно аналогично, по его мнению, отношению между *m'* и *mj*, *b'* и *bj*, *p'* и *pj* и т. д. [слова *Mańa* и *mańja*, например, столь же часто произносятся одинаково, как *Mum'e* (дат. падеж ед. числа от *Muma*) и *tumje*; функциональное различие внутри указанных пар также идентично—ср. *u* *ńej*, *um'ej*: *unja*, *tumja*].

Отрицание корреляции по твердости-мягкости на основании установления двуфонемной природы «палатализованных» польских согласных кажется, таким образом, Фолеевскому неоправданным.

Следует, однако, отметить, что, доказав несущественность утверждаемой Трейджером «идентичности произношения» *b'—bj*, *v'—vj* и т. п. при решении рассматриваемого вопроса, Фолеевский уделил совершенно недостаточное внимание рассмотрению второго (как кажется, гораздо более существенного) довода, приводимого Трейджером в пользу интерпретации «палатализованных» согласных как сочетания соответствующих непалатализованных с фонемой [j]—речь идет о полном «дистрибутивном» параллелизме «палатализованных» согласных с сочетаниями *tj*, *cj*, *śj*, *zj*, «двуфонемный» характер которых никто не подвергает сомнению, и о чрезвычайной «дистрибутивной» ограниченности их по сравнению с подлинными фонемами (*les vrais phonèmes*)². В рецензируемой статье имеется лишь беглое замечание о том, что неспособность «палатализованных» согласных выступать в конечном положении можно рассматривать как «чисто дистрибутивную ограниченность» (стр. 91), которое не является, как кажется, достаточно убедительным опровержением точки зрения Трейджера³.

¹ См. J. J. M i k k o l a, Urslavische Grammatik, II, Heidelberg, 1942.

² См. G. L. T r a g e r, La systématique des phonèmes du polonais, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 3, 1939, стр. 181.

³ Впрочем, наряду с мнением о том, что «дистрибутивные» различия не опровергают «основной модели» корреляций, предложенной польским лингвистом С. Шобером (см. его классификацию польских фонем, из которой исходит автор рецензируемой статьи: S. Szober, Gramatyka języka polskiego, Warszawa 1934, стр. 75—83). З. Фолеевский высказывает мнение о необходимости пересмотра этой классификации с учетом «проблемы дистрибуции» (в этой связи анализ Трейджера характеризуется как «чрезвычайно ценный вклад» — стр. 91, сноска 2) и предлагает в кон-

Краткие замечания о фонематической самостоятельности гласного ϵ , заканчивающиеся схемой гласных фонем — «свободных и ограниченных» в отношении положения и сочетаемости, также, как кажется, не являются вполне удовлетворительным решением этого сложного вопроса. Не вполне точно утверждение о том, что некоторые лингвисты (З. Штибер, С. К. Шаумян) исключают гласный ϵ из списка польских фонем на том основании, что «в современном польском этот гласный появляется очень редко и обычно совпадает в произношении либо со ротовым e , либо с сочетанием en » (стр. 92). Дело в том, что условия указанного произношения о р ф о г р а ф и ч е с к о г о ϵ ограничены положением в конце слова и перед зубными согласными, в то время как в большом количестве фонетических положений (перед щелевыми [f], [v], [f'], [v'], [s], [z], [š], [ž], [s], [ž], [x]) в польском л и т е р а т у р н о м языке, который исследует С. К. Шаумян, может выступать носовой гласный [ɛ]. Отрицание фонематической самостоятельности этого гласного основано, вопреки утверждению З. Фолеевского, не на «совпадении» его с e или en , а на отсутствии противопоставления его сочетанию en перед [s], [z], [š], [ž], [s], [ž], [x] (это сочетание невозможно перед данной группой щелевых) и, аналогичным образом, сочетанию em перед [f], [v], [f'], [v']¹.

Точку зрения Шаумяна не опровергает пример, приводимый Фолеевским в подтверждение «реальности оппозиции $\epsilon : e, \epsilon : en$ » (стр. 92), — ведь произношение некоторыми поляками носового [ɛ] в подобных случаях «не должно приниматься в расчет», как это специально оговорено в статье Шаумяна, который за основу анализа фонологической роли гласного [ɛ] принимает «положение, что этот носовой гласный возможен только перед щелевыми согласными»².

Таким образом, следует признать, что вывод Фолеевского о фонематической самостоятельности гласного ϵ был бы убедительным лишь при условии более внимательного рассмотрения и критики аргументации тех исследователей, с которыми полемизирует автор.

Статья Л. Ельмслева (Kopenhagen) «Очерки диалектной фонетики в латышско-литовской области» (L. Hjelmlev, *Études de phonétique dialectale dans le domaine letto-lituanien*) (стр. 62—86) интересна не столько описанием каких-то конкретных диалектных черт, сколько стремлением автора выявить на диалектном материале общие закономерности изучаемых диалектов, проследить взаимодействие этих закономерностей в пределах одного диалекта, с одной стороны, и показать соотношение их в разных диалектах, с другой.

Рассматривая изменение некоторых гласных звуков в жемайтском диалекте литовского языка и в верхнелатышском и латгальском диалектах латышского языка, Л. Ельмслев тщательно прослеживает действие в этих диалектах некоторых общих тенденций и связанные с ними изменения в системе фонем диалектов. Л. Ельмслев устанавливает действие следующих тенденций:

1) тенденция к устранению чрезмерных движений губ при образовании гласных³; 2) тенденция к симметрии фонематической системы; 3) тенденция к упрощению системы гласных; 4) тенденция к проведению некоторых приспособлений между звуками в определенной последовательности.

Характеристика этих тенденций путем анализа конкретных явлений очень интересна, однако не все формулировки представляются в равной мере убедительными. Так, например, не вполне ясно, следует ли говорить о тенденции к симметрии фонетической системы или речь должна идти о присущем фонетической системе параллелизме как о существе системы, ее органическом признаке, заложенном в самой ее природе в силу характера звуковых особенностей, а не появившемся в ней в результате действия какой-то одной тенденции.

Характерно стремление Л. Ельмслева изучать фонетические закономерности во всей их сложности. Так, анализируя некоторые фонетические изменения в каждом из рассматриваемых диалектов, автор старается показать, как действие одной тенденции способствует или препятствует проявлению другой, в каких сложных взаимосвязях они существуют в языке. Л. Ельмслев приходит к выводу, что прослеживаемые им тенденции охватывают латышские и литовские диалекты в различной степени и в разных звеньях их фонетических систем, хотя действие этих тенденций можно выявить во всей рассматриваемой области.

не собственную схему согласных фонем, учитывающую возможности их различных позиций и сочетаемости (стр. 92).

¹ См. С. К. Шаумян, Система гласных форм современного польского литературного языка, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», т. III, М., 1951, стр. 402.

² Там же.

³ Об этом более подробно см. L. Hjelmlev, *Études baltiques*, Copenhagen, 1932.

Большое внимание уделено в статье установлению места новых элементов в системе фонем. Рассматривая так называемое жемайтское передвижение (переход $\acute{e} > ie > y$; $o > uo > \bar{u}$ в восточножемайтском говоре и $e > ie > ei$, $o > uo > oi$ в западножемайтском говоре), Л. Ельмслев указывает, что при этом старый член системы исчезает, а нового не получается, так как звук, появившийся в результате этого передвижения, совпадает со звуком, уже имевшимся в системе ранее.

Т. В. Булыгина, О. Н. Мораховская и Б. С. Шварцкопф

РАБОТЫ ВЬЕТНАМСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ

Несмотря на годы изнурительной войны и трудности послевоенного периода, в Демократической республике Вьетнам велась и ведется работа по языкознанию. В настоящей рецензии рассматриваются лингвистические статьи, помещенные на страницах журнала «Литература, история, география» (№№ 1—12)¹. Для статей, публикуемых в этом журнале, характерен интерес к изучению связи истории языка с историей народа; эту связь авторы статей стремятся осветить с марксистских позиций.

В №№ 1, 2 и 3 журнала помещена работа известного вьетнамского лингвиста Фан Кхоя² «Исследование проблем истории Вьетнама по данным языка», которая состоит из 5 разделов, посвященных следующим проблемам: 1) древнее племенное название вьетнамцев, 2) существование рабовладельческого строя во Вьетнаме, 3) производственная деятельность древних вьетнамцев, 4) культ плодородия, 5) существование матриархата. По каждой из проблем лингвистические доводы подкреплены историческими свидетельствами. Хотя языковые данные, приводимые автором, немногочисленны и доказательства часто строятся на одной этимологии или на толковании определенного выражения, в работе содержится ряд интересных мыслей и тонких наблюдений. Кратко охарактеризуем все 5 разделов.

1. Древнее племенное название вьетнамцев. Из многих племенных самоназваний вьетнамцев («люди Нам Вьета», «люди Хан», «люди Хуэ», «люди Кинь» и др.) автор выделяет как наиболее древнее *кео* («люди Кео»). Этим же словом называют вьетнамцев северные и северо-западные соседи: лаотийцы, тхо и мяо. Слово *giao*, китайское заимствование во вьетнамском языке, встречается в составе названий древних племен «збао тьи» и «збао тьэу» (*giao-chi*, *giao-châu*). Автор предполагает, что *кео* — древнее самоназвание вьетнамцев, которое китайцы передавали иероглифом 交, — *цзю*, читавшимся в ту эпоху как *као*³.

2. Существование рабовладельческого строя. Анализируя все слова, означавшие когда-то «раб, слуга», автор устанавливает, что все они связаны с названиями горных племен севера и запада Вьетнама. Слово *моi*, ранее означавшее «слуга, раб» (а в современном языке имеющее значения: 1) «все» и 2) «дикари, варвары»), сравнивается с названиями племен в Чыонг-Шене, например *лоло*, *жаде* и др., которые имеют общее название *моi*. Слово *тоi* со старым значением «слуга, раб» (а в современном языке означающее «я» — местоимение 1-го лица) можно сопоставить с названием племени *тоi оi* в Куанг-Бине. Слова *thây tô* и *đây tô* «слуги» сопоставляются с названиями племен Сиам и Лаоса, относящихся к группе таи (*thây*, *đây*, *tây*, *thái*). На основании этого анализа делается вывод о существовании в древнем Вьетнаме рабовладения, при котором одним из источников добычи рабов служили межплеменные войны.

3. Производство в древнем Вьетнаме. Разбирая относящуюся к производству лексику, автор делит ее на две группы, руководствуясь тем, является ли слово исконно вьетнамским или же заимствовано из китайского языка. Исконно вьетнамскими словами оказываются термины рыболовства, охоты и животноводства, а также

¹ «Văn Sử Địa». Журнал выходит ежемесячно с декабря 1954 г.

² Фан Кхою (Phan Khôi) принадлежит ряд статей по фонетике и грамматике вьетнамского языка. Из крупных работ можно назвать «Изыскания в области вьетнамского языка» («Tìm tòi trong tiếng Việt», tập I, 1950) и сборник «Исследования по вьетнамскому языку» («Việt Ngữ Nghiên Cứu», Hà Nội, 1955).

³ *Као* — древнекитайское чтение иероглифа 交. Так, Б. Карлгрен дает для 交 архаическое китайское звучание *kǎo* и древнекитайское — *kau*. (Архаический китайский язык датируется ~ V в. до н. э., древний китайский 交 V в. н. э.). — См. B. Karlgren, *Grammata Serica*, Stockholm, 1940, стр. 431—432.

термины, относящиеся к обработке камня и к гончарному производству. Китайскими по происхождению оказываются все животноводческие термины, относящиеся к разведению лошадей и птицы, а также все земледельческие термины и названия металлов (например, бронзы, меди, железа, золота, серебра). Автор допускает, однако, возможность вытеснения древнего вьетнамского термина китайским.

4. **Культ плодородия.** Утратившее в современном языке свой смысл вьетнамское выражение *ba m'oi sáu cái n'õ n'õng, cái g'oi đ'au gi'õ'ng là ba m'oi b'au* «имеется 36 (вещей), когда (положишь) вещь под подушку, станет 37» автор связывает с культом (плодородия, сохранившимся в двух вьетнамских деревнях (Кхук-Лак и Зи-Нэу), согласно которому положенный на ночь под голову предмет культа предвещает рождение ребенка. При этом слова *n'õ n'õng* автор считает соотносительными *lingam* и *yoni*. [Поклонение изображениям *lingam* и *yoni* было распространено в древнем Китае и на юге Индо-Китая (Тьямпа)].

5. **Существование матриархата в древнем Вьетнаме.** Языковой материал, приведенный в доказательство существования матриархата в древнем Вьетнаме, скуден (современная пословица и строка из старинной вьетнамской песни). На основании этого материала можно с уверенностью говорить лишь о существовании группового брака и счета родства по материнской линии. Повидимому, недостатки данного раздела статьи заключаются в отождествлении последнего с матриархатом.

Две следующие статьи рассматриваемого журнала принадлежат вьетнамскому филологу Нгуен Донг-Тьи. В первой из них, названной «Путь развития и становления вьетнамского языка» (№ 8, 1955), Нгуен Донг-Тьи стремится показать обусловленность диалектной дифференциации и развития словарного состава вьетнамского языка историей вьетнамского общества. Автор пишет, что до покорения Северного Вьетнама китайскими феодалами (110 г. до н. э.) вьетнамцы были группой родственных племен, переживавших распад первобытно-общинного строя. Распространение вьетнамского языка происходило тогда за счет ассимиляции им других племенных языков. Автор указывает на то, что для многих наиболее древних и употребительных слов вьетнамского языка имеются соответствия в языках группы мон-кхмер (в качестве представителя ее берется язык бахнар) и группы тай (соответственно — язык фо).

Так, вьетнамскому *b'ôn* «четыре» соответствует в бахнарском языке *pu'o'n*; вьетн. *n'ăm* «пять» — *po'd'ăm*; вьетн. *sáu* «шесть» — *po'd'rau*; вьетн. *b'au* «семь» — *to'po'h*; вьетн. *tám* «восемь» — *to'ham*; вьетн. *chín* «девять» — *tó xin*; вьетн. *m'ăt* «глаз» — *mat*; вьетн. *m'ũi* «нос» — *muh*; вьетн. *tay* «рука» — *ti*; вьетн. *chân* «нога» — *jing*; вьетн. *tóc* «волосы» — *xok*; вьетн. *răng* «зубы» — *xo'peng*; вьетн. *cá* «рыба» — *ka* и т. д.

Вьетнамскому *cái* «вещь» в языке фо соответствует *cáy*; вьетн. *gao* «рис» — *k'au*; вьетн. *v'hi* «плечо» — *phái*; вьетн. *cổ* «шея» — *kho*¹; вьетн. *l'ung* «грудь» — *xa l'ang*; вьетн. *b'ung* «живот» — *r'um*; вьетн. *vú* «женская грудь» — *u* и т. д.

По мнению автора, эти факты свидетельствуют если не о происхождении данных языков из одного языка-основы, то по крайней мере о тесных исторических связях между ними. Надо сказать, что имеется большое число исследований, принадлежащих ученым Запада и посвященных генетическим отношениям языков Индо-Китая².

Тем не менее вопрос о происхождении вьетнамского языка остается неразрешенным. Европейские ученые оказались перед дилеммой: либо вьетнамский язык имеет общее происхождение с языками тай, либо он родствен языкам мон-кхмер (т. е. языкам австроазиатской группы). В пользу первой гипотезы, наряду с общностью определенной части лексики этих языков, говорит сходство древней системы музыкальных тонов вьетнамского и прото-тай (Масперо). Сторонники второй гипотезы основным аргументом считают общность группы слов (числительных, названий частей тела и др.), совпадающих в языках древнейшего населения Малакки, ряда народов Индо-Китая и племен мунда в Индии.

Нгуен Донг-Тьи в своей статье далее отмечает, что связи Вьетнама и Китая восходят к глубокой древности. Имеются сведения о вьетнамских миссиях в Китай в середине II тысячелетия до н. э. Раннее знакомство вьетнамцев с китайской техникой и культурой обусловило заимствование ряда китайских названий, как, например:

¹ Весьма убедительные соответствия для слова «шея» в австроазиатской группе приводит также Одрикур: вьетнамскому *cổ* и мыонгскому (язык близко родственник вьетнамскому) *kel, kok* в австроазиатских языках соответствует *kiko* в языке фонг, *kok* — в языке рианг, *tkon* — в языке куи, *kə* — в языке мон, *akə* — в языке бахнар-*koah* — в камбоджийском языке, а в прото-тан — *gə* (см. A. G. Haudricourt, La place de vietnamien dans les langues austroasiatiques, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 49, fasc. 1, 1953, стр. 126).

² См., например: E. Kuhn, Beiträge zur Sprachkunde Hinterindiens, München, 1889; P. W. Schmidt, Grundzüge einer Lautlehre der Mon-Khmer-Sprachen, Wien, 1905; его же, Die Mon-Khmer Völker, Braunschweig, 1906; H. Maspero, Etudes sur la phonétique historique de la langue annamite, «Bull. de l'école française d'extrême-Orient», t. XII, fasc. 1, Hanoi, 1912; A. G. Haudricourt, указ. соч.

phóng «бронза», *sắt* «железо», *búa* «молот», *gu^oo^t* «меч», *dao* «нож», *nỏ* «балиста», *cung* «дом, дворец», *rèn* «ковать» и т. д. Влияние китайской цивилизации в дальнейшем возросло еще более. Из китайского языка были заимствованы многие названия видов пищи, как, например: *bánh* «хлеб», *đường* «сахар», *cà* «помидоры», *đậu* «горох» и т. д.; названия орудий труда: *cu^oc* «мотыга», *bừa* «борова», *cu^a* «пила», *đinh* «гвозди» и т. д.; многие термины родства: *ông bà* «дед и бабушка», *bác* «дядя (старший брат отца)», *chú* «дядя (младший брат отца)», *chị* «старшая сестра», *dâu* «невестка» и т. д.

Заимствованные китайские слова изменяли свою звуковую форму согласно законам фонетики вьетнамского языка. Звуковой ассимиляции подвергались не только заимствованные слова, но и употреблявшийся во Вьетнаме китайский язык в целом. По мнению Нгуен Донг-Тъи, таким образом возник сино-аннамитский язык¹. Он считает, что вьетнамским народом создано два языка: основной — вьетнамский и подчиненный — сино-аннамитский. Сино-аннамитский язык был распространен среди вьетнамцев наряду с их родным языком, а отдельные слова и выражения сино-аннамитского языка широко используются вплоть до настоящего времени.

Феодальная раздробленность Вьетнама обусловила большие диалектные различия. С ростом рынка и объединением страны эти различия постепенно стирались. Однако в некоторых диалектах до сих пор сохраняются очень древние формы. Например, в диалектах употребляются *krong*, *khlon* вместо современного литературного *sông* «река»; *tru*, *tlu*, *klu* вместо *trâu* «буйвол»; *kóluk*, *klo'k* вместо *tróc* «голова, верх»; *ml'oi* вместо *tr'oi* «небо»; *ml'ón* вместо *l'ón* «большой».

Автор указывает, что во Вьетнаме в качестве языка государственно-административного, языка науки и буддийской религии долго сохранялся китайский язык. Только в 1917 г. под давлением национального движения французская колониальная администрация была вынуждена отменить китайский письменный язык как официальный. В период господства французских империалистов проводилась политика навязывания вьетнамскому народу французского языка. Однако во вьетнамский язык вошло сравнительно небольшое число французских заимствований, преимущественно обозначающих новые понятия. При этом французские слова претерпели фонетическую трансформацию, например, *enveloppe* «конверт» превратилось в *l'op*; *essence* «бензин» — в *xăng*; *la clé* «ключ» — в *l'ác lé*; *gare* «вокзал» — в *nhà ga* и др. Освобождение вьетнамского народа от колониального гнета явилось стимулом для интенсивного развития языка. В настоящее время вьетнамский язык совершенствуется, уточняет существующую и вырабатывает новую терминологию.

Вторая статья Нгуен Донг-Тъи называется «Проблемы письменности в истории вьетнамской литературы» (№ 9, 1955). Наибольший интерес в статье представляет новое освещение вопросов древней вьетнамской письменности и характеристика вьетнамской системы письма «ты-ном» (*chữ nôm* «родные знаки»). Во Вьетнаме имеют распространение гипотезы о существовании древней вьетнамской письменности еще до введения китайской иероглифики. Авторы этих гипотез опирались на следующие факты. Во-первых, за древние идеографические знаки принимались изображения на бронзовых барабанах из раскопок в Данг Шене. Во-вторых, в качестве доказательства правильности этих гипотез указывался тот факт, что собственной слоговой письменностью обладают некоторые народы, живущие на территории Вьетнама и являющиеся более отсталыми в экономическом отношении, чем вьетнамцы [например, таи (черные таи и белые таи), лаотийцы, мыонги, тхо и др.]. Нгуен Донг-Тъи не соглашается с гипотезами этого рода. Он считает, что изображения на барабанах представляют собою не идеограммы, а рисунки, памятники древнего искусства. Что же касается слоговой письменности лаотийцев и мыонгов, то она относится к тому времени, когда во Вьетнаме уже была распространена китайская иероглифическая письменность, и является результатом заимствования индийской письменности «пали». Нгуен Донг-Тъи утверждает, что в древнем Вьетнаме не могло существовать письменности, так как общество находилось на очень примитивной стадии развития. По его мнению, потребность в письме появилась только с развитием земледелия и возникновением эксплуатации. Эта потребность привела к заимствованию иероглифического письма.

В этой же статье Нгуен Донг-Тъи дает характеристику письма «ты-ном». Перед китайскими колонистами во Вьетнаме возникла задача обозначения в иероглифическом письме вьетнамских имен собственных (имен людей, названий местностей). Чаще всего для передачи вьетнамских звучаний *bô'*, *cái*, *chác*, *keo* и др. брались либо иероглифы, по чтению тождественные вьетнамским словам, например: *Bồ cái* 布蓋; *chác* 側, либо приближающиеся к ним по чтению, например: *keo* 交. Еще в XIII в. вьетнамский посол в Китае Чэн Кыонг-Чунг записал иероглифами целый ряд вьетнамских слов: *mặt giăng* «луна» — 勃文; *gió* «ветер» — 梅 *tây* «облако» — 教; *núi* «гора» — 幹隈; *n'uo'c* «вода» — 掠; *mắt* «глаз» — 未; *miệng* «рот» —

¹ Существуют и иные мнения о характере сино-аннамитского языка; так, например, Масперо считал его китайским языком, сохранившим фонетический облик X в. н. э. (см. Н. Масперо, указ. соч.).

血; *cha* «отец» — 吒; *me* «мать» — 娜 и т. д. Впоследствии этот принцип был усвоен вьетнамцами, и во Вьетнаме распространилась, наряду с китайской, иероглифика, приспособленная к чтению вьетнамских слов. Таким образом, заимствование китайских иероглифов по их созвучию с вьетнамскими словами явилось основой системы «ты ном». Со временем эта система была усовершенствована. Оценивая борьбу за национальную письменность («ты ном») как часть антифеодальной борьбы, автор отмечает недостатки системы «ты ном», которые не позволили ей стать народной письменностью (в частности, необходимость основательного знания китайской иероглифики для понимания этой системы).

Августовская революция 1945 г. поставила перед вьетнамским народом такие задачи, как овладение грамотностью и развитие культуры отсталых племен и народов. Все это стимулирует быстрое развитие вьетнамского языкознания.

Ю. К. Лекомцев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

22 июня 1956 г. на заседании Ученого совета Института состоялась защита кандидатом филол. наук, членом-корр. АН СССР Б. А. Серебренниковым диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тема диссертации: «Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп».

В кратком вступительном слове диссертант охарактеризовал основные проблемы, решению которых посвящено исследование. Это, с одной стороны, вопросы, относящиеся к категориям времени и вида, и, с другой, вопросы, связанные с взаимодействием финно-угорских и тюркских языков в Волго-Камском бассейне.

Тема диссертации является мало разработанной и трудной. В результате критического анализа всей отечественной и зарубежной литературы, относящейся к теме, на основе изучения большого фактического материала, автор пришел к выводам, вносящим ясность в представление о видо-временной системе исследуемых языков.

Из пяти глав диссертации первые четыре посвящены вопросам времени и вида в каждом из исследуемых языков. В первой главе рассматривается коми-зырянский язык, как язык, не подвергшийся влиянию тюркских языков, затем — близкородственный ему удмуртский, далее — типологически более близкий к пермским языкам марийский и, наконец, мордовский язык, занимающий среди них особое положение.

Одним из наиболее сложных вопросов грамматики пермских и удмуртского языков является вопрос о сущности «прошедшего неочевидного» (или второго прошедшего времени). К решению его необходимо подойти с исторической точки зрения. Прошедшее неочевидное в пермских языках образовано на базе так называемого *м*-ового причастия, которое выражает результат действия. Следовательно, это время могло быть по своему значению только перфектом. Со временем перфект, сохраняя старое значение, получил дополнительное модальное значение неочевидности. (Возможность развития этого оттенка на основе перфектного значения подтверждается историей многих языков: грузинского, персидского, латышского, эстонского, финского и др.). Это привело к созданию ряда прошедших времен абсентива, включающих форму 3-го лица единственного числа перфекта вспомогательного глагола «быть» (коми *вӧлӧм*, удм. *вылэм*). Диссертант пришел к выводу о необходимости выделения особого наклонения неочевидности (или абсентива) в пермских, а также в марийском языках, где перфект, плюсквамперфект и прошедшее длительное имеют параллельные формы абсентива.

Другой спорный вопрос — наличие в пермских языках аналитических прошедших времен, обозначающих длительное действие; ср. марийск. *каем ыле*, коми *мун а вӧлі* «я шел» и т. д. В диссертации доказывается, что рассматриваемые образования представляют собой аналитические времена, а не простые аналоги русских аналитических конструкций типа *иду*, *бывало*. Во-первых, они не совпадают по значению с русскими модальными конструкциями с частицей *бывало*; во-вторых, в пермских языках аналитическая конструкция более спаяна и буквальное значение ее компонентов утрачено.

В диссертации установлено количество времен в каждом из исследуемых языков, выявлено их значение и употребление.

Исследование показало, что система глагольных времен в марийском языке почти точно повторяет систему глагольных времен в пермских языках. В отличие от пермских языков, второе прошедшее время способно здесь обозначать длительное действие в прошлом, как и аналогичное время чувашского языка.

В диссертации сделана попытка решить вопрос о происхождении двух форм первого прошедшего времени в марийском языке: содержащих элемент *-ш-* и не имеющих его. Эти формы диссертант связывает не с причастием на *-шо*, а с элементом *-с-* в окончании третьего лица единственного и множественного числа в коми языке, где этот элемент отсутствует у некоторых непереходных глаголов. Очевидно, это *-с-* некогда было признаком переходности действия в ряде финно-угорских языков.

Мордовский язык сильно отличается от пермских и марийского, так как он не был существенно затронут влиянием тюркских языков и сохранил некоторые архаические черты. В диссертации исследуется значение настоящего, первого прошедшего, второго прошедшего (или продленно-прошедшего) и будущего времени в этом языке.

При исследовании проблемы глагольного вида в рассматриваемых языках диссертанта не удовлетворили как установки зарубежных финно-угроведов, совершенно отрицающих наличие видов в этих языках, так и положения ряда отечественных финно-угроведов, считающих показателем вида любой глагольный суффикс с видовым значением, хотя бы и крайне непродуктивный и редкий. Не могли его полностью удовлетворить и современные теории глагольного вида.

По утверждению диссертанта, видом может быть названа любая характеристика глагольного действия, независимо от ее принадлежности к аспекту или акционсарту, поскольку выражение особенности протекания действия является одним из самых существенных признаков вида. Важно лишь, чтобы средства грамматического выражения вида имели всеобщее распространение. Если показатель вида способен присоединяться только к ограниченному количеству глагольных основ — это видовой класс.

Единственным действенным средством, способным разрешить в какой-то мере проблему глагольного вида в финно-угорских и тюркских языках, является классификация показателей с видовым значением, основанная на учете их распространенности.

Как показало исследование, судьба древних видовых классов была различна в разных финно-угорских языках. В коми языке оформились четыре вида (многократный, дистрибутивный, рефлексивный и уменьшительный) и сохранились остатки некоторых видовых классов. В удмуртском, который, как и марийский, испытывал влияние тюркских языков, полностью оформился только один вид — многократный. В марийском имеются лишь видовые классы, суффиксы которых уже непродуктивны. В мордовском (эрзянском) существует один видовой класс с суффиксом *-кшно* (*-кшне*), почти сформировавшийся в многократный вид. Остальные суффиксы непродуктивны. Диссертант отмечает, что вместе с тем в ряде указанных языков возникли новые средства выражения видовых значений. Таковы формы прошедшего длительного в коми-зырянском, удмуртском и марийском языках, имеющие значение многократности, и классы сложных глаголов в марийском языке, образовавшиеся под влиянием чувашского языка.

Последняя глава диссертации целиком посвящена вопросам взаимодействия финно-угорских и тюркских языков Волго-Камья. Диссертант при выяснении влияния видо-временных систем одних языков на другие не ограничился сопоставлением только этих систем. Типологическое сходство может быть случайным явлением, если не будет отдельным звеном в целом ряде других типологических сходств рассматриваемых языков.

Выявляя связи между марийским и чувашским языками, Б. А. Серебренников указывает на ряд черт, связывающих марийский язык не только с чувашским языком, но также с пермскими и мордовским, а также выясняет связи удмуртского языка с татарским. Он отмечает, что в Волго-Камском ареале существуют и групповые однотипные явления, захватывающие ряд языков (не только два, смежные по территории), причем обнаруживает зоны наибольшего сгущения изоглосс (марийский, чувашский и татарский языки) и зоны изоглоссного затухания (мордовский и отчасти коми). В диссертации определены некоторые общие зональные черты, присущие всем языкам Волго-Камья (ср., например, однотипную схему прошедших времен, характерную для всех финно-угорских, кроме мордовского, и для тюркских языков этого ареала).

Таким образом, Б. А. Серебренников устанавливает факт наличия в районе Волго-Камья особой языковой зоны, подобной языковым зонам Балканского полуострова, Кавказа, Средней Азии и Прибалтики. Этот ареал представляет исключительный интерес с точки зрения изучения различных процессов языкового взаимодействия.

Как подчеркнул в заключение диссертант, немаловажным объектом сравнения могут быть не только звуки и формы, но и семантика форм родственных языков. Очень важно и сравнение значений форм неродственных языков, смежных по территории или входящих в одну языковую зону, а также изучение структурных изотипов.

Официальный оппонент доктор филол. наук проф. Тартуского университета, действ. член Академии наук Эстонской ССР П. А. Аристэ приветствовал обращение диссертанта к глаголу — наиболее сложной грамматической категории в финно-угорских языках, особенно в языках пермской и волжской групп, глубокое изучение которых было бы невозможно без привлечения взаимодействовавших с ними тюркских языков Волго-Камского ареала.

Очень интересна, по мнению оппонента, теория автора о существовании некогда так называемых волго-окских языков, оставивших субстрат в пермских и волжских языках. Хотя эта теория и нуждается в дополнительных исследованиях, несомненно, что в финно-угорских языках (как и в прибалтийско-финских) имеются очень древние, главным образом лексические, элементы, которые не являются финно-угорскими.

П. А. Аристэ отметил правильность определения сущности времен и трактовки вида в финно-угорских языках и сделал несколько частных замечаний. Он особенно подчеркнул важность критики диссертантом ошибочных и псевдонаучных теорий, искажавших представление о развитии ряда финно-угорских языков. В заключение оппо-

мент выразил пожелание о скорейшем опубликовании Б. А. Серебренниковым своего труда, который должен учесть каждый финно-угровед в СССР и за границей.

Официальный оппонент доктор филол. наук проф. В. И. Лыткин указал, что до сих пор специальных исследований по исторической грамматике мордовских и марийского языков было очень немного, по пермским же языкам их совсем нет. Поэтому появление капитального труда, посвященного сложным и актуальным проблемам четырех финно-угорских языков, является настоящим событием в финно-угроведении.

В. И. Лыткин остановился на нескольких важнейших моментах содержания диссертации. Он согласился с автором в понимании грамматической категории вообще и грамматической категории вида, в частности. Он отметил далее в работе диссертанта богатство фактического материала, тончайшие наблюдения в отношении видовых и временных значений глагольных форм, позволившие Б. А. Серебренникову обнаружить новые явления в рассматриваемых грамматических категориях.

В. И. Лыткин указал, что в диссертации много новых оригинальных положений, касающихся генезиса форм времен и наклонений волжских и пермских языков. Так, путем сравнительного изучения марийского и пермских языков диссертант пришел к выводу, представляющему подлинное открытие, — относительно происхождения показателя *s*-ового претерита в коми языке. Правильны и интересны выводы о позднем формировании простого будущего в коми языке, о глагольных видах пермских и волжских языков (различение видов и видовых классов и т. д.).

В результате тщательного исследования Б. А. Серебренников приходит к обоснованному выводу о судьбе видовых классов в рассматриваемых языках и устанавливает вместе с тем общую тенденцию — отмирание видовых классов в этих языках.

Обратившись к последней главе диссертации, В. И. Лыткин подчеркнул, что факт установления сходства между языками разных семейств уже сам по себе представляет большую научную ценность — независимо от того, как объясняется происхождение этого явления. В заключение он отметил, что, в сущности, в диссертации Б. А. Серебренникова поставлены три проблемы, каждая из которых могла бы явиться самостоятельной темой докторской диссертации: 1) времена и виды в пермских языках, 2) времена и виды в волжских языках финно-угорской семьи и 3) взаимовлияние финно-угорских и тюркских языков Волго-Камья.

Третий официальный оппонент доктор филол. наук проф. П. С. Кузнецов подробно остановился на ряде затронутых диссертантом общих вопросов, касающихся грамматических категорий времени и вида, и на вопросах языкового взаимодействия.

П. С. Кузнецов указал, что в последней главе поднимается важный вопрос: в какой мере типологическое сходство может быть случайным и в какой мере оно может сложиться в процессе взаимодействия. Существенно, что диссертант привлекает не только интересующие его формы, но и самые разнообразные лексические, грамматические и фонетические факты, обращается и к топонимике и тем самым обнаруживает, что типологическое сходство исследуемых языков не является случайностью.

П. С. Кузнецов разошелся с диссертантом в трактовке некоторых спорных вопросов современного языкознания, относящихся к теории вида. Он признал неудачным подразделение на виды и видовые классы, поскольку различие между ними чисто количественное, а не принципиальное: те и другие — словообразовательные категории, остающиеся за пределами грамматики. Вид может быть отнесен к грамматическим категориям лишь в тех языках, где он связан со временем. Поэтому о грамматической категории вида в финно-угорских языках, по мнению П. С. Кузнецова, говорить нельзя. Можно говорить лишь о различных словообразовательных типах.

В целом работа, как подчеркнул оппонент, свидетельствуя о широчайшем лингвистическом кругозоре автора, полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторской диссертации и несомненно заслуживает опубликования.

С замечаниями по отдельным положениям, высказанным в автореферате, выступили неофициальные оппоненты: мл. научн. сотрудник Института востоковедения АН СССР Н. А. Сыромятников, а также зав. сектором языка Удмуртского НИИ канд. филол. наук П. Н. Перевощиков и канд. филол. наук Т. И. Тепляшина, подчеркнувшие не только теоретическую, но и практическую ценность исследования Б. А. Серебренникова. Положительная оценка метода, применяемого диссертантом, была дана в кратком отзыве на автореферат, присланном венгерским ученым Д. Р. Фокош-Фукс. Поступил отзыв из Чувашского НИИ языка, литературы и истории, подписанный зам. директора Чувашского НИИ канд. истор. наук В. Дмитриевым, зав. сектором языка канд. филол. наук И. Павловым и научн. сотрудником Института Н. Романовым. Там, в частности, указывалось, что выводы, касающиеся вопроса о наличии категории вида в финно-угорских языках, приемлемы и для тюркских языков.

В заключительном слове диссертант дал исчерпывающие ответы на возражения и вопросы оппонентов.

Ученый совет Института языкознания АН СССР единогласно присудил Б. А. Серебренникову искомую степень доктора филологических наук.

Н. П. Зверковская

Созданием файла занимался
ewgeni23 (апрель 2010)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

6

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА